

АЛЕКСАНДРЪ

литературно-исторический журнал № 3, декабрь, 2016

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ !

Вызывает восхищение и вместе с тем некоторое удивление, что в России, в столь сложное для страны время смог появиться новый литературно-исторический журнал и имя ему – «Александръ».

Почему-то хочется особо указать на это явление, возникшее в литературном сообществе. Причин как минимум две: во-первых, замечательно, что журнал родился в российской глубинке; во-вторых, это новая возможность размещать свои произведения не только маститым литераторам, но и начинающим, пробующим свои силы молодым людям, влюбленным в литературное творчество.

Смею надеяться, что журнал не обойдет своим вниманием и ученых России. Кто-то может подумать и сказать: стоит ли отвлекаться и распыляться известным ученым, изобретателям и новаторам, педагогам-исследователям и прочим специалистам, относящимся к научному сообществу, на такие «мелочи». Но в научной и воспитательной работе, как известно, мелочей не бывает. Существует древняя поговорка: врач не может быть хорошим врачом, если он только хороший врач. То же и с учеными. Если ученый – только ученый, то он не сможет стать крупным ученым. Когда исчезает фантазия, вдохновение, то вырождается и творческое начало. Оно нуждается в отвлечениях, иначе у ученого остается лишь стремление к фактам. Вспомните отвлечение Ньютона. Величайшим созданием своей жизни, ученый считал не сформулированные им принципы всемирного тяготения, а свое богословское сочинение «Замечания на книгу пророка Даниила...». А Вагнер, например, ценил свои стихи выше, чем свою гениальную музыку. Эту парадоксальную особенность «отвлечений» крупных ученых подмечал Сергей Иванович Вавилов в своих статьях и биографических очерках.

Стоит искренне пожелать редакции журнала и его главному редактору новых творческих открытий и исторических находок. В добрый путь, «Александръ»!

Александр Николаевич СЁМИН,
академик РАН, член Союза писателей России

Главный редактор – Анатолий ТРУБА

Редколлегия:

В.С. АРШАНСКИЙ (Мичуринск)
Е.В. БАРАБАНЩИКОВ (Первомайский)
Л.Н. ВАСИЛЬЕВА (Москва)
С.И. КОТЬКАЛО (Москва)
Л.В. КОЛПАКОВ (Москва)
Р.С. ЛЕОНОВ (Мичуринск)
Т.О. МАЛИКОВА (Тамбов)
А.И. НОВИКОВ (Екатеринбург)
Ю.М. ПОЛЯКОВ (Москва)
Г.Н. ПОПОВА (Мичуринск)
А.Н. СЁМИН (Екатеринбург)
В.Е. СОЛОВЬЕВ (Тамбов)
В.И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов)
Я.Б. ХУТОРЯНСКИЙ (Екатеринбург)
В.М. ЮРЬЕВ (г. Тамбов)

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчетливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 3, декабрь, 2016 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А.С. Труба.

Дизайн, верстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 1.12.2016 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 393700, Тамбовская обл., п. Первомайский, ул. 35 лет ГДР, 2.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8, Усл. печ. л. 12

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в ООО «Просто Печать», 398042, г. Липецк, ул. Пестеля, 38.

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

КОНКУРС

4 «Просвещение через книгу»

РОССИЯ • РОДИНА • ЛЮБОВЬ

8 Владимир Казмин.
Луганский гость журнала

ПОЭЗИЯ

12 Геннадий Былкин.

14 Виктор Кострикин. Еще – не осень...

18 Дмитрий Порущкевич. Стояла
поздняя печаль

ЖИТЕЙСКОЕ

20 Анатолий Труба. Украденное
счастье

ДАЛЁКОЕ—БЛИЗКОЕ

23 Василий Попков. Просветители

СТРАНА РОДНАЯ

36 Солнце встаёт на востоке

ГОРДОСТЬ РОССИИ

42 Владимир Зельдин

ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ

47 Козловский Троицкий мужской
монастырь

БЫЛОЕ

58 Преподобный Иосиф

ИСКУССТВО

61 И снова в Пензе...

МИР УВЛЕЧЕНИЙ

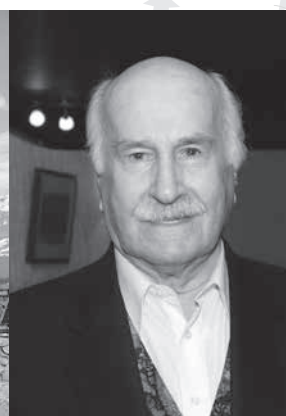
64 Женщины в сельском хозяйстве.
Почтовая миниатюра

ОБЩЕСТВО

70 Путеводитель казака

ПРОЗА

83 Николай Наседкин. Сто двадцать
лет спустя

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «АЛЕКСАНДРЪ» ОТ ВСЕЙ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЕТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА А.С. ТРУБУ, ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВО ЕПИСКОПА МИЧУРИНСКОГО И МОРШАНСКОГО ГЕРМОГЕНА И ДИРЕКТОРА ЛИПЕЦКОГО ПОЛИГРАФИЧЕСКОГО АГЕНТСТВА ООО «ПРОСТО ПЕЧАТЬ» П.В. КОРНЕЕВА С ЗАНЯТИЕМ ПРИЗОВОГО МЕСТА НА ОТКРЫТОМ КОНКУРСЕ ИЗДАНИЙ «ПРОСВЕЩЕНИЕ ЧЕРЕЗ КНИГУ»

11-ЫЙ ПРЕМИАЛЬНЫЙ СЕЗОН ОТКРЫТОГО КОНКУРСА ИЗДАНИЙ «ПРОСВЕЩЕНИЕ ЧЕРЕЗ КНИГУ»

2 НОЯБРЯ 2016 ГОДА В СЕРГИЕВСКОМ ЗАЛЕ ХРАМА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ ПРОШЛА ТОРЖЕСТВЕННАЯ ЦЕРЕМОНИЯ НАГРАЖДЕНИЯ ЛАУРЕАТОВ XI ОТКРЫТОГО КОНКУРСА ИЗДАНИЙ «ПРОСВЕЩЕНИЕ ЧЕРЕЗ КНИГУ». КОНКУРС ИЗДАНИЙ ПРОВОДИТСЯ ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛА. ОРГАНИЗАТОРАМИ КОНКУРСА ЯВЛЯЮТСЯ – ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ВЫСТАВОЧНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «РЕСТЭК» ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО АГЕНТСТВА ПО ПЕЧАТИ И МАССОВЫМ КОММУНИКАЦИЯМ И РОССИЙСКОГО КНИЖНОГО СОЮЗА.

Первый конкурс «Просвещение через книгу» состоялся в ноябре 2006 года, а уже по итогам второго открытого конкурса печатных изданий «Просвещение через книгу 2007» в своем обращении к организаторам Святейший Патриарх Алексий отметил: «География участников конкурса свидетельствует о возрастающем интересе книгоиздателей России, как к

самому конкурсу, так и к вопросам веры, нравственности, истории Церкви и государства Российского. Считаю полезным ежегодное проведение конкурса «Просвещение через книгу».

Конкурс проводится с целью поощрения авторов и издателей, внесших значительный вклад в дело религиозно-нравственного просвещения и утверждения

православных ценностей. Также он призван привлечь общественное внимание к лучшим произведениям соответствующим высоким идеалам духовного просвещения и патриотического воспитания, пробудить издательский интерес к воспитанию подрастающих поколений в духе истинных христианских ценностей.

В торжественной церемонии приняли участие:

По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла

XI открытый конкурс изданий
«Просвещение через книгу»

ДИПЛОМ

III степени

в номинации

«Лучшее справочное и краеведческое издание»

награждается

**Мичуринская и Моршанская епархия,
Издательство «Просто печать»**

за книгу

**«Богоявленская земля»
Автор Анатолий Сергеевич Труба**

Председатель Издательского Совета Русской Православной Церкви
Митрополит Калужский и Боровский

Генеральный директор ООО «Выставочное объединение «РЕСТЭК®»
И.П. Кирсанов

Москва
2016

Председатель Издательского совета Русской Православной Церкви митрополит Калужский и Боровский Климент; Генеральный директор группы предприятий «РЕСТЭК» Игорь Кирсанов; Руководитель Управления периодической печати, книгоиздания и полиграфии Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Юрий Пуля.

В 2016 году конкурсное жюри отметило 42 российских и зарубежных издания в 11 номинациях: Главный приз конкурса получил Издательский центр Донского монастыря за историко-искусствоведческий альбом «Донской монастырь», а специальный приз Издательство «Русская неделя» (город Тюмень) за книгу «Святитель Филофей: Сибирский Лествичник». Для современного читателя книгу с церковнославянского языка перевели Мирослав Бакулин и Тимофей Сайфуллин. В остальных номинациях были выделены следующие издания:

Первая авторская книга.

- 1 место. Издательство Сретенского монастыря. «Валаамские светильники духа. XX век». Автор: протоиерей Сергей Третьяков.
- 2 место. Издательство Саратовской митрополии. «Физика Бытия: происхождение Вселенной в десяти стихах». Автор: Алексей Клецков.
- 2 место. Издательство «Дарь». «Запах счастья. Рассказы взрослого мальчика». Автор: Пётр Колосов.

Лучшее художественное произведение.

- 1 место. Издательский дом «Никея». «Осень в Задонье». Повесть о земле и людях. Автор: Борис Екимов.
- 2 место. Издательский дом «Никея». «Великий князь Михаил Тверской». Роман-эпоха. Автор: Николай Фудель.
- 3 место. Издательство Сретенского монастыря. «Грузинская рапсодия». Автор: Олеся Николаева.

3 место. Издательство «Сибирская Благовонница. «Дом, где тебя ждут». Автор: Ирина Богданова.

Лучшее учебное издание.

- 1 место. Издательство Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. «Бог во плоти. Святоотеческое учение о человеческой природе Господа нашего Иисуса Христа». Автор: Протоиерей Вадим Леонов.
- 2 место. Издательство «Дарь»: «Библия для всех: курс 30 уроков. Том 1. Ветхий Завет. Том 2. Новый Завет». Автор: Вероника Андросова.
- 3 место. Издательство Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии. «Введение в Ветхий Завет». Автор: Дмитрий Добыкин.
- 3 место. Издательство Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии. «Введение в Новый Завет». Автор: протоиерей Дмитрий Юревич.

Лучшее справочное и краеведческое издание.

- 1 место. Издательство «МедиаЛ». «Колокольный звон Белой Руси: тысячелетие традиции». Автор: Елена Шатко.
- 2 место. Издательство «Корпорация технологий продвижения». «Бог есть любовь». Из истории архиерейского служения в Симбирской (Ульяновской) епархии 1832–2016 годы. Авторы: священник Илья Косых, Владислав Ястребов.
- 2 место. Издательство «Православная Церковь в Литве». «Православные святые в истории Литвы». Автор: Андрей Фомин.

- 3 место. Издательство «Просто печать». Моршанская и Мичуринская епархия. «Богоявленская земля». Автор: Анатолий Труба.
- 3 место. Издательский дом «Новости мира». Волгоградская митрополия. «Святые обители. Монастыри Урюпинской епархии». Авторы: Епископ Урюпинский и Новоаненский Елисей (Фомкин), священник Евгений Агеев.

Лучшее издание по истории Русской Православной Церкви в XX веке и казачеству.

- 1 место. Издательство Свято-Тихоновского гуманитарного университета. «За вами следит с любовью рать небесная». Жизнеописание, письма и документы архивно-следственных дел святого мученика Александра Медема. Научный редактор — кандидат исторических наук, священник Александр Мазырин, подготовка к изданию Ирины Ковалёвой.
- 2 место. Издательство Гжельского государ-

ственного университета. «За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950 гг. на территории Раменского района Московской области. Том 1». Авторы: Вадим Никонов и Наталья Ушатова.

- 3 место. Издательство «Христианская Библиотека». «Дважды француз Советского Союза. Мемуары. Выступления. Интервью. Публицистика». Автор: Никита Кривошеин.
- 3 место. Издательство Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. «Пасха избавления от скорби. К 70-летию возобновления монашеской жизни в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре». Составитель: Анна Ключикова.

Лучшая историческая книга.

- 1 место. Издательский отдел Нижегородской епархии. «История Русской Церкви. Митрополичий период: 988–1598 гг.». Автор: Архимандрит Макарий (Веретенников).
- 2 место. Издательство «Молодая гвардия». «Софья Палеолог». Автор: Татьяна Матасова.
- 3 место. Издательство Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии. «Тысяча лет Русского Афона (духовный подвиг русского монашества)». Автор: Михаил Шкаровский.
- 3 место. Издательство Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии. «Князь Владимир и истоки русской церковной традиции: этюды об эпохе принятия Русью христианства». Автор: протоиерей Константин Костромин.

Лучшая иллюстрированная книга.

- 1 место. Издательство «Планета». «1000 лет русскому монашеству на Афоне. Свет миру». Автор: Георгий Юдин.
- 2 место. Издательство «Политическая энциклопедия» РОССПЭН. «Аксаковы: семейная энциклопедия» под редакцией член-корреспондент РАН, доктора исторических наук Сергея Каштанова.
- 2 место. Издательство Варшавской митрополии. Альбом «Духовность Православия». Автор-составитель: Ярослав Харкевич.
- 3 место. Издательский дом «Никея». «Православное богослужение. Иллюстрированная энциклопедия для всей семьи». Автор: протоиерей Михаил Браверман.

Лучшая духовно-просветительская книга.

- 1 место. Издательство Сретенского монастыря. «Иисус Христос. Жизнь и учение. Книга 1. Начало Евангелия». Автор: митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев).

3 место. Издательство «Политическая энциклопедия» РОССПЭН. «Патриарх Победы. Жизнь и церковное служение патриарха Московского и всея Руси Алексия (Симанского)». Автор: Михаил Одинцов.

1 место. Издательство «Политическая энциклопедия» РОССПЭН. «Отечество в Великой войне 1941-1945 годов. Образы и тексты». Под общей редакцией кандидата исторических наук Андрея Сорокина, доктора исторических наук Андрея ШUTOва.

Лучшая книга для детей и юношества.

2 место. Издательство «Сибирская Благовонница». «Любимым детям». Составители – Елена Ерофеева и Людмила Чуткова.

3 место. Издательство «Даръ». «Один в поле воин». Автор: Екатерина Каликинская.

1 место. Издательский дом «Союз». Аудиокнига «Владимир Тендряков. Собрание сочинений». Читают: Вениамин Смехов, Сергей Гармаш, Максим Суханов, Александр Кляквин, Михаил Горовой.

2 место. Издательский дом «Союз». Аудиокнига «Александр Сергеевич Пушкин. Собрание сочинений». Читают: Максим Пинскер, Александр Клюквин, Алексей Золотницкий.

2 место. Издательский дом «Союз». Аудиокнига «Николай Васильевич Гоголь. Собрание сочинений». Читают: Вениамин Смехов, Александр Клюквин, Алексей Кузнецов.

3 место. Издательство Курской областной библиотеки для слепых им. В.С. Алёхина. Аудиокнижка «Святые земли Курской». Автор: священник Владислав Реутов, читает Нина Олешня.

иерей Николай Балан,
ведущий специалист
сектора конкурсных
программ

Владимир КАЗМИН

(Прокопенко Владимир Афанасьевич)

Родился в 1964 году в шахтерском поселке Михайловка, что на Луганщине. Работал в шахте. В период с 1983 по 1985 гг. воевал в Афганистане. В 1994 г. окончил Луганский государственный педагогический университет им. Т.Г.Шевченко. Учился на Высших литературных курсах Московского литературного института им. А.М. Горького.

Член Союза писателей России с 1993 года. Автор семи поэтических сборников. В 1995 году вышла в свет Книга Памяти «Афганская голгофа», которая рассказывает о 161 луганчанине, погибшем на Афганской войне. В этой Книге Владимир Казмин является автором 35 очерков, составителем и редактором. В 2001 году вышла книга рассказов «Опаленная юность». В 2003 году книга о луганских сыщиках «Луганские детективы». В 2011 году вышел в свет сборник рассказов и стихов «Встреча с пропастью». Редактор

ЛУГАНСКИЙ ГОСТЬ ЖУРНАЛА

Ни залпы пушек нас пугают
И не крошечной силы мгла,
А то, что матери рыдают
У хаты черного угла...

Оторванной рукой мальчонка
Помашет вечности вослед
И где-то в мире дальнем, тонком
Души бессмертной вспыхнет свет...

Расстрелянный, но выживший Донбасс
Произнесёт ещё величественное слово,
И Божьим Светом вспыхнет небо в этот час –
Победа, братцы, и ничего другого!

литературно-художественного журнала «Северский Донец»

Автор трех документальных книг о шахтах Государственного предприятия «Луганскуголь», главный редактор угольных газет «Шахтерский маяк» и «Белореченские горизонты», в 2011 году Владимир Казмин создал газету Луганского округа донских казаков Всевеликого войска Донского «От Донца до Дона». Автор ряда публицистических статей в периодической печати, журналах и альманахах Украины и России.

Председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России. Лауреат Международной литературной премии им. Юрия Долгорукого, «Щит и меч» ВПК России и ряда других премий.

Правда у каждого своя,
Но все же истина дороже,
Нас разорвала всех война,
Достанем меч святой из ножен!

И мы с коричневой чумой
Готовы биться до победы.
И крик: «За Русь, вперед, за мной!»
С ним в бой ходили наши деды.

И правда наша от небес
Стоит незыблемо стеною,
Озера, степи, русский лес
Хранят величие покоя.

Отцовский старенький блиндаж,
На высоте Донского кряжа,
Порос травой окопчик наш,
Но он защита нынче наша!

Врагам никак здесь не пройти
Разбит их лоб о стену правды,
Саур-могила на их пути
Стоит с небесной ратью славы.

И на круги своя пришла
Спираль истории вселенской,
Звезда победы вновь взошла
Над высотой и часть энской.

И ополчение вперед
Пошло в атаку на фашистов,
И, снова, правда, с тех высот
Сияет в небе нашем чистом!

Правда у каждого своя,
Но истина скажу дороже,
Над степью крики журавля
Разбит наш враг, что был не прошен!

И мы стоим плечом к плечу
Развеяв пыль сухих сомнений,
Герои будущих сражений,
Зажжем во здравие свечу,
Во славу новых поколений!

Больно смотреть на кровавый закат –
Так пред ненастьем небо горит.
Ночью дубы вековые скрепят –
Снятся кошмары и демон парит.

Залпы орудий и слёзы стекла
Бьются о землю кричащей рекой,
Снова невинная кровь потекла –
Мать прижимает ребенка рукой...

Мир наш земной снова сходит с ума,
Вывернув души сплетаясь с войной.
Плачет дождём природа сама
Над разоренной и мёртвой страной.

Я на коленях молюсь образам –
К Богу взываю в молитвах впотьмах.
Утро настало, но в памяти шрам –
Этой войны останется страх.

Как обновление – утренний свет,
Но не сложить нам крылья вины.
Злобы на веки останется след
Братоубийственной этой войны.

ВЕЛИКИЙ ИВАН

Чужеземный доносится рык,
Но безмолвен Великий Иван.
У души оторвали язык...
Зазвенел опустевший стакан.

Лебедой зарастают поля.
Ядовито смеется экран.
Перевертыш кричит: «Вуа-ля!»
И читает талмуд и Коран.

Где же спрятан малиновый звон?
Где же звонкая трель соловья?
Русь свалил летаргический сон,
У экрана свалился и я!

Но ударит, ударит в набат
И проснется Великий Иван,
И сметет он тогда всех подряд,
Тех, кто был к нам не прошен, не зван!

ПЕРЕМИРИЕ

Седина озарила слезой –
Перевернутый труженик-город.
Проплаывает над сонной рекой
Взгляд из окон разорванный морок...

Трель бездомная диких собак
Защемила под ложечкой явно –
Это адова брошенный знак
Безутешной мольбы и страдания...

Гроздь сирени под утро взорвет
Души тех, что еще были живы
И как прежде Солнце взойдет
Напрягая безудержно жилы.

Без ума и к уму этот стон,
И кому он растерзанный нужен?
Отбиваю я вечный поклон
Раскаленной в вечности стуже!

Битых стекол крик – помощи!
Зашуршали неистово в вечность
У оторванной чьей-то ноги
Ожидает сурово беспечность...

Мы хотели единства с тобой,
Мы хотели рассветы встречать,
А в итоге ринулись в бой
Не за что, захотев умирать!

БЕЖЕНЦЫ

Вздыхает дорога, а люди идут
И стелется горе над ними
Костры на обочине, будет приют
Донбассу от братской России.

И ветер обрывки народа несет
Кружит их в пути и тревоге
Уже не на сотни, на тысячи счет
Расхристанных душ на дороге.

В СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ ПАСХИ

Звон пасхальный в чистом небе –
Радость плещется в окно
И мохнатый вербы стебель
Машет над рекой давно.

Весело поют синицы
Встретив утра первый свет
И над всей землей струится
Колокольный благовест.

Взгляд из детства не иначе
И в духовку куличи
Мама ловко противень прячет
Вкусно пахнет от печи.

Троекратно всех целует
Бог из горниных высот,
И воистину ликует
Православный наш народ!

Светом Истина Святая
Озаряет мир людской –
Обнимает Русь родная
Материнскою рукой!

СЛАВА ТРОИЦЕ!

Разбудил колокольный звон
С трелью внешней любви соловья
И в пределах земных сторон
Благодать укрывает меня.

И воркует голубка в такт
В листьях нежных веток берёз –
Триединый Господний знак
В каплях радости утренних рос...

Укрывает Святую Русь
Бог Отец – Своею Рукой,
Тихой радостью стала грусть
И такой на душе покой!

Поклонюсь я русским полям
И пусть буйно цветут сады,
Поклонюсь я вешним дождям
И лугам, чтоб не знали беды!

С днем рождения Церковь Любви
И с Надеждой и Верой нас
Дух Святой у народа в крови
В этот светлый и дивный час!

ЗВУКИ СВИРЕЛИ

Утопает в цветах сирени
Снова светлый победный май.
И летают звуки свирели,
Паренек, веселей играй!

И смахнул ветеран слезинку
С обожженной войной щеки.
Протоптали звуки тропинку
К огнедышащим водам реки.

И грохочущий крик истошный,
Где кипела вода Днепра,
В звуках нежных и осторожных,
Оживал волною – ура!

И в кромешной волне холодной
Утопала юность тогда,
Чтобы стала страна свободной,
Чтобы мирно текла вода...

В тишине пролетали звуки –
Нежный шорох вешней листвы.
Уже стали взрослыми внуки,
Но войны голоса живы!

Пролетают звуки свирели,
Паренёк, играй веселей,
Чтобы пули не засвистели
Над простором России моей!

Памяти Александра Гизая

Ты зачем пулемет свой в Афгане сдавал?
Если б знал, что настигнет такая судьба,
Не за что бы оружие ты не сложил...
Мирным стражем попал ты
 под огненный шквал.
У тебя ведь была иная борьба,
Ты о павших священной памятью жил,
Но снаряд подлый с неба сердце прошил...
Ты ушел вслед за строем великих солдат

Журавлиной дорогой в небесную высь,
И не верится нам, что тебя нету, брат,
Ты божественным светом над нами струись.
Твоя жизнь пусть примером будет во всем,
Не пожать нам твоей больше мощной руки,
Но мы здесь на земле еще песни споем
О солдатской судьбе. Пусть молчат рысаки,
Что разрезали жизнь напополам...
За оружие взялись ученики
И воздастся убийцам всем по делам!
А дорогу, что прервана на полпути
Твои дети пройдут, верю, видит же Бог...
Ну а нас, Александр, слезно просим, прости,
Пусть твоею обителью будет небесный чертог!

Забыть разрывов стон и блеск
Летящих в небе самолётов –
Ликует спрыгнувший с небес
Огонь ракет и пулемётов.

Забыть разорванную плоть
Лежащих на асфальте тихо,
Себя сквозь боль перебороть
И проглотить тот сгусток лиха,
Мне невозможно и теперь,
Когда уходят в даль мгновенья –
С петель оторванная дверь
И обожженные деревья.
В бетонной крошке и стекла
Бушуют снова эти стоны –
Слезинка детская текла
Бросая вечности поклоны.
Забыть влюблённых поцелуй
На том кровавом, смертном одре,
Они лежат в обнимке струй,
Что рухнули на землю подле,
Мне невозможно никогда
И всем забыть нам невозможно,
Пришла войны к нам в дом беда –
Бьют колокола тревожно!

ГЕННАДИЙ БЫЛКИН

Родился 16 марта 1963 г. на станции Кочетовка г. Мичуринска Тамбовской области, в семье железнодорожников. Окончил Ленинградское мореходное училище. Работал в городах Находка, Кемерово, последние годы на Московской железной дороге.

Печатал стихи в газетах Мичуринска, Воронежа, Москвы. Автор двух сборников: «Штрихи к портрету времени»(2006г) и «Стихотворения» (2013 г.)

Умер 8 сентября 2016 года.

Самолёт пролетел. Распадается чёткая линия.
Это всё, что осталось, теперь это память и грусть.
Человек – это код и процесс, и банальная химия
Кто же пишет сие, разрываясь от мыслей и чувств.

Человек – есть фотон, излучённый в пространство материей
Ненадолго, но, чтобы успеть заскучать без небес..
Для чего зарождаются, гибнут слепые империи?
За того, или против того, кто однажды воскрес?

Человек – это солнечный свет, превращённый в гармонию
Через синтез белков, эволюции видов и сред.
Кто же создал сознание, кто запустил космогонию?
Макро-микро-миры с их законами, где же ответ?

Вновь летит самолёт. Что такое любое движение?
Безусловно процесс, бесконечного времени бег.
Нам достался отрезок без выбора и продолжения -
Просто роль в сериале с названием: «Человек».

Спешу с утра в заветные места
Доить кусты лесной малины,
Объятые, как пламенем костра,
Обильем ягод, рвущихся в корзины.

Здесь ароматы медоносных трав
Сливаются в букеты лета
И в чётких рифмах молодых дубрав
Слышна рука всесильного поэта.

Здесь звуки гармоничны и легки
Хор насекомых сочиняет темы
Умытых ягод спелые мазки
Венчают торжество лесной поэмы.

Собрать всё это в кузовок души
И как из ягод делают варенье,
Там, на пеньке, в задумчивой глуши,
Так вкусно написать стихотворенье.

Частное моё, то несчастное,
То цунами радости и смеха,
Каждую секундою прекрасное,
То в тени, то на волне успеха.

Частное моё, частичка целого,
Моя нить в божественной кудели,
Мой единственный оттенок белого
В белизне Рождественской метели.

Осень. Грачи обучают грачат,
То ли летать, то ли орать – кто круче.
И чего они, на ночь, глядя, кричат,
Собирая над городом тучи?

Надоели и птицы, и дождь по утрам.
Как по клавишам по подоконнику,
Стенографирующий птичий бедлам
В осеннюю мокрую хронику.

Плохо дело, если даже не думая о ней,
Забываешь не только причину, но цель похода
И вернувшись в прихожую, в поисках ключей,
Натыкаешься на себя, замершего у входа.

И поворачиваешь в спальню, не скинув сланцы
Что это было со мною? Сегодня, или вчера?
Голова, словно шар, испускающий протуберанцы,
Просто жара в этом городе, просто жара...

МОЛИТВА

Благодарю тебя, Создатель строгий
За эту землю, реки, небеса,
За солнце для богатых и убогих,
За эти горы, степи и леса.

Благодарю, за все пути-дороги,
За вечную тоску по городам,
За все мои стихи, как некрологи,
По безвозвратно прожитым годам.

Благодарю, за огненные плети,
За испытанья верой и судьбой,
За то, что мы, твои родные дети
Когда-нибудь предстанем пред тобой.

Благодарю тебя, Создатель вечный
За сонмы звёзд, бесчисленность миров,
За то, что следующий путь наш - Млечный,
Чтоб мы пасли там солнечных коров.

Благодарю тебя, что дал возможность
Посредством речи выразить в словах
Все наши чувства: мнимую безбожность
И вечную любовь, и вечный страх.

И.Б.

Это - потрясение и травма
Ну не могут же простые строчки,
Так, что онемела диафрагма
И пробиты био-оболочки.

Глаз привык к нарядным и блестящим,
Стройным строчкам, что солдат колонны,
Но от них, не задохнёшься счастьем
И не встанешь, молча под иконы.

Так, не можно выдумать случайно,
Так приходит жизнь и так – уходит.
На бумаге, остаётся тайна
И с ума, читающего, сводит.

Ещё – не осень...

ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ КОСТРИКИН

Прозаик, поэт, драматург, публицист, краевед, журналист, литературный критик.

Родился в 1935 году в с.Заворонежское Мичуринского района Тамбовской области. В 1953 году окончил среднюю школу №8, в 1956 г. - Выборгское военно-морское училище, в 1953 г. - историко-филологический факультет Мичуринского государственного педагогического института. С 1965 по 1998 гг. - литсотрудник городской газеты «Мичуринская правда» (в 1975-1985 гг. - заведующий отделом писем, 1989-98 гг. - заместитель главного редактора). Член Союза журналистов СССР (1967), член Союза российских писателей (1992). Автор книг: «Мичуринск» /в соавторстве. Воронеж, 1969/; «Димка с улицы Мост» /Воронеж, 1979/; «Рабочий переулок, 1» /Воронеж, 1980/; «Во дворе – трава» /Воронеж, 1987/; «Город старый – город новый» /в соавторстве. Воронеж, 1980; 1987/; «Мичуринск и мичуринцы» /Мичуринск, 2005/; поэтических сборников: «Стихи разных лет» /Санкт-Петербург, 2000/; «Проклятие Адама» и «Храм на горе» /Санкт-Петербург, 2000, 2003/. Лауреат областной журналистской премии им.И.А. Гаврилова (1977), премии городской журналистской организации им.В.М. Кубанёва (1998), премии им.И.Г. Рахманинова (2005). Живёт в Подмоскowie.

ОСЕНЬ

Земля, вероятно, чуть скрипнула осью,
Продолжив извечный полёт,
И плавно вписалась из августа в осень,
Как вписываются в поворот.
Ей дальше лететь проторённой орбитой,
И где-то на этом пути
Откроются с неба глядящему виды
Страны, что не скоро (другим не в обиду)
Останется позади.
В огромности этой её добродушной,
От роду не жившей легко,
Не явлена ли снисходительность Сущим
К России и чадам Его?
Россия несётся дорогой осенней
К какой-то своей так зовущей звезде.
И странное чувствует сердце тесненье,
И хочется думать о вечном спасенье,
Хотя бы всего лишь в такой красоте,
Где слёзы восторга на каждой версте.
Сентябрь умывают холодные росы,
Закружатся листьев опавших рои...
Родная, не зябни: мы встретили осень
Впервые с тобою, одну на двоих.

ПО СВЕЖЕМУ СНЕГУ, ПО СТАРОЙ ЛЫЖНЕ...

По свежему снегу, по старой лыжне
Скользит моя память, невластная мне.
То под гору с ветром, то в гору, хрипя,
То браво свистя, то жалея себя.
Какие прекрасные елок седины!..
Крещенские ночи – мои именины.
Серебряный звон, детства запах смолистый.
И... хвоя за гробом, поминок молитвы.
Петляет лыжня, словно ищет защиты
Душа от того, что в пути пережито.
То вся распахнетсЯ пред праздничной встречей
С любовью чистой и верностью чести,
То отвернется в стыде и смущенье,
И тихо попросит о чем-то прощенья.
Зимы ворожбою из пряжи меж елей
Соткалось лицо на экране метелей –
Смеющийся парень, единственный в свете,
Оставшийся там, где не старятся дети...
За веток сплетеньем, за снежною пылью –
Друзья... Почему им лыжню уступил я?
Не там ли, где кружатся черные вороны,

Задолго до финиша лента оборвана?
На свет появившись в крещенскую стужу,
Зимой беспокойством я мучаю душу...
По свежему снегу, по старой лыжне
Скользит моя память, невластная мне.

ГОРОДСКОЙ ПЕЙЗАЖ

Аркадию Платицину

Городские дворики – дворы...
Вот художник жадно лист марает.
Полные причудливой игры
Линии заборов и сараев.
Кто он: реалист иль модернист?
Ах, какая славная фактура!
Фотоотраженье и каприз –
Всё снесёт покорная натура.
И на славу будет старый дом
Выглядеть потом в богатой раме,
Если выйдет женщина с бельём,
И оно заплещет парусами...
Всякому художнику хвала,
Кто однажды зрителям потрафил,
Городского нищету угла
Скрасил поэтичностью метафор.

ДЕНЬ БЕЗ ТЕБЯ

Нет, что-то тут не так, неправильно, обманно:
Со мною нет тебя, а солнце в тучах рваных
Встаёт, как будто ты со мной.
И я встаю, беспамятно, бездумно.
Включаю чайник, вот кипит он шумно.
Я пью, жую... зачем мне завтрак мой –
Тебя же нет! Всё лишне, всё ненужно.
И этот день, среди минувших, лучший –
Что проку в нём теперь, с моей хандрой?
Читать, писать, в саду копать жалком –
Мне от него ни холодно, ни жарко,
И всё ж тружусь, хоть в малом пособя...
Но для кого, коль нет со мной тебя?
А вечер... Вот и он, пришёл, не задержался.
Господь в ход времени, хоть мог,
но не вмешался,
А знать Ему уже давно пора.
Что значат для меня с тобою вечера...
По дому я весь день бессмысленно кружусь.
Ночь настанет, зачем-то спать ложусь.
Мне холодно, я не могу согреться...
Зачем мне день? День без тебя – без сердца.

ЕЩЁ – НЕ ОСЕНЬ

Пройдём по городу, у этих улиц спросим,
У этих лип, где август занемог.
Начало сентября – ещё не осень,
Всего лишь лета облегчённый вздох.
Вот детвора, цветастых ранцев мода,
Студенчества почти столичный шик...
А наш сентябрь был огненным, голодным,
И мой портфель был из клеёнки сшит.
Нет, не впадаю в умиление вовсе,
Всегда не гоже задним жить умом.
Что в наших душах мы сегодня носим,
Носил в портфеле нищенском я том.
А были в нём с семейной пайкой хлеба –
Мечта о зове будущих дорог.
Предчувствие, что нет души без неба,
Начало отверженья мёртвых догм...
Сентябрь звучит, как колокольчик звонкий,
Сентябрь – он храм, где дружный хор капелл.
Я мысленно крещу мальчишек и девчонок,
Что в школьный век свой делать не умел.
Сентябрь – не осень. У него природа
Иная: ни один не потеснив.
Он – пятое, средь прочих, время года.
Умов и душ он пахарь юных нив...
Пройдём по городу не как туристы, гости
Из века прошлого – творцами новизны.
Сентябрь – мальчишка, и краснеет в горсти
Надежда-яблоко. Он ждал его с весны.

КОГДА МЕНЯ ТВОИ КАСАЮТСЯ ЛАДОНИ...

Когда меня твои касаются ладони
С мозолями, морщинками на них,
То не завидую себе я молодому,
И жаль мне почему-то молодых.
Что знать они о настоящей могут,
О женщине, из поздней жизни снов?
Я жестом беззащитности растроган,
Твои ладони целовать готов.
Я говорю себе: вот шифр неясных линий,
Ты каждую влюблённым сердцем тронь,
Прочти, пойми, – в конце пути недлинном
Дай опереться на твою ладонь.

ВСЁ БЕГУТ ГОДА...

Был когда-то юн –
Стариком ли быть!
На мосту стою,
На краю судьбы.
Надо мной обвал,
Подо мной обрыв.
Рисовал овал,
Вышел угол крив.
И добро бы – сам,
И со мной – никто.
Спихватясь, кусал
Свой же локоток.
И напрасный труд
Суд мне миновать:
Стынут на ветру,
Кто не виноват.
... Подо мной – вода.
В острых камнях дно.
Видно, пропадать
Мне судьбой дано.
Надо мной – луны
Тусклый глаз в щели.
Мне моей вины,
Знать, не замолить.
За волной – волна.
Всё бегут года.
То во мне-вина,
То в стране – беда.

ПАМЯТИ МУЗЫКАНТА

Дождь прошел, город в каплях горит.
Отразились в них тысячи солнц.
Наиграй песню мне, гитарист,
Ну а я напью с хрипотцой.
Ни о ком, ни о чем, под настрой,
О дожде и о солнечном дне.
И о том, что пылает костром
Осень в царстве своем – тишине.
А когда превратятся дожди
В снегопад и завоет метель, –
Это наигрыш твой, это ты,
Это дух твой на город слетел.
Ну, а я подпою о зиме,
О морозе, что щиплет до слез.
На гитаре твоей позумент
Из снежинок сверкающих звезд.

Что уж там говорить о весне!
Воды вешние – струн перебор.
Только мир почему-то грустней,
Как лицо твоё в луже рябой.
И я песнь подхватить не готов,
И мелодии рвется канва.
Что-то вроде мычания без слов,
Ну, какие найдешь тут слова!
Вот и лето свой жар повторит.
Жизнь лукошка с клубникой полней.
Говорят, что другой гитарист
Ублажает гитарой людей.
Может быть. Я не спорю. Я рад.
Мне ли песнями струн пренебречь?
Только больше я петь не горазд,
Ну, ни нотки одной не извлечь!
Жизнь идет то в тоске, то в гульбе,
Непотребное в мире плодя.
И грустит город наш о тебе
Под осенние струны дождя.

МИР БЕЗУМЕН И ЖЕСТОК...

Мир безумен и жесток,
А душа хрупка.
Побережь бы от тревог,
Переждать пока.
Я её за уголок,
За игру теней,
Чтоб не ранил уголёк
Подожжённых дней.
Перетерпим, переждём
До иных времён, –
До того, как за вождём
В благодать войдём.
...Время шло. В затишья час
Слышу крик души:
– Как там, на земле у нас?
Просвети, скажи...
Хочешь, от себя отринь
Страсти бытия...
Только тесно мне «внутри»
Внутреннего «Я».
– Что ж, – я ей, – тебе видней,
Мы одна судьба. ...
Глянул – нет лица на ней...
Да она... слепа!

ЗАДУМАЛ Я ПОБЕГ...

Облака в небеси, облака,
Всё бегут по дорогам безвестным
И в безмерную падают бездну
Для того чтобы канув, воскреснуть...
Как всегда, – как года, как века...
Вот и я – не из чёрного ворона,
Не из следственного изолятора,
Где был заперт решёткою вздорной, –
Я задумал невероятный
Свой побег от себя,
От прискорбного обстоятельства –
Тела собственного предательства,
Предающего, разум губя.
Я ль один обративший внимание,
Совершенно к тому не готов,
Что подвергнут четвертованию
Буду как Емельян Пугачёв?

Разве людям в глаза не бросается,
Как на старости-дыбе сперва
Вот уже и нога догрызается,
А за нею, глядишь, голова?
Казнь на дыбе... Что может мрачнее,
Бессердечней всего, что знал!
Дыбе жизни, а точнее,
Дыбе старости, я б сказал.
Натурально, а не условно,
Соскочить, как с иглы, и бежать.
До последнего будет патрона
Старость станет в тебя стрелять.
Телу смертному от погони
Не уйти: старость, здесь твоя власть.
Только б вынесли белые кони –
Облака, эти белые кони,
Дух туда, может, вынесли б кони,
Жив Один где остался спасённый,
Сыном Господа наречённый –
Тот, Кто принял и худшую казнь.

ДМИТРИЙ ПОРУШКЕВИЧ

Родился в Мурманске. Живет и работает в г. Орле. Служил и начал писать на флоте. Работал конструктором, затем - во многотиражке, в молодежной газете, на радио и телевидении. Стихи публиковались в региональных и центральных журналах, альманахах. Автор книг «Твои прощания» (1995), «Твои прощания», 2-е изд. (1998), «Был так внезапен этот миг» (2013), «Поздний листопад» (2013) и др. Его произведениям присущи лиризм, метафоризм. Дмитрий Порущкевич был одним из инициаторов возрождения дореволюционной газеты «Орловский вестник», соучредителем и первым главным редактором возобновлённого издания, а также в течение многих лет - председателем Орловского регионального отделения СРП. Живёт в городе Орле.

Стояла поздняя печаль...

Ты, осень, чем опалена?
В твоих лесах боюсь забыться...
Рубиново возрождена,
Рябина снова первобытна.
Стоит, пронзительно светла,
Тысячелетняя ветла.

И ясен ясеневый лист,
И клён прозрачно-переливчат,
И щеголиный ярк свист,
В нём с давним детством перекличка.
И непорочна красота,
Как поздней женщины уста.

Её отчаянье спешит,
Пылает гримом искушенным,
В ней память о весне дрожит,
Как лист, к паденью предрешенный,
Как лист, что отлетит на мох,
Как диалектики намёк.

И было тихо в том лесу...
В лесу отпевшем, оробевшем
Отшелестел, угас орешник,
И воздух стыл, прозрачно сух.

Стояла поздняя печаль.
За вспышку наших встреч карая,
В нас тоже что-то догорало,
Подобье осени влача.

Ты, от меня чуть-чуть отстав,
Разглядывала лист упавший,
И мы стояли, словно дальше
Возникла пропасть без моста.

Нам пропасти той полосу
Перешагнуть не хватит силы.
А ты сказала: «Видишь, милый,
Как хорошо сейчас в лесу».

«Всякое искусство имеет свои формы выражения, но читая стихи Дмитрия Порущкевича, вдруг вижу не строку, не слово, не эпитет, не метафору, а живописный образ, ловлю себя на мысли, что это натюрморт или пейзаж, где главное цвет».

Евгений Пашин, журналист

Что за дни торопливые эти!
Что за неба изменчивый лик!
Это с осенью встретилось лето,
Это сердце остыть не велит.

Это ты не приемлешь упорно,
Что седины густы на висках,
Что дитя, что девчонка-оторва
Поглядит на тебя свысока.

Это дерзость тебя обновила.
Но смешон ты в попытках бравад.
Как сильна эта юность наивом!
Как твои безнадежны права!

И порыв твой тосклив и напрасен,
Эти дни твоих лет не скостят.
Что за музыка в ветре ненастном!
Что за красный холодный закат...

Чем старше ты, тем мысли - медленней
И тем нерасторопней шаг,
Но все быстрее, все незаметнее
Минуты, дни, года спешат.

А мы всё бьем наверняка
По тем мишеням, что поближе,
Как будто про запас две жизни,
А эти дни для нас – пока,
Как будто время нам даёт
Права себя баюкать ложью,
И ты понять уже не можешь,
Как от мечты своей далёк.

Мы врём себе в своей любви,
Она давно от нас сбежала,
И лишь её замена – жалость –
В дому уют стремится свить.
Нам оправданья в этом нет.
Ты молча затворила шторы,
Сквозь розовую ткань которых
Снаружи виден мягкий свет.

ОДИНОЧЕСТВО

Когда всё это началось? –
Вот так: вдвоем, и всё же – врозь.
Ты рядом спишь, ты вместе ешь,
А в остальном – сплошная брешь.
О, как ты от всего устал!
Тебе чужды её уста,
Чужды слова, чужды глаза.
И вернуть уже нельзя
Того, что радостью звалось.
И только – боль, тоска и злость.

Пора решиться, наконец,
Сорвать наручники колец
И мучить души перестать.
Ведь ваша связь давно пуста,
И все меж вами прервалось:
Хоть вы – вдвоем, но вы же – врозь.
И ты – один, как суч в ночи.

А рядом – женщина молчит.

Вечерних окон маета.
Сойдутся тени, разминутся...
Сойдутся на одну минуту,
А разойдутся на века.

ВЛАДИМИРУ ЕРМАКОВУ

Округа, крадучись, молчит,
Бойтся выдать шорох лишней,
Ты остановишься и слышишь –
Твоя душа кричит в ночи.

Она кричит, она – пуста,
Она оставлена любовью,
И ты – наедине с собою,
И жизнь – почти что прожита.

И видишь – быстрая звезда
Вниз к горизонту устремилась,
И полыхнула ярким мигом,
И не оставила следа.

УКРАДЕННОЕ

РАССКАЗ-БЫЛЬ

счастье

Принимая то или иное решение в своей жизни, мы чаще всего выбираем лёгкий путь, идём по пути наименьшего сопротивления. Желание схватить «лёгкие деньги» приводит людей в пропасть, выбраться из которой они не могут, а в попытке ухватиться за край ямы тянут за собой родных и близких.

Не обременял себя подобными размышлениями житель села Иловай-Дмитриевское Василий Гусев. Работать он особо не любил, а вот выпить и украсть то, что плохо лежит, тут равных ему не было.

Времена не выбирают, но приходит время людей, подобных Василию. Когда это случилось, он понял это сразу и вступил в комитет бедноты. Взяли его сразу – молодой, 30 лет, из бедняков, с криминальным прошлым, значит, боролся с прежним режимом, направили продолжать борьбу в команде по раскулачиванию богатеев.

Василий был счастлив, что ещё нужно? Власть над людьми есть, можно что-то домой принести незаметно, ну а водки и самогона было хоть залейся. Всё это хорошо, но чего-то ещё не хватало для полного счастья. Озарение пришло относительно недавно, и теперь эта мысль сидела в его воспалённом мозгу.

Отхватить хороший куш – эта идея не давала активисту комбеда покоя всё последнее время. Чтобы не только себе, но и детям досталось. Бывая на конфискации имущества на раскулачивании, Гусев проявлял рвение, не жалел никого, лазил по таким местам, от которых его товарищи воротили нос, но пока удача обходила его стороной.

Случай осуществить мечту подвернулся неожиданно, как обычно это и происходит. Неделю назад после очередной конфискации Василий выпивал в компании своего давнего дружка Анисима. Водка развязывает язык,

и Анисим рассказал ему об укромном месте, где его хозяин Фёдор Кузьмич, у которого он работал батраком, прячет нажитое золото.

На следующее утро Гусев уже составлял для себя план действий, который ему необходимо было предпринять для того, чтобы добиться своей цели. Когда же пришёл до конца не проставшийся Анисим, Василий сделал вид, что ничего не помнит после вчерашнего, и, опохмелившись, приятели разошлись.

С того события прошла неделя, и поздним вечером Василий с удовольствием осознал, что его план по получению чужого богатства был практически осуществлён. Требовался последний акт. А ждать осталось недолго, уже завтра должны раскулачивать семью Фёдора Кузьмича, самую богатую в селе.

На следующий день часов в 8 утра Василий Гусев и ещё шесть мужиков собрались в кабинете председателя сельсовета Панкратова и на четырёх подводах поехали на Базарную площадь, где проживала семья Фёдора Кузьмича.

Войдя к ним в дом, Панкратов зачитал постановление сельсовета о раскулачивании. Сразу же заголосила жена и заплакали дочери Фёдора Кузьмича. Не слушая, мужики вытолкали их во двор, где все они прижались к хозяину семейства.

– Стойте здесь, – приказал Панкратов, – завтра отправим в Козлов, там разберутся, что с вами делать.

Оставив присматривать за кулаками одного из своих подручных, председатель распределил людей для обыска и изъятия. Начался настоящий разбой и вакханалия – причитали женщины, орал скот, ломались запоры и двери.

Всё это было на руку Ваське, который улучил момент и без труда нашёл тайник. Никто и не смотрел на него, когда он спрятал под одежду увесистую коробку с золотыми червонцами.

– Что скрючился? – услышал он недовольный голос своего начальника, – ищи лучше.

– Живот прихватило, – пожаловался Гусев, прижимая коробочку к животу, согнувшись при этом, – по нужде нужно.

– Ну беги, страдалец, – разрешил Панкратов.

И под насмешки своих товарищей Василий, согнувшись, выбежал из дома. Украдкой посматривая на двор и окна избы, где проходил обыск, комбедовец, улучив момент, пробрался в огород и быстро присыпал корбочку землёй. После этого прошёл с деловым видом через двор, зыркнув на бывшего хозяина дома, бегом вбежал в дом.

До вечера переписывали и грузили имущество раскулачиваемых на подводы, всё это время Федор Кузьмич со своей семьёй стоял в середине двора и с обречённым видом наблюдал, как таскают на подводы его добро и уводят со двора скот. Вечером же всю семью закрыли в сарае за сельсоветом до утра. Утром из райцентра обещали прислать конвой для отправки город Козлов. Дальнейшая судьба когда-то уважаемой в селе семьи никого из комбедовцев уже не интересовала.

Сами же комбедовцы собрались в кабинете Панкратова и принялись гулять с награбленной водкой и закуской, шумно обсуждая произошедшее днём, в том числе надсмехаясь над Гусевым, которого так не вовремя подвёл живот.

Васька же тушевался, подыгрывал своим товарищам, делал вид, что пьёт больше всех, горланил во всё горло песни. Когда стали расходиться, было далеко за полночь. Выходя из здания сельсовета, Гусев даже несколько раз упал. Дойдя до Базарной площади и распрощавшись со своими поделщиками, Васька огляделся по сторонам, встряхнул голову и быстро скинул с себя остатки хмеля. Украдкой он пробрался в огород раскулаченной сегодня семьи и без труда нашёл жестяную банку с золотыми червонцами. Сердце бешено колотилось, и, не помня себя, человек, осуществивший свою мечту, примчался к своему дому.

Уже светало, когда они вместе с женой Марией спрятали это сокровище и стали жить прежней жизнью. У нового богача хватило ума не привлекать к себе внимания, а это чужое золото они использовать не могли, боясь огласки, но само чувство обладания богатством согревало душу.

Прошло время, грянула Великая Отечественная война, и Василия Гусева забрали на фронт, где он пропал без вести. Хозяйкой этого золота стала его жена Мария.

После ухода Василия по селу упорно поползли слухи о сокровищах в семье Гусевых. Откуда узнали люди, неизвестно, скорее всего, уходя на фронт, бывший комбедовец сам похвастался по пьянке собутыльникам, а может быть, жена его Мария не удержалась и проболталась. С той поры в дом к Марии зачастили родственники, которые нет-нет, а зададут вопрос о золоте с просьбой о помощи.

Наступил 1947 год. Мария в то время жила одна, к этому времени дети её разъехались, а страх настолько её обуял, что она решила спрятать золото у своих родственников. Больше всего она доверяла своей двоюродной сестре Клавдии, которая была очень набожная и жила вдвоём с престарелой матерью недалеко от сельсовета.

Придя к родственнице, Мария уговорила Клавдию спрятать червонцы у себя. После чего Мария испытала чувство облегчения, её же родственница приняла сокровища с желанием помочь и облегчить жизнь родне.

Прошло три дня, и ночью в дверь дома Клавдии постучали.

– Кто там? – спросила женщина, почуяв недоброе.

– Открывай и отдай то, что вам не принадлежит, – ответил мужской голос, который показался знакомым хозяйке дома.

– У нас ничего нет, – ответила испуганно Клавдия, беря в руки топор.

За дверью послышалась ругань и удары по ней. Так продолжалось несколько минут, всё это время женщины в страхе молились. Прошло несколько минут, которые показались бедным женщинам вечностью. Дверь не поддавалась нападающим, и тогда они разбили окно.

Клавдия, быстро среагировав, успела прижаться к стене между окнами, сжимая

в руке топор. В это время, сильно матерясь, один из бандитов полез в дом. Не помня себя, доведённая до отчаяния женщина со всего размаху ударила разбойника топором по руке.

Раздался истошный крик, взыв, мужчина вывалился наружу. В тот же момент раздались выстрелы по дому.

– Прячься за печку, – только и успела крикнуть матери Клавдия оседающая между окнами.

Мать молнией метнулась за печку, но одна из пуль ранила её в ногу.

– Ну, лезьте, гады, – прокричала Клавдия, сжимая в руках топор до белых пальцев, – всех порублю.

Расстреляв обойму и выкрикивая угрозы, налётчики удалились, не решившись на новый штурм.

Утром мать отправили в посёлок Первомайский в больницу. Приехала милиция с собакой, и, хотя была кровь, было много следов, никого не нашли. По селу поползли слухи, что в этом были заинтересованы очень большие люди. Сама Клавдия так и не смогла объяснить, где слышала она тот мужской голос. Не вспомнила, а может, и не захотела. В тот же день она отнесла это злосчастное золото, погубившее не одну семью, Марии.

Почти сразу после ночных событий чужое золото безвозвратно исчезло, кто-то подсмотрел, как его перепрятывают. Только после этого Мария Гусева вздохнула с облегчением и словно скинула с себя груз всей жизни, зажила пусть в нужде, но спокойной жизнью.

Так и не принесло Ваське Гусеву счастье это золото, украденное при раскулачивании у Фёдора Кузьмича. Ворованным счастьем не бывает. **А**

Анатолий ТРУБА

Василий ПОПКОВ,
выпускник МГПИ 1961г., к.ф.н.,
доцент, почетный профессор МГАУ
член Союза журналистов России

ПРОСВЕТИТЕЛИ

НЕДАВНЕЕ 85-ЛЕТИЕ НАУКО-ГРАДООБРАЗУЮЩЕГО МИЧУРИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ВСТРЕТИЛ В КАЧЕСТВЕ ЕГО ПОЛНОПРАВНОГО СТРУКТУРНОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ, КОИМ СТАЛ ПОСЛЕ НЕЛЕГКИХ КОНСУЛЬТАЦИЙ И ДИСКУССИЙ С 2012 ГОДА.

И за эту неполную четырехлетку лаборатории, кафедры института активно включились в разработку и осуществление учебных программ, научных проектов, связей с другими родственными учебными заведениями и научными учреждениями. В качестве убедительного аргумента назову здесь совсем недавнюю защиту нашими выпускниками трех докторских диссертаций: по русскому языку А.В. Логиновым и В.М. Швецовой, и по химии А.В. Кострикиным; проведение трех ежегодных Владимирских духовно-образовательных чтений совместно с Мичуринской и Моршанской Епархией во главе с преосвященным епископом Гермогеном, учебными заведениями районов с выпуском сборника мате-

риалов; подготовку экскурсионно-туристического путеводителя маршрутов по святым и заповедным местам родного Тамбовского края доцентом А.Ю. Околеловым, конференцию посвященную Вернадскому, и выигранный гранд на проведение конференции «Тамбов на карте генеральной»... В рамках наукограда создан туристический кластер по Мичуринску и Мичуринскому району.

Конечно, приведенных аргументов было бы недостаточно, чтобы стать вровень с другими подразделениями университета, ныне одного из лучших учебных заведений России аграрного профиля, если бы... Если бы не собственная достойная история Мичуринского пединститута.

А в ней, как сияние солнечного луча в капле воды, отразилась история нашего государства, его образовательная политика от ликбеза к всеобщему сначала к начальному и неполному среднему, а затем и к среднему образованию.

Наши два высших учебных заведения во многом соревновались между собой негласно, можно сказать, даже соперничали (но чтобы враждовать – ни Боже мой, никогда!). Особенно в учебно-воспитательной и научной работе со студентами, в спорте, художественной самодеятельности. При проведении совместных концертов, КВН, залы не вмещали желающих, профкомы «отбивались» от нареканий при распределении пригласительных билетов. На легкоатлетические эстафеты со стартом и финишем на площади Мичурина, казалось, собирался весь город. Чем не дни открытых дверей с идеальной наглядной профориентацией для будущих абитуриентов, их родителей и наставников?

Общими для вузов, по рассказам очевидцев, были записи студентов и преподавателей в военкомате добровольцами на фронт в тяжелые 1941–45 гг., а по моим собственным впечатлениям – поездки на целину в 1956–58

гг., на работу в стройотрядах, на осеннюю сельхозуборку.

Да что говорить, и в быту встречались мы ежедневно: городок наш маленький, учебные пятачки в центре, ограниченном улицами Гоголевской да Красноармейской, Интернациональной да Набережной.

Нас объединила дружба.

Так, в 1956 году после успешного окончания Веселовской средней школы, что в Моршанском районе, наши с Лешей Шитиковым, с которым десять лет сидели за одной партой, пути наши разошлись: он поступил в плодощночную, я – в педагогический; он был частым гостем в нашей восьмой комнате общежития на Гоголевской, 69, другом многих друзей, был в курсе наших учебных и общественных занятий и меня при посещении его в общежитии на ул. Интернациональной соответственно также интересовали его друзья, их хобби. Дружба продолжалась и по прошествии лет. Он уже не Леша, а Алексей Дмитриевич стал директором совхоза «Ракшинский», где освоил выращивание элитных семян картофеля для России, заслуженным работником сельского хозяйства. Моя же стезя слилась на научное и педагогическое поприще. Теперь, по

прошестии лет, не стыдно подумать, что мы не посрамили чести ни своих учебных заведений, ни своей родной школы, о чем зафиксировано в Тамбовской энциклопедии 2004 года. Мне даже посчастливилось поработать в обоих высших учебных заведениях и поэтому, о чем пишу, знаю не понаслышке.

На проводимых по субботам совместных вечерах зарождались знакомства, нередко взаимные симпатии, а там, к распределению, глядишь, и совершается «умыкание» крепкими аграрниками ярких красавиц с начфака, биофака или с филологического.

Назовем подобные преподавательские и существующие до сих пор семьи Кривенных, Скрипниковых.

Апофеозом же и символом подобных отношений основанных на крепчайшей дружбе, трогательной любви, общих интересах, преданности науке, общественному служению, наконец, страсти к путешествиям, конечно же, была семья Будаговских-Черненко. Вся жизнь Валентина Ивановича, талантливейшего ученого-селекционера, последователя И.В. Мичурина, была отдана одному учебному заведению – Плодоовощному институту, начиная с его основания, с 1932 года. Екатерина Семеновна, дочь и последовательница знаменитого ученого, сподвижника Мичурина, Героя Социалистического труда С.Ф. Черненко, незаурядный ученый-ботаник, журналист и писатель до конца дней своих служил верой и правдой в пединституте профессором, заведовала кафедрой ботаники. Мне посчастливилось знать эту семью с 1960 года, редактировать и издавать труды Екатерины Семеновны, писать о ней очерки...

Вся деятельность ректора, деканатов, кафедр, библиотеки, кабинетов, лабораторий подчинена одной сокровенной цели – не просто наполнить знаниями питомцев, а возжечь факел великой любви к таким извечным понятиям, как наука, просвещение, образование, учитель.

Мичуринский государственный педагогический институт на протяжении всего пути, начиная с 1939 г. основания в городе Учительского института, стремился осуществить высокую миссию подготовки школьных учителей.

Мне не однажды посчастливилось писать о славных страницах его истории, о питомцах и их наставниках и всякий раз не терпится воскликнуть словами Ломоносова: «Восторг внезапным ум пленил». Писал ли о своих встречах и интервью с первыми выпускниками М.М. Хабаровым и Савицким, ректорами Б.А. Быстровым, С.В. Винокуровым, Н.К. Митовым, директором В.Я. Никульшиным, профессорами А.М. Красноусовым, Е.С. Черненко, доцентами А.Р. Монастырским, В.К. Орловой, К.Л. Мартыановой, выпускниками В.М. Кругловым, В.П. Мещеряковым, поэтами и прозаиками и драматургами В.К. Кострикиным, Т. Бердичевской, И. Гладких, А.Ю. Обьедковым, В.И. Михиным – «восторг» не покидал меня.

Не рассказать о них – не просто грешно, а непростительно. Как говорили древние, «аще мы умолчим, то камене возопиет»...

Первое слово – о моих товарищах...

Первый курс пролетел «быстрокрылою чайкой над пенистыми волнами». Задержать их стремительный полет можно было, главным образом, воспоминания о знаковых и увлекательных лекциях преподавателей... О как нам на них везло! Мы на практике ощутили, что такое Личность. Когда каждый преподаватель, независимо от степени и ранга, каждый сотрудник стремится к воплощению в жизнь этих понятий, мы называем это единством требований, неотъемлемым законом педагогики, а коллектив уподобляем слаженному оркестру, который вместе со студентами творит созвучие, именуемое симфонией.

Сколько перед нами и перед последующими поколениями студентов прошло таких просветителей, умных воспитателей-старцев, объяснивших сокровенный смысл первозданности русского слова.

Таковыми просветителями были, прежде всего, наши великие лингвисты, филологи: глубокая как бездонный колодец Антонина Алексеевна Яковлева, выпускники МГУ им. М.В. Ломоносова профессора Вера Васильевна Бабайцева и Татьяна Викторовна Маркелова, авторы вузовских и школьных учебников; наши выпускники, профессора Е.В. Алтабаева, Н.В. Черникова, В.В. Химик, Т.П. Нестерова, Е.Н. Федосеева. Это они олицетворяют со-

бой истину: «ученье – свет», но нам кажется, живет она в нас всегда. И уже изрекаем её по привычке без первоизданной трепетности, не задумываясь ни о метафорической природе словосочетания, ни тем более о его этимологии.

Вузовские воспитатели не устают возвращать к первооснове слова: знаток мировой культуры, признанный оратор, истинно православный человек В.Я. Никульшин, исследователи литературы «золотого века» С.С. Кудрявкин, Т.П. Нестерова, как и наши великие предшественники А.А. Земляковская, А.Р. Монастырский, А.М. Красноусов, В.П. Журавлев, И.П. Печенкин, Е.Н. Касаткина, В.Н. Касатки-

из его метафорических состояний. Напомню, А.Р. Монастырский любил цитировать поэму В. Маяковского «Во весь голос».

О том, что слово мобилизующе действует в бою, известно и школьнику. Благословенное слово Сергия Радонежского двигало на Куликовом поле передовым полком, и полком правой руки, и полком левой руки, и засадным полком Боброка. При этом сам Дмитрий не красовался перед ними княжеским убором, «своим золотым шеломом посвечивая», а переодевшись в доспехи простого воина, крушил супостата...

Но и Сергей не вдруг стал не только игуменом основанного им Троицкого монастыря,

ОДНО ИЗ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЙ ВУЗОВСКОГО НАСТАВНИКА – УБЕДИТЬ ПИТОМЦЕВ В НЕОБХОДИМОСТИ ПОСТОЯННОГО ПОПОЛНЕНИЯ СВОЕГО УМСТВЕННОГО БАГАЖА, ОСОЗНАНИЯ СВОЕЙ НЕМОЩИ ПЕРЕД ВЕЛИЧИЕМ МИРА, НАУКИ. СЛОВО – ВЕЛИКОЕ ДОСТОЯНИЕ И ОРУЖИЕ УЧИТЕЛЯ. СЛОВО – ПОЛИСЕМНО, Т.Е. МНОГОЗНАЧНО. СЛОВО – ОРУЖИЕ – ЭТО ОДНО ИЗ ЕГО МЕТАФОРИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ.

на. Через литературу они реализовывают сокровенный смысл слов и понятий.

И слово Учитель. Известно, к какому Имени оно восходит. Меня всегда поражало священное отношение к учению, слову, письменности древнерусских писателей. Даром ли первоучители славянского языка Кирилл и Мефодий не просто почитались, а прославлены как равноапостольные святые. А какими эпитетами одарила история других писателей! Епифаний Премудрый, Никон Великий. Потому и распространение книжного учения, письменности именовалось теплым словом «Просвещение», оно связано с понятием «образование». По чьему образу и подобию был создан человек в древности понимали (и почитали!) глубже. К сожалению, приходится признать, что происходит девальвация слов, понятий, поступков...

И вместе с тем уходит в прошлое незыблемость авторитета Учителя.

Одно из предназначений вузовского наставника – убедить питомцев в необходимости постоянного пополнения своего умственного багажа, осознания своей немощи перед величием мира, науки. Слово – великое достояние и оружие учителя. Слово – полисемично, т.е. многозначно. Слово – оружие – это одно

но и всей Русской земли. Вспомним картину «Видение отроку Варфоломею». Если он сокрушался, что ему недоступен смысл грамоты, и потребовалось слово старца, то что говорить о современных отроках.

Для меня самым глубоким литературным и философским осмыслением вселенского, космического миропорядка, божественного предназначения человека, как неотъемлемого элемента всего сущего, конечно же, явилась ода Г.Р. Державина «Бог», лучшее детище его поэтического гения да и всей литературы XVIII в. И не только русской: Бог соединяет собой все сущее в мире:

*Ты цепь существ в Себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертью живот даришь.*

Всего 11 десятистишных строф, всего 489 слов-лексем, слов-концептов, а дают полное представление суть учения православия, учения как света понимания и раскрытия призыва «Да святится имя Твое».

Ныне оппоненты Православия на место Богочеловека горделиво воздвигают человека, дабы порвать «цепь миров», в которой

Державин отводил человеку роль звена: «Частича целой я вселенной, – скажет поэт и признает, обращаясь к Творцу: – И цепь существ связал всех мной».

Роль ректора-маэстро приоритетно и первопроходцем этого нынешний директор профессор В.Я. Никульшин не без пиетета называет имя Владимира Арсеньевича Чаплина.

Звучит-то, конечно, красиво: первопроходец... А на деле?... В прошлом купеческий городок встретил его грохотом крестьянских телег по булыжной мостовой (вот уж поистине «скрипят телеги, словно, распуганные лебеди»), пылью из-под копыт, полуразрушенными обезглавленными храмами.

И все же – не Папанин на льдине Северного полюса, получил ключи от трехэтажного школьного здания, как показалось, изысканной архитектуры, бывшей до революции гимназии госпожи Сатиной; да двухэтажного общежития по улице Украинской через дорогу от городского начальства.

Классы надо приспособить под аудитории, вместо парт нужна другая мебель, приборы, оборудование, учебники, художественная и научная литература, журналы, газеты, читальные залы, кабинеты...

А заготовка топлива... Необходим трактор. И за каждый кирпич, за каждый мешок цемента надо отчитаться, на все нужен документ... а то доброхоты с сомнительными предложениями уже крутятся возле здания... И, конечно же, набор студентов и кадры преподавателей, сотрудников.

У кого поучиться? Откуда почерпнуть опыт? Заграничным университетам по несколько сот лет, да и у «загнивающих» капиталистов учиться не будешь. Тамбовский пединститут, говорят, был основан по приказу самого Ленина даже как университет. За ним, как за МГУ не угнаться. А вот в Плодоовощной сходить не поленился.

Могучие плечи математика Федора Казаченко, белорусского казака с широченными усами оказались надежной опорой. И другой математик, философски настроенный Чаплин тоже толковый. А на студентов первого набора во всем можно положиться. Иван Форсункин, Иван Шурыгин, Алексей Кудряшов, Савицкий, Михаил Хабаров...

Два года пролетели кометой. Громадью планов не суждено было воплотиться в жизнь...

Война...

В военкомат пошли добровольцы с первого курса Алексей Кудряшов, Иван Форсункин, Николай Зацепин – всего 21 человек, из них 16 погибли. Патриотический порыв не угасал: 18 апреля 1942 года ушли добровольцами уже 48 студентов 2 курса, в том числе девушки Клавдия Караваева, Нина Коновалова, Любовь Бахарева, Анна Лазина, Раиса Борисова, Клавдия Гречишкина, Юлия Семенова, Муза Зуева и другие.

Стали солдатами многие преподаватели, работники и директор института – всего ушло на фронт 176 человек, из них 27 преподавателей и 149 студентов.

Мемориальная доска на здании напоминает, что в начале войны здание пединститута было подготовлено под госпиталь, студенты ухаживали за ранеными бойцами.

Я, как и многие мои соратники и сослуживцы навсегда храню память о ветеранах войны, долгое время работавших в институте. Не забуду Б.А. Быстрова, биолога, ректора, бывшего разведчика, обнаружившего трупы Гитлера и Геббельса, о чем в свое время он подробно давал мне интервью-рассказ в течение нескольких встреч-сеансов и мною были опубликованы отрывки из повести; об этом читаем также в книгах писательницы Елены Ржевской, служившей в его группе переводчицей. Кстати, Б.А. Быстров работал ректором и в Плодоовощном институте им. И.В. Мичурина. Это была неординарная личность, его авторитет в городе был огромен, благодаря чему сумел заложить общежитие на улице Интернациональной и дом для преподавателей за зданием начфака. Помним и Н.К. Миттова, ученого, педагога, солдата, ректора, широкой души человека. Разве забыть, когда летом 1960 года из пионерлагеря я попал в карантин земской больницы, и он, проведая меня, принес банку клубничного варенья собственного изготовления. Мы знали, что он был храбрым воином, имел как боевые медали, так и благодарственные грамоты Верховного Главнокомандующего. Отме-

чу доцентов Р.П. Тарасова, А.И. Позднякова, А.Р. Монастырского А.С. Саранцева, а также В.Н. Казьмину, К.С. Евграфову. Помнится, как с группой юных поэтов объединения «Лесной Воронеж» мы пришли поздравить ветеранов войны накануне дня Победы, как радостно светились лица педагогов-ветеранов К.Н. Георга, М.П. Шульца, Н.И. Кочеткова, С.Г. Казьмина, А.М. Новикова, Г.Е. Бойченко, К.З. Журбина, А.П. Рогова.

Ныне встречаем лишь скромнейшего ветерана Алексея Петровича Рогова, артиллериста, встретившего день Победы в Австрии... Он родился в Никифоровской деревне Топиловка, всю жизнь проработал на кафедре истории лаборантом, преподавателем, ездил с нами на целину и любую работу исполнял самоотверженно. Мы знали, что отец его, крестьянин Петр Захарович, и мать, Марфа Федоровна, души в нем не чаяли, ибо из четверых в живых остался один... Глядя на ветеранов, мы учились у них жизни...

Хотелось бы вспомнить Алексея Михайловича Магницкого. Несколько выше среднего роста, худощав; слова произносил редко, отрывисто, четко, правильно, несколько налегая на звук «р», немного с хрипотцой, никогда не отступал от норм орфоэпии; Малый театр и центральное радио в этом были для него эталоном. Зимой и летом ходил он в сером выцветшем длинном каком-то прорезиненном плаще, в латанных-перелатанных ботинках с галошами в любую погоду – везде одинаково: на занятиях и на сельхозработах. Студенты не любили его за педантизм, добровольно не записывались к нему на педпрактику: он требовал на память знать тему и номер параграфа, особенно при задании на дом. Для чего?

Во-первых, я попал к нему на педпрактику, во-вторых, он был назначен куратором группы. Вот пришли раз группой мы на первый урок к практикантке. Ученики были невнимательны, отвечали невпопад; студентка тушевалась, урока не получилось.

При анализе выступал каждый студент, мы старались найти хоть что-то, за что можно зацепиться и отметить. А затем Алексей Михайлович обращается к виновнице: – Какую цель ставила и как удалось её осуществить?

Студентка, едва сдерживая слезы, отвечает, что урока у неё не получилось и моменты урока она не выдержала...

И тогда Алексей Михайлович сказал: – Запомните, это вам первый урок. Всю жизнь будут приходить к вам на уроки коллеги, завучи, директора, инспектора и все будут указывать недостатки. Важно сказать, не что у вас не получилось, а что получилось, уметь отстоять себя, защитить себя. И начал говорить об уроке, как она активизировала ребят, знает класс и понуждает его работать. И сказал, что учитывая, что это первый в жизни урок, оценивает его на «отлично».

Студентка расплакалась, не согласилась с оценкой и просила дать ей возможность провести еще отдельный урок.

Все мы зауважали студентку за ее скромность, а более нашего методиста Алексея Михайловича Магницкого.

Преподавал он нам другой урок.

Наш однокурсник Женя Яковлев совершил проступок. Отмечая в общежитии день рождения, повздорили, подрались, к тому же разбили раковину в умывальнике.

Вселенский скандал. На стол ректору Быстрову легла докладная. Последовал приказ. Мы обратились с петицией обсудить произошедшее на собрании. Мы пригласили Магницкого. Что делать, как спасти. Мораль читать уже бесполезно.

И Магницкий изрек: единственный выход, Жене смирить гордыню и уповать на инвалидность – Женя ходил на костылях и протезах.

Меня назначили и прокурором и адвокатом вместе. Допоздна сидел я в библиотеке, штудировал Кони, Плевако и продумывал речь.

Исключили из института двух биофаковцев.

Дошла буря до нас. Шеф молчал. Кто выступит? Я вышел. Это была аудитория № 30 зал замер. Быстров сидел в президиуме. – Я обрушился на Яковлева с такой яростью, будто он не раковину разбил, а общежитие подорвал... Зал загудел – не согласны. Я заверил, что это впервые... Во-вторых, юноши химбиофака поступят на завод и заработают кусок хлеба. А Женя Яковлев? Вы посмотрите, может ли он к станку? Я взял его костыли, стучу костылями, можем ли мы быть бездушны к этому челове-

ку? Предлагаю предупредить и если повторится, то тогда принять более строгие меры.

И в годы войны институт продолжал осуществлять свое прямое предназначение: прием в институт увеличивался с каждым годом: в 1941 году было 205 первокурсников, в 1942 – 214, в 1943 – 300.

В 1944 году было открыто заочное отделение, на которое принято 198 человек. В 1945 году открылась историческое отделение.

В 1952 году Мичуринский учительский институт был преобразован в педагогический с тремя факультетами: русского языка и литературы; физико-математическим; биологии и химии. Все размещались в главном корпусе. В 1955 году наш физмат был переведен в тамбовский институт, а к нам из Тамбова – естфак. Факультет русского языка и литературы был переведен в здание бывшего педучилища на улице Филиппова. Была создана агробиостанция.

В 1956–57 гг. вводится вторая специальность с пятилетним сроком обучения, факультеты стали называться историко-филологический; биологии, химии и основ сельского хозяйства.

Все эти и последующие реорганизации осуществлялись в соответствии с Законом об образовании, с постановлениями Правительства.

С того самого июльского дня пятьдесят шестого года и связал я свою судьбу с пединститутом.

Хорошо запомнилось 1-е сентября 1956 года Митинг на факультете. Актный зал набит до отказа, это наша «сельская изба-читальня». В редкие дни кинопоказ. Среди старшекурсников заметно выделялся Костя Матушкин, участник войны, поэт; Андрей Сонин, тоже человек бывалый; высокорослый Коля Подлеснов и тоже поэт, уже «себя под Есениным чистит», старается походить на кумира даже непослушной, спадающей на глаз челкой соломенного чубчика, которую всякий раз вынужден поправлять неспешным наигранным театральным жестом пятерки-лопаты, а чаще инстинктивным кивком головы, отчего у моей однокурсницы, высокой миловидной Раи Горбуновой из Сосновки всякий раз ярче проступал румянец на щеках – ну как тут оставаться спокойным...

Но сейчас речь не об этом...

Новый декан факультета Николай Карлович Миттов даже первокурсников, в особенности юношей, всех знает не только по фамилии, но даже по именам. Удивляемся: выучил на зубок, какая память! Вот он сообщает: новая дисциплина «история» утверждена также в качестве основной и отныне факультет будет именоваться не «литфак», а «историко-филологический» и переходит на пятилетний срок обучения. В гуле то ли одобрения, то ли разочарования – а скорее, и то и другое, потонула эта новость. Осознавали ли мы тогда историчность момента? Предполагали ли, что жизнь преподнесет ещё не один сюрприз?..

Но вот на сцену тяжеловатой походкой поднимается новый оратор в просторном белом чесучовом костюме, почтенного возраста, могучего роста, с белой шапкой редющих волос, смотрит раскосом, стараясь взглядом обаять весь зал и одарить доброжелательной улыбкой. Это был зав. кафедрой литературы профессор Александр Михайлович Красноусов, личность удивительная, если не легендарная, так и оставшаяся для нас во многом неразгаданной.

Громко говорит о предназначении учителя и заканчивает Некрасовским стихом: «Сейте разумное, доброе вечное...». Следом именно он прочитает нам, первокурсникам, самую первую и потому самую запомнившуюся лекцию по русскому устному народному творчеству. Декан то ли хотел нас удивить, то ли угодить почтенному лектору, выделив самую лучшую 19-ю аудиторию.

Из того ли то из города из Муромца,

Из того ли то села да Карачарова, – гремел его голос и кажется был слышен в самых отдаленных аудиториях двух этажей.

Забегая вперед, скажу, что на старшем курсе он будет вести у нас «методику преподавания литературы». Знал ли он предмет? Ещё как! Его монография «Очерки истории методики преподавания литературы в 20-е годы» издана в столице и не потеряла актуальности доныне.

Знали, что А.М. Красноусов работал и над темой «Русские писатели и религия». Невежественную формулу оголтелых атеистов «бога нет – и баста» принять он не мог, ратовал за

научный атеизм, основанный, прежде всего, на глубоком знании библейских текстов, «Библия» была его настольной книгой, он часто цитировал её на память. Казалось, что возможность издания такой книги была нулевой.

Но не таков Александр Михайлович. И вот как-то уже по окончании института в коридоре основного здания на ул. Гоголевской встречаю двух друзей, вечных оппонентов: его и А.Р. Монастырского. Наперебой засыпают вопросами, интересуются моей работой, моими публикациями в местных и областных газетах и даже в «Комсомольской правде» и в «Литературной России», словно отчитываясь передо мной, и меня удивляют. А.М. Красноусов: «В издательстве «Просвещение» вышла, наконец, моя книжка «Русские писатели в борьбе с религией», подписывает мне автограф и взрывается. – А ведь не печатали!»

Догадываюсь, Анатолий Рафаилович непременно съязвит и вставит в пику свое едкое замечание:

– У меня тоже вышла монография о Демьяне Бедном. Правда, в Воронеже. Но уже без нажима сверху... – И тоже оставляет мне автограф.

В этой истории, пожалуй, самым загадочным для меня был такой штрих. В столичном журнале «Литература в школе» напечатана была разгромная рецензия, о его труде мол, в книжке не борьба с религией, а насаждение религии. Скандал, да и только. А ему хоть бы что, он сам сообщал об этом с таким жаром, будто его не ругают, а награждают Патриаршей грамотой.

А может что-то предвидел, много на своем веку повидавший мудрый человек. Даром ли со своим сопроводительным письмом отправил меня в Москву к знатоку религии профессору А.В. Позднееву, которому сразу присудили докторскую степень за его труд «Русский духовный стих»... Вот и ссыльного епископа Луку Ясенецкого отметили Сталинской премией. Времена меняются... так уж совпало, а может, тоже не случайно – и похоронен он не вдалеке от храма Всех скорбящих радости.

Не только у нас помнят этого недюжинного ученого и незаурядного человека, но и на Алтае, где он работал вместе со знаменитым Топоровым, педагогом и писателем, автором

выстраданной им книги «Крестьяне о писателях», которую высоко ценил Максим Горький. Его, Красноусова, почитают и в средней Азии, где он открывал университеты и был первым ректором Самаркандского университета.

Среди студентов служба в армии, органах внутренних дел и госбезопасности была в почете, иные и связали с ними свою судьбу: В. Кривошеев; В. Кожаринов, А. Объедков, С. Голованчиков... Многие офицеры поступали на заочное отделение института и, скажу, преуспели в этом. Назову для примера А.И. Карандеева, ныне начальника вневедомственной охраны г. Мичуринска.

Начиная с военных лет институт шефствовал над морями-кочевниками Балтики. Это особая страница истории, отраженная в нашем музее. В 1989 году во время перестройки мне с двумя отличниками начфака посчастливилось побывать на ракетном катере «Мичуринский комсомолец» и даже посетить такой же катер «Бурун» во время боевого дежурства. Капитан пытался читать мне сочиненные для сына мудрые сказки, но сирена всякий раз прерывала чтение, объявляя тревогу: натовская авиация проводила учения близ границы; всякий раз, когда точка на экране приближалась к нашей границе, расцехлялись ракеты и начинался отсчет. Точка делала разворот и ракета возвращалась в исходное положение. Так вот она тревожная служба боевых моряков на границе, чтобы мы мирно учились, зная, что есть надежная защита.

На Балктике хорошо знали студентов-шефов и их вдохновительницу Л.В. Лаврову.

Трижды, в 1956, 57 и 58 годах студенты отличались на уборке целинного урожая в Казахстане, многие отмечены правительственными наградами – К.Н. Георг, Т.И. Мячина, Ю.Д. Щекотов, А.П. Рогов, А.А. Рязанов, Т.В. Самохвалова, другие были награждены знаками ЦК ВЛКСМ и грамотами Актюбинского обкома комсомола, совхоза «Яйсанский». Мне посчастливилось дважды принимать участие в этом грандиозном событии после 1-го и 2-го курсов. Газета «Комсомольская правда» в августе 1957 года посвятила мичуринским студентам целый подвал: «Там, где заколосятся поля» (автор В. Мещеряков); мною был освоен жанр «Письма с целины»

(«Мичуринская правда», «Комсомольская знамя», «Колхозная правда»).

Память периодически возвращает к этим незабываемым дням, когда мы ощущали свою причастность к большому делу. Еще не все сказано о моих – друзьях А. Добрыни-не, Н. Подлеснов, В. Скворцове, Е. Старикове, А. Словягине, С. Завязкине, А. Балабаеве, В. Полевом, И. Печенкине, К. Каргальцевой, Л. Назаровой.

Много клеветников России, особенно из тех, кто сам не побывал ни на целине, ни в стройотрядах, в последнее время пытается очернить и эту страницу истории. А эту славную трудовую традицию наши студенты продолжали в 70–80-е гг., участвуя в строительных и сельхозотрядах, среди активистов движения были В. Кривошеев, Б. Кинжалов, В. Козырев, В. Журавлев, И. Платицын, Г. Баудер, Н. Сухоруков. Об этом тепло вспоминает завуч средней школы №49 г. Жердевка В.М. Остроухов, выпускник факультета биологии и химии: «Осенью на втором курсе работали в колхозе, в селе Хмелевом, собирали картошку, за месяц дали 50 га картошки, мы управились за 19 дней; летом в стройотряде «Юный химик» 200 человек работали на Уваровском химзаводе. Приходишь к выводу, что студенческие годы – самые лучшие годы жизни, трудные, счастливые, ответственные, содержательные, интересные...».

Подтверждаю и как целинник, и как стройотрядовец – в семидесятом ездил комиссаром интернационального студенческого отряда в ГДР строить дорогу Лейпциг-Берлин, и как декан, много занимавшийся подбором бойцов, ездивший вместе с проректором Г.Н. Самохваловым по местам дислокации отрядов, так оно и было. Остроухов пишет сущую истину.

Преподаватели наши работали за рубежом: В.И. Козырев в Египте, Ираке и США, А.Я. Баудер – в Германии, Ю.Д. Щекотов – в Польше, А.Ф. Зверев – на Кубе, Л.Я. Яриновская, И.П. Печенкин и азъ многогрешный – в Болгарии. Особенно активно этой работой занимается кафедра иностранных языков: преподаватели много практикуются и в качестве переводчиков, со студентами и учащимися гимназии ездили на стажировку. Больших

успехов в этом деле преуспели преподаватели Т.С. Мордасова, Г.М. Кретицина, доцент Л.Г. Попова.

История института отразилась в судьбе многих достойных людей. Работал у нас замечательный психолог А.П. Полянский, начинавший когда-то еще в Новиковском педучилище, а потом его дочь Ирина Алексеевна, знаток истории России. На всю жизнь связала свою работу с биофаком профессор Е.С. Черненко, замечательный ученый, журналист-краевед; К.Л. Мартыанова, доцент-биолог, поэтическая душа; И.М. Голубев, доктор наук, профессор; доценты М.К. Скрипникова, а также Л.Г. Корнева, В.И. Щеголев, Л.И. Касандрова, Л.Ф. Скрылева – зоологи от Бога А.Д. Скрылев, призер и чемпион соревнований, зав. кафедрой организатор спортивной жизни института; М.И. Матвеев, политолог, И.К. Колотев, вдумчивый философ; замечательные методисты В.К. Орлова, Н.Н. Пачина, В.И. Гусева, Н.И. Кулакова, В.И. Евсюкова, В.Е. Кондрус, опытные доценты Р.П. и Е.М. Тарасовы, В.Н. Калашников, И.В. Чекунов, И.В. Сидорова, Т.В. Зацепина, Л.В. Дроздова, Л.Ю. Шишкина.

На рубеже тысячелетий институт из всех сил старался выжить – это значит надо было обеспечить потребность школы в учителях, готовить знающих свое дело специалистов. Вот почему факультеты осваивают дополнительные специальности, они в школах на вес золота. Биофак – дополнительно химию и основы фермерского дела; начфак – математику, биологию, иностранные языки, основы православной культуры в неполной средней школе; филфак – историю, иностранные языки, журналистику... Это и есть система мобильного профилирования на основе изучения рынка образовательных услуг.

Нельзя не сказать о нашей биостанции. Помню, учась в Москве, наблюдал: чтобы студентам-биологам поймать бабочку или посмотреть папоротник в лесу (о сборе гербария уж не и говорю!) надо прерывать занятия на неделю и ехать за город; у нас же – если в расписании «стоят» два часа, успевают преподаватель с группой и в Панский лес сходить, и на биостанции побывать, а проворный студент еще и в речке выкупаться. И у нас закрывать

биофак! Тогда где же его открывать-то? Здесь вся Мичуринская наука, осваивай, не ленись только! И на биофаке вкалывают! Назову лишь студентов (теперь-то уже бывших) А. Соловченко, А. Околелова, соросовских стипендиатов.

На биостанции в 6,5 га – 60 сортов яблонь; кафедра ботаники поддерживает связь не только с мичуринскими научными учреждениями, но и заповедником Воронежского университета – «Галичья гора», Ярковским лесничеством, кафедра зоологии (зав. – доцент Л.Ф. Скрылева, продолжавшая традиции Е.В. Молева, Л.И. Касандровой, В.И. Щеголева) успешно ведет инновационное обучение, выпустила работу «Позвоночные животные Тамбовской области», подготовила Красную книгу области, вносит вклад в решение природоохранительной экологической проблемы.

На факультете ПИМНО тоже кипит работа: кафедра математики и информатики работает над применением основных понятий теории вероятности и математической статистики в биологии и химии (простор для межпредметных связей!), занимается разработкой и внедрением информационных технологий в высшее образование. Для этого используются возможности лаборатории вычислительной техники и фонд программно-педагогических средств на кафедрах русского языка, биологии; ЭВМ используется студентами, аспирантами и преподавателями в научной работе: на кафедрах, в деканатах, в бухгалтерии.

Кафедра педагогики, психологии и методик начального и дошкольного обучения, которой долгое время заведовали доценты А.А. Алякринская, Т.Т. Шмырева, Ю.Д. Щекотов, разрабатывала научные темы «Совершенствование подготовки учителя начальных классов» и «Совершенствование эстетического воспитания студентов в учебно-воспитательном процессе». Ныне это кафедра теории и технологии дошкольного и начального образования (зав. – Е.В. Кирпичева), принявшая активное участие и организации (впрочем, как и другие кафедры института) во II Владимирских духовно-просветительских чтениях «Князь Владимир. Цивилизационный выбор Руси» 11 ноября 2014 года.

Кафедра педагогической лингвистики, которой заведовала Е.В. Алтабаева, ученица

Московского профессора П.А. Леканта, выросшая до доктора филологических наук, профессора, успешно разработала теоретические и методические аспекты функционирования языковых единиц в тексте; провела ряд международных научных конференций по лингвистике с выпуском сборников материалов.

Деканат долгое время возглавлял профессор В.Я. Никульшин (ныне директор Социально-педагогического института), стараниями которого факультет в свое время поддержал и ввел прогрессивную программу по музыке Д.Б. Кабалевского; проводились ежегодные «Недели музыки», приглашались ученые страны, такие, как член-корреспондент АН М.Р. Львов, автор вузовского учебника по психологии профессор А.А. Люблинская, автор «Букваря» В.А. Кирюшкин...

Мой родной филологический факультет располагается в двухэтажном здании по ул. Филиппова (Монастырской), 45. Здание за свою неказистую архитектуру нередко бывало мишенью факультетских острот, но, как говорится, не красна изба углами, Все же в общий ансамбль улицы Филиппова и города оно вписывается органично и особенно хорошо просматривается со стороны реки Лесной Воронеж, не заслоня красоты города и его храмов, а мне так напоминает набережные постройки Твери со стороны Волги и Санкт-Петербург со стороны Васильевского острова. Летом в раскрытые окна доносится аромат садов набережного посада, речная прохлада, радует глаз красота Панского леса; аудитории удобны для занятий, а главное, занятия идут в одну смену.

На факультете работали известные ученые, доктора наук И.М. Фрадкин, И.Я. Лернер, В.В. Бабайцева (у которых мне посчастливилось учиться!), В.Н. Аношкина, А.Я. Баудер, А.А. Бельский, писатель Н.К. Горбунов, профессор А.М. Красноусов, доценты Е.А. Касаткина, А.Р. Монастырский.

Назову докторов наук, профессоров, которые приумножили славу факультета: Т.В. Маркелова, Л.Г. Попова, С.В. Еловская, В.И. Козырев, П.А. Гончаров, Е.В. Алтабаева, В.В. Химик, Т.П. Нестерова, Н.М. Муравьева, Е.Н. Федосеева.

В разное время деканами факультета работали И.П. Свиричев, Н.К. Миттов, А.П. Чернова, И.В. Чекунов, Ф.В. Попов, Е.Б. Колыханова (за ней носил четыре года эту нелегкую «шапку» азъ многогрешный), Ю.Д. Щекотов, Т.В. Маркелова, П.А. Гончаров, С.С. Кудрявкин.

Запомнились, наверное, не мне одному, периоды аттестации. Это всегда экзамен и для студентов и для их наставников. Не было ни одной проверки без посещения моих лекции по древнерусской литературе. Помню, в одну из таких проверок мне поставили лекции через день, в обычное-то время в деканате лишнего часа не выпросишь, и я успел вычитать все по программе и распрощаться со студентами до экзаменов, но поздно вечером из ректората предупреждают: завтра ко мне на первой паре придет на открытую лекцию председатель комиссии д.фил.н., проф. Н.Г. Блохина. В расписании – свободная пара; время позднее; мобильников еще не было. Как собрать студентов? Какую тему дать, чтобы не повторяться? С Божьей помощью, все разрешилось. О моей лекции «Библия и древнерусская литература» на Ученом совете пелись дифирамбы, мне даже было неловко слушать... Но так было.

Да я ли один в приподнятом волнении.

Кипит институт, кипят кафедры.

По всем предметам идут контрольные работы. По четкости научной и научно-методической работы кафедре русского языка нет равных. Помню, ректором Г.Л. Чернышовым была поставлена задача: поднять процент остепененности на кафедрах. Секрет В.И. Козырева прост: создавать условия... И через короткое время здесь защитили диссертации тогда еще молодые преподаватели А.И. Черенков, В.В. Ващук, Н.Ю. Широлапова, А.В. Логинов, А.В. Титова, Н.В. Черникова... И это благодаря тесной связи с Московскими и Тамбовским университетом...

Опыт преподавания, научный потенциал кафедры литературы, организация научных конференций, литературный праздник на родине Е.А. Боратынского в Маре Уметского района, журналиста и издателя XVIII века И.Г. Рахманинова на его родине в селе Старая Казинка Мичуринского района, выпуск сборников «Венок Боратынско-

му», «И.Г. Рахманинов и русская журналистика», «Козловъ-Мичуринск» (6 выпусков), монографии и методические пособия, выпущенные В.Е. Андреевым, Н.Н. Зверевым, Е.Л. Пилипюк, А.А. Земляковской, Т.А. Чекуновой, Т.П. Нестеровой, С.С. Кудрявкиным, Н.В. Кудрявкиной, В.И. Матушкиной, И.В. Поповой, Е.Н. Федосеевой, подготовка научной конференции «Пушкин и Боратынский»: К 200-летию поэтов, ежегодные Пушкинские праздники в день рождения поэта в городском парке культуры и отдыха, возложение венка к памятному знаку равноапостольным святым Кириллу и Мефодию, участие в Питиримовских духовно-образовательных чтениях, международных Рождественских и Глинских чтениях в Москве и других городах России – все это, получившее высокую оценку в прессе, местной и центральной, не проходит

**КАЖДЫЙ СРЕМИТСЯ ВЫРАЗИТЬ СЕБЯ,
ПОМНЯ СТАРЫЙ ДЕВИЗ: СЕРДЦЕ ОТ-
ДАЙ ЛЮБИМОЙ, ЖИЗНЬ – ОТЕЧЕСТВУ,
ДУШУ – ГОСПОДУ, СЛАВУ – ИНСТИТУТУ,
А ЧЕСТЬ – ОСТАВЬ СЕБЕ.**

бесследно, как и встречи в стенах факультета с видными учеными Х.К. Кор-Оглы, С.Б. Машеевым, В.Н. Озмитель, Я.С. Билинским, З.Я. Рез, Я.И. Гудошниковым, А.И. Журавлевой, В.Г. Руделевым, Н.Л. Потаниной, Л.В. Поляковой, Н.Г. Блохиной, Н.А. Кожевниковой, П.А. Лекантом, Г.П. Климовой; с писателями М. Дудиным, Ю. Шесталовым, М. Агашиной, М. Румянцевой, С. Милосердовым, И. Кучиным, А. Шилиным, С. Бирюковым, И. Овсянниковым, В. Дорожкиной, Б. Пановым, В. Кострикиным, В. Аршанским, П. Герасиным, В. Малаховым.

Мы гордимся своей землячкой М.А. Белаховой, автором многих художественных книг, редактором журнала «Детская литература», которая училась в нашем здании в 1919–1921 гг. в Козловском педагогическом техникуме, который закончила с отличием и была направлена на работу в детский дом.

Много наших выпускников, преподавателей стали видными людьми: профессор

В.Н. Аношкина, В.В. Бабайцева, Т.В. Маркелова, В.В. Химик, Н.Г. Блохина – авторы учебников для школ и вузов, В.П. Журавлев – редактор издательства «Просвещение», И.П. Печенкин, И.Г. Осетров возглавили кафедры в Брянске и Смоленске, Г.Г. Шмырева – во Владимире, Ю.С. Долгов – в Могилеве.

А сколько отдали сил и душевного тепла общественной профсоюзной работе В.И. Алексеева, В.Я. Никульшин, Л.П. Петрищева, Т.А. Щиковец.

Ветеранскую организацию в разное время возглавляли Ю.Д. Щекотов, А.А. Попова, В.И. Попков.

Проводятся предметные недели, они обогащают знания и впечатления питомцев, раскрывают их творческие способности, формируют профессиональные навыки.

А отдача? Конечно есть. Перечислять наших известных выпускников – не хватит и месяца, но о заслуженных учителях России И.Н. Абрамовой, С.И. Завязкине, А.В. Бодрых, В.Е. Тонких, Т.Д. Коновой, К.А. Кушелевской, Н.Г. Моисеевой, В.Н. Малаховой, Н.И. Ралдугиной, как и о Э.С. Кулешевском, В.М. Круглове, А.В. Лежневе, Н.М. Сухорукове не сказать нельзя, каждый из них – это история нашей педагогики, культуры. Они пишут книги, открывают музеи, учат не только детей, но и наших студентов во время педагогической практики.

О выпускниках химбиофака В.Н. Яценко, М.О. Корневе надо писать особо, ибо они вписали свою страницу в новую историю Тамбовщины, являясь депутатами областной думы М. Корнев, объединяя знания по сельскому хозяйству, новейшей экономике, политике и культуре, успешно развивает бизнес, интегрируясь в международную практику передовых сельскохозяйственных технологий, создав крупнейший в России холдинг «Корнев-групп».

Особый разговор о дипломных работах, которые ныне стали обязательными, свидетельствующими о повышении самостоятельности и творческой активности выпускников. Скажу лишь, что на кафедрах был накоплен опыт подобной практики задолго до этого и потому переход к университетской форме аттестации оказался безболезненным.

Мой рассказ был бы неполным без хотя бы упоминания о проблемах лабораториях по

экологии, по педагогике высшей школы, психологии, об открытии новой специализации основ православной культуры и домового храма равноапостольных святых Кирилла и Мефодия.

Игровые формы проведения семинаров «Синегория» по обучению студентов навыкам работы вожатыми в летних детских оздоровительных лагерях, как и вдохновитель этой сказки на Яву доцент И.В. Чекунов, запомнились многим поколениям студентов. Кафедрой педагогики и психологии (заведующие – проф. М.П. Шульц, доценты И.В. Чекунов, Т.В. Невзорова, Е.В. Корепанова) накоплен бесценный опыт по воспитанию любви к профессии...

Работа кафедр с гимназией, со школами № 2, 4, с Дубовской и Избердеевской школами Петровского района, с филиалом института усовершенствования учителей, с музеями, театром, редакциями газет – отдельная веха. Каждый стремится выразить себя, помня старый девиз: сердце отдай любимой, жизнь – отечеству, душу – Господу, славу – институту, а честь – оставь себе.

Студенты эту честь завоевывают и на занятиях по основной и дополнительной специальностям, и в отделениях дополнительного педагогического образования, которые назывались раньше ФОПом... У его истоков стояла подвижница Р.Г. Крестинина, потом руководители Л.Ф. Скрылева, Т.В. Невзорова, Н.Н. Зверев, Л.Г. Яськова, С.В. Еловская.

Особо следовало бы рассказать о воспитании чувства патриотизма, прежде всего, с помощью разысканий историко-краеведческого характера, отраженных в сборниках кафедры истории (зав. доц. И.В. Сидорова) и их авторах – доцентах И.В. Сидоровой, Г.А. Рожкове, А.С. Мелехове, А.И. Саркисове, Н.М. Попове, А.С. Трусовой, А.С. Попове, А.В. Зацепине, ст. препод. Д.В. Ралдугине.

Талантливых, знающих ждут в школах. А когда есть доброе сердце, горячее стремление взяться за любое дело, то и любые трудности будут преодолены.

В июле студенты сдают последние госэкзамены, «госы», демонстрируют реализованные за годы учебы возможности, приобретенные умения размышлять, мыслить критически, неординарно. Получают дипломы и разъезжаются по школам сеять раз-

умное, доброе, вечное. Они запомнят «картошку», первый концерт, коллоквиум, зачет. Покидают они свою путевую пристань, общежития, прочерчивая то яркий, то менее заметный след, а на их место приходят робкие абитуриенты.

Настанет день Знаний, и они примут клятву на верность школе, символический ключ от науки, зачетку и студенческий билет. И опять повторится все сначала: «картошка» проверит, кто чего стоит, смотры-конкурсы первокурсников высветят таланты, практика в школе утвердит верность избранного пути.

Просится сопоставление этого процесса с вечнообновляющимся древом, сбросит оно листву в октябре и осиротеет, чтобы с наступлением весны вновь весело зашуметь густой кроной. Может, это подходит к институту, но справедливо ли по отношению к выпускникам? Разве похожи они на разметаемую ветром листву? Не будет ли уместнее менее хромающее сравнение с гнездом, откуда вылетают птицы? Они укрепляют крылья для дальнего полета. Одни успевают набрать высоту в институте, других – поднимает сама жизнь.

Впрочем, все повторится сначала, а всякий раз по-другому, по-новому. Особенно ныне, когда пединститут стал подразделением аграрного университета и называется социально-педагогический. Значит, прибавляется функций, забот, ответственности. Возглавил его опытейший, старейший педагог (по стажу – не по возрасту) профессор Валентин Яковлевич Никульшин. Мудрость руководителя не в том, что все способен взвалить на собственные плечи, а в том, что умеет подобрать умных, знающих, компетентных, креативных помощников. А доценты Любовь Петровна Петрищева и Сергей Серафимович Кудрявкин именно таковы, опытные, деловые, работоспособные, перспективные.

В общем Социально-педагогический институт встречает юбилей родного Мичуринского аграрного университета обновленным, умудренным опытом прежней деятельности.

С юбилеем, гордость Российской аграрной науки, обогащенный социально-гуманитарной и патриотической составляющей! ■■

Солнце встаёт на востоке

ЕСЛИ ОЧЕНЬ ЗАХОЧЕТСЯ ПОБРОДИТЬ ПО МЕДВЕЖЬИМ ТРОПАМ, ЗАГЛЯНУТЬ В ЖЕРЛО ВУЛКАНА, ПОНЕЖИТЬСЯ В ПРИРОДНЫХ ГОРЯЧИХ ИСТОЧНИКАХ, ПРОМЧАТЬСЯ ПО ПОЛУОСТРОВУ НА СОБАЧЬИХ УПРЯЖКАХ, НАСЛАДИТЬСЯ БЕЗБРЕЖНОСТЬЮ ОКЕАНА, МОЖЕТЕ СМЕЛО СОБИРАТЬСЯ В ДОРОГУ...

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ РОССИЯ

Девять часов – десять тысяч километров над землёй. Под крылом самолёта – вся страна: от Москвы до восточных окраин. Мы летим туда, откуда начинается новый день, откуда начинается Россия.

Согласно легенде Кутх (в переводе с корякского – ворон) обиделся на эту землю, поднялся в небо и разбросал её горсточками. А получилось

так, что куда ни кинь взгляд, глаз не оторвать.

Как томительно кажется бесконечным ожидание... И вот уже из иллюминатора, словно на географической карте, показались снежные вершины сопок и вулканов, узкие ленточки горных речушек, белое полотно ледяного безмолвия. Сердце начинает стучать неистово, потому что через несколько минут самолёт совершит посадку и любимую землю можно будет ощутить под ногами.

Дальний Восток. Камчатка. Соединились неповторимая палитра цветов живой природы и широкий спектр вызванных ею чувств... Если её полюбишь, то навсегда! Так получилось, что путешествие в этот загадочный мир растянулось на десять лет.

«ЗА МЕЧТАМИ И ЗА ЗАПАХОМ ТАЙГИ»

На край земли «за мечтами и за запахом тайги» после окончания института

Наш домик на улице Рябиковской

в тёплой Одессе с дипломом молодого инженера я отправилась за своим супругом.

На одной из оконечностей Петропавловска-Камчатского – мысе Санникова, в одноэтажном домике из подменного фонда мы и нашли временное пристанище. Недалеко от нашего дома на небольшой сопочке можно было набрать грибов «на сковородку», а спустившись с очень крутого обрывистого склона, погулять по морской гальке. Словно Рериховские Гималаи, смотрели на меня белоголовый Вилучинский вулкан и фиолетовые сопки в закатных лучах уходящего солнца. Необъятное небо завораживало игрой ярких красок. Из окна нашего жилища виднелась Авачинская бухта – одна из красивейших в мире – в серпантине огней дремлющих на рейде судов. Неспешно курсировали по акватории бухты, по-хозяйски оглядывая свои владения, сивучи и морские котики. Весь город растянулся вдоль морского побережья, приближаясь новостройками к подножию вулканов...

ЗАМЕТИ МЕНЯ, МЕТЕЛЬ, ЗАМЕТИ

Старожилы любят шутить, что здесь только два времени года – девять месяцев зима, остальное – осень. Нас заносило снегом так, что тропинка проходила по крышам гаражей. Маленькой и худенькой дочери приходилось выкатываться в форточку, на уровне которой красовался огромный сугроб, и слегка откапывать дверь дома, почему-то открывавшуюся наружу. Были узаконенные пурговые дни, когда матерям с маленькими детьми официально разрешалось не выходить на работу. Иногда эта цифра измерялась тремя днями на радость детворе, которые, не смотря на непогоду, прокапывали бесконечные тоннели, сооружали крепости и до весны теряли в снегу валенки и варежки. Основная масса трудящихся, периодически сбиваемая с ног сильными порывами ветра, по быстро заносимой снегом протоптанной дорожке добиралась пешком на свои рабо-

чие места, так как транспорт в это время не ходил, и таким же образом обратно домой.

Любимый вид спорта жителей полуострова – лыжный. Особо привлекателен он по весне, когда ещё много снега, но уже припекает солнце, тогда лыжники раздеваются до купальников, и загар получается не хуже южного.

ГЛУБИННОЕ ТЕПЛО

Земля Камчатки сравнительно молодая, внутри неё кипят глубинные процессы, происходят тектонические подвижки, и, как результат, выплёскиваются на поверхность гейзеры, горячая вода, огненная лава. В местах выхода на поверхность термальных вод создаются окультуренные бассейны под открытым небом, круглый год температура в которых до 60 градусов. Изобилует ими река с соответствующим названием Паратунка. Необычайно интересно принимать воздушно-водные процедуры, когда потрескивает лёгкий морозец и головы покрываются «ледяными шапками». Распаренным в горячей воде особо приятно охладиться в белоснежных сугробах.

ГОЛОС ТУНДРЫ

Пушистые снежинки задорно кружились в весеннем воздухе и разбивались о мокрый серый асфальт. Стоял март. Старый ительмен (бывший участник национального ансамбля «Мэнго») пел на базарной площади, издавая гортанные звуки, и притан-

цовывал под аккомпанемент бубна. Это был подарок к 8 Марта для всех женщин.

Что-то чувствовалось неуловимо притягательное в этом чистом голосе тундры, словно призыв бросить пыльные города и уйти туда, где по бесконечным просторам бродят стада оленей, где по ночам у костра трещат поленья, а дыхание земли возрождает жизнь.

Малые народы очень добродушные, приветливые и доверчивые, как дети. Среди коренных жителей Камчатки – это ительмены, коряки, чукчи, эвены.

...Мечты бывают разные. И мы, не скрывая улыбались, когда наш приятель – бывший геолог Саша Печень взахлёб рассказывал о том, как мечтает попасть в Книгу рекордов Гиннесса... И попал, возродив на Камчатке в 90-е годы про-

шлого столетия зимний вид ездового спорта – гонки на собачьих упряжках на самом длинном по протяжённости маршруте.

И теперь любители экстрима могут ощутить зов далёких предков, на время почувствовать себя каюрами, управляя ездовыми собаками, познакомиться с бытом коренного населения, попробовать деликатесную красную икру столовыми ложками, полюбоваться красотами дикой природы.

НА ТРОПЕ КОСОЛАПОГО

В конце прошлого века проводились комплексные разработки леса под дачные участки. Наша дача находилась в пяти километрах от Тихого океана. 22 июня мы коллективно выезжали на посадку картошки. На нашем

участке ещё местами лежал снег, который тут же перепахал выделенный нам трактор. И пришлось кидать картошку в холодную землю.

За короткий вегетационный период успевали вырасти корнеплоды, капуста и созреть клубника с малиной, которыми любил лакомиться медведь, оставляя следы своего присутствия. Дачи были расположены на вековых тропах косолапого хозяина леса. Вот и хозяйничали мишки по огородам, а иногда и по мусорным контейнерам.

ПОД КАЖДЫМ КУСТОМ – ДАЧА

Камчатская природа щедро одаривает местных жителей дикоросами. Моя соседка Валентина любила повторять: «У меня в лесу под каждым кустом дача». А ведь

действительно так. И наша дворовая команда вместе с малыми детьми в выходные дни с пересадкой на двух автобусах отправлялась в лес. Чуть позже того, как сходил снег и сквозь прошлогоднюю листву проклёвывались нежные росточки черемши, можно было заготавливать папоротник-орляк, пока у него не распустились листья. И грибов было видимо-невидимо. Предпочтение отдавалось белым, их шляпки могли вырастать до размеров большой тарелки.

Любимым лакомством детей были орешки кедрового стланика. Мы собирали жимолость, голубику, шикшу, бруснику, шиповник, рябину. Для удобства иногда использовались детские зонтики. В них, словно в воронку, осыпалась спелая ягода, стоило только слегка потрясти куст, а

потом сдуть опавшие листья и пересыпать в ведро. Ягода в основном перетиралась с сахаром и была лучшим угощением к чаю.

К СЕРДЦУ ВУЛКАНА

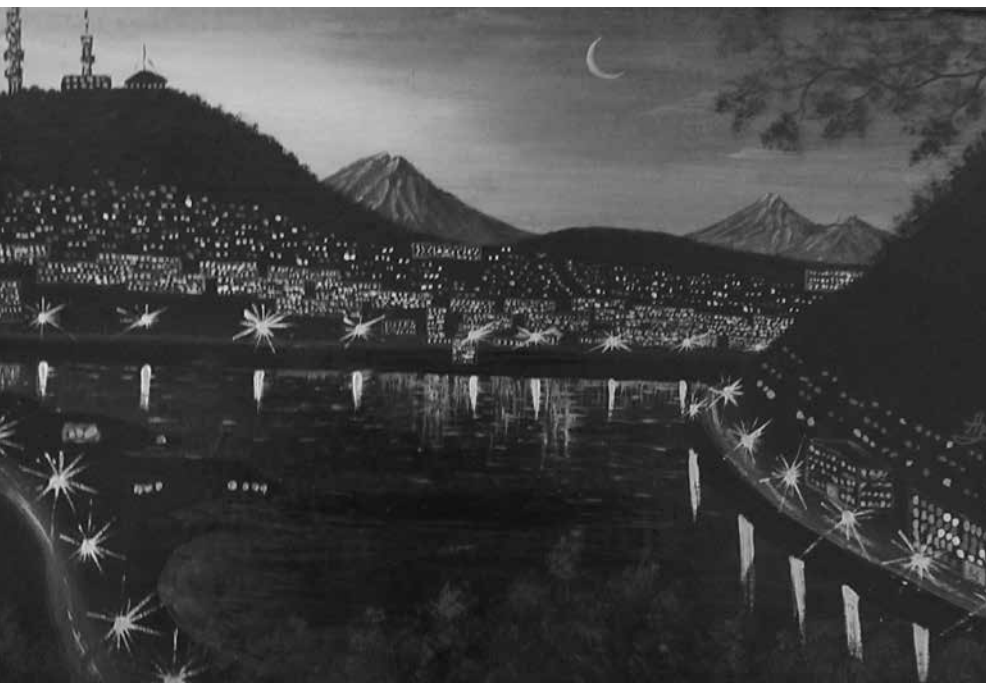
Основная достопримечательность полуострова, конечно же, вулканы. На Камчатке их более 300, десятая часть из них – действующие.

Маршрутом выходного дня считается восхождение на действующий Авачинский вулкан. Он периодически просыпается и выбрасывает огненную лаву. Последний раз это было в 1991 году. Этот вулкан расположен к городу ближе других, но серьёзной опасности не представляет. Мы добирались к его подножию по застывшей лаве среди обугленных деревьев. А потом, после шестичасового подъёма

с альпенштоками по каменистым и снежным участкам, нам посчастливилось заглянуть в жерло вулкана. Ему словно снесло голову после недавнего извержения, и вместо вершины зияла огромных размеров глубокая чаша. Внутри неё проводили исследования вулканологи, а мы, насмотревшись экзотики и надышавшись сероводородом, поспешили в обратный путь.

Извержения вулканов провоцируют землетрясения. В нашем одноэтажном домике было не страшно, иногда это напоминало небольшую морскую качку. В Петропавловске не случалось разрушительных землетрясений, но на всякий случай пакет с документами висел в прихожей на видном месте, а на одежде у детей имелись бирочки с контактными данными родителей.

Вечерний город. Художник А. Копытко. Подарок на память.

С ПРАВОГО БОРТА – КРАБЫ

В 90-е кризисные годы прошлого столетия зарплату нам иногда выдавали по бартерной сделке сосисками и окорочками. В нашем тресте, который занимался изысканиями под любой вид строительства, даже пекли пончики и пирожки, занимались ремонтом помещений...

А порой приходилось брать удочки и, спустившись с крутого скалистого обрыва к полузатонувшим останкам бывших рыболовных судов, добывать к ужину с дюжину камбалёшек и морских бычков. А если очень хотелось деликатесов, на охоту выходили ночью. На свет фонарика карабкались по ржавому металлу крабы, ловкое движение сачка – и они оказывались на палубе...

НА ПЛОТАХ ПО РЕКЕ БЫСТРОЙ

Весь полуостров густо опоясан голубыми лентами больших и маленьких рек горного происхождения. Нам удалось сплавиться на плотах по реке Быстрой вдоль живописных берегов, поросших кедровым стлаником и белокаменной берёзой. Берёзы здесь совсем

нестройные, но по-своему красивые, рвущиеся к жизни, их раскидистые ветви держат оборону ото всех ветров, а корни цепляются за скалы. Река Быстрая имеет вторую категорию сложности и как любая горная река – свои интересные пороги. От цивилизации нас отделяли десятки километров, а вокруг – дикая природа и плеск воды... «Суши вёсла», –скомандовал командир нашей «шлюпки» – навстречу нам, преодолев многие километры солёной морской воды, стеной шла на нерест красная рыба в хрустально-чистую речную. Пару рыбин мы без труда зацепили к вечерней ухе на костре. Когда проходили пороги, от захлестнувшей за борт воды пострадал фотоаппарат, подмок рюкзак. Но весёлая компания и песни у костра с лихвой перекрыли ночь в полусыром спальнике.

*«Азиатские жёлтые реки,
Азиатские белые горы,
Раз увидел – так это навеки,
А забудешь – так это не скоро»,* – бередили душу негромкие слова под гитару...

КРАЙ ДИКОГО ЛОСОСЯ

Красная рыба – главное богатство полуострова, который часто называют ещё «Краем дикого лосося». Она является не только основным объектом промысла, ею питаются более 130 видов животных и птиц. Кижуч, нерка, чавыча, горбуша в период нереста меняют серебристую окраску на красную. Эта рыба уникальна ещё и тем, что, производя потомство, обессиленная умирает и впоследствии служит кормом для будущих мальков. В иные годы у местных рыбаков бывал настолько удачным улов горбуши, что они, оставляя себе самое ценное – икру, привозили во дворы рыбу и раздавали бесплатно.

ЗА ГОРИЗОНТОМ – НЕБО

Словно три стражника, скалы «Три брата» разделяют Авачинскую бухту с великим и могучим Тихим океаном. Согласно легенде когда-то три брата не пропустили в бухту разрушительные цунами и окаменели.

*Хорошие соседи, отличные друзья.
Слева семья Помазных с дочерьми, 1995 г.*

Потрясающе красив океан: не видно линии горизонта – там небо соединяется с водой. Необъятный простор, лишь волны разбиваются о прибрежную гальку да кружат свободные любивые гордые чайки...

Температура воды в океане в самый тёплый период года достигает семнадцати градусов, и самые отважные устремляются навстречу холодным солёным волнам.

ХОРОШО, ЧТО В ЖИЗНИ ЕСТЬ ДРУЗЬЯ

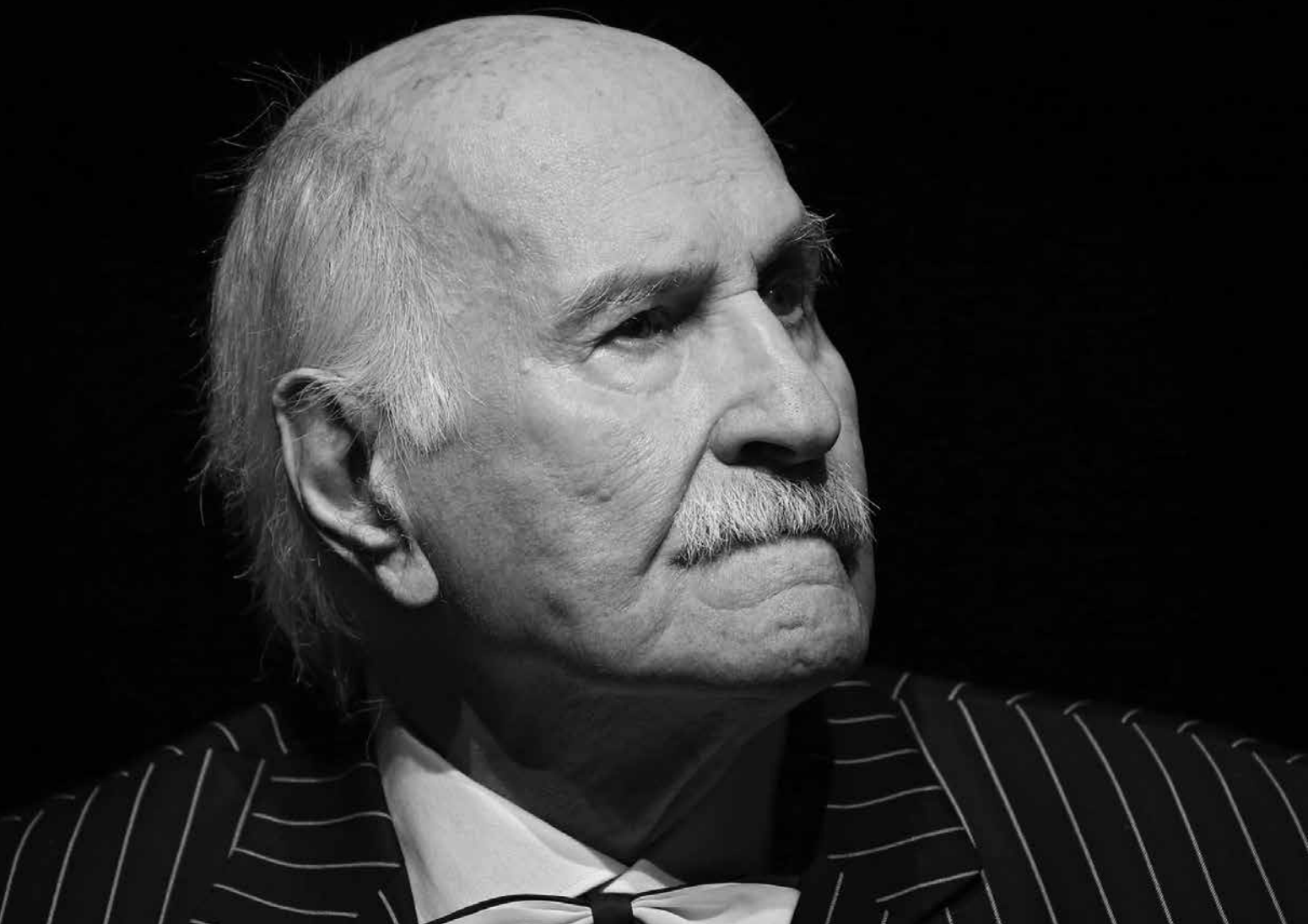
Но самое главное богатство полуострова – это всё-таки люди, отзывчивые, открытые, в любой момент готовые прийти на помощь.

Двери наших домов не закрывались. В радости и горе кипела жизнь. Были также походы в кино, театры, на выставки и в музеи, прогулки по излюбленному месту многих жителей Петропав-

ловска-Камчатского – сопке Любви. Под Новый год приходили свои местные деды Морозы – в их мешки мы клали игрушки для других ребятшек.

Наши дети занимались в многочисленных студиях и кружках, бегали на пирс за списанными на судне мандаринами, собирали на сопке грибы, прятались в пещере на скале... Огромный пакет с одеждой по мере взросления ребятшек кочевал от дома к дому. Мы стояли в длинных очередях за сапогами, молоком и синими курами, а по ночам по очереди читали «Дети Арбата» и «Белые одежды»... **А**

Марина Шеремета

ВЛАДИМИР ЗЕЛЬДИН

УШЁЛ ИЗ ЖИЗНИ ПОЧЁТНЫЙ ГРАЖДАНИН МИЧУРИНСКА ВЛАДИМИР ЗЕЛЬДИН

ПЕЧАЛЬНАЯ ВЕСТЬ ПРИШЛА ИЗ МОСКВЫ. 31 ОКТЯБРЯ, НА 102-М ГОДУ В НИИ ИМЕНИ СКЛИФОВСКОГО УШЁЛ ИЗ ЖИЗНИ НАШ ЗЕМЛЯК – НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР В.М. ЗЕЛЬДИН. ОН БЫЛ СТАРЕЙШИМ ДЕЙСТВУЮЩИМ АКТЁРОМ ПЛАНЕТЫ, НАСТОЯЩЕЙ ЛЕГЕНДОЙ, СЫГРАВ В БОЛЕЕ ЧЕМ СТА ФИЛЬМАХ. НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫЕ ЕГО РОЛИ – УЧИТЕЛЬ ТАНЦЕВ В ОДНОИМЁННОЙ ПЬЕСЕ ЛОПЕ ДЕ ВЕГА И МУСАИБ ГАТУЕВ В КИНОКОМЕДИИ ИВАНА ПЫРЬЕВА «СВИНАРКА И ПАСТУХ».

А БЫЛИ ЕЩЁ «КАРНАВАЛЬНАЯ НОЧЬ», «ДЯДЯ ВАНЯ», «ДЕСЯТЬ НЕГРИТЯТ», «ЖЕНЩИНА В БЕЛОМ»... БОЛЕЕ 70 ЛЕТ В.М. ЗЕЛЬДИН ВЫХОДИЛ НА СЦЕНУ ЦЕНТРАЛЬНОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕАТРА РОССИЙСКОЙ АРМИИ.

НАМ, ЖИТЕЛЯМ МИЧУРИНСКА, ДОЛГО БУДУТ ПАМЯТНЫ ВСТРЕЧИ С ВЛАДИМИРОМ МИХАЙЛОВИЧЕМ, КОТОРЫЕ ПРОИЗОШЛИ В ОКТЯБРЕ 2008-ГО, МАРТЕ 2012-ГО И АВГУСТЕ 2013 ГОДА.

ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР ВЛАДИМИРА ЗЕЛЬДИНА В МИЧУРИНСКЕ

РАНЕЕ СООБЩАЛОСЬ, ЧТО АКТЁР ГОСПИТАЛИЗИРОВАН В ТЯЖЁЛОМ СОСТОЯНИИ В ОДНУ ИЗ СТОЛИЧНЫХ КЛИНИК. ПО СООБЩЕНИЯМ СМИ, ОН ТРИ НЕДЕЛИ НАХОДИЛСЯ В ВОЕННОМ ГОСПИТАЛЕ, ГДЕ ПРОХОДИЛ ОБСЛЕДОВАНИЕ И ЛЕЧЕНИЕ. ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЛЕПНОМ АКТЁРЕ, ЛАУРЕАТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ, ПОЧЁТНОМ ГРАЖДАНИНЕ МИЧУРИНСКА НАВСЕГДА СОХРАНИТСЯ В НАШИХ СЕРДЦАХ.

Начало августа 2013 года теперь войдёт в историю тамбовской и российской культуры как потрясающее событие – Первый фестиваль русских хоров «Песни над Цной», в котором принял участие наш земляк почётный гражданин Мичуринска, народный артист СССР Владимир Михайлович Зельдин.

Вечером 7 августа в Тамбове открылся и продолжался шесть часов песенный марафон, в котором участвовали хоровые коллективы всех городов и районов нашей области, детские хоры, хоры ветеранов, казачьи ансамбли, фольклорные ансамбли, в том числе «Станица» из Мичуринска, «Тальяночка» из Тамбова.

Мне с моими друзьями посчастливилось присутствовать на этом грандиозном празднике русской песни, слышать густое пение мужского Сретенского монастыря, хора им. С.В. Рахманинова под руководством заслуженного деятеля искусств России В.В. Козлякова, вновь продемонстрировавшего свое благозвучие, также и другие коллективы из Воронежа, Курска, Белгорода. Яркие краски добавили выступления народной артистки России Екатерины Шавриной, нашего несравненного ансамбля «Ивушка», солиста тамбовской филармонии Вячеслава Голощапова, солиста Московского военного оркестра Андрея Воробьёва, самого юного тамбовского певца Антона Одинцова.

Кульминацией песенного марафона стало выступление дорогого гостя из Москвы – уроженца Козлова-Мичуринска Владимира Михайловича Зельдина. Многотысячный зал взревел от восхищения, когда увидел мэтра.

Артист обратился к неисчислимо заполнившим склоны Набережной зрителям и слушателям со словами сердечного приветствия, и спел «Песню о Москве», которая уже на протяжении 70 лет является песней-хитом, ту песню, которую его персонаж пастух Мусаиб пел дорогой его сердцу свинарке Глаше:

*И в какой стороне я не буду,
По какой не пройду я траве,
Друга я никогда не забуду,
Если с ним подружился в Москве.*

А в заключение Владимир Зельдин, все хоры и оркестры, участники марафона, спели «Песню о Родине», и так же, как и «Песню о Москве», вместе с артистами и музыкантами её пел весь огромный, разместившийся под ясным ночным тамбовским небом необычный концертный зал.

А через день уже в родном городе, где 98 лет назад, еще при царе Николае II, родился великий артист, в зале Мичуринского драматического театра состоялся его творческий вечер. Для участия в вечере своего партнёра по сцене из Москвы приехала народная артистка России Ольга Богданова.

Почти двадцать лет назад, во время нашей первой встречи за кулисами Театра Российской Армии, в февральский день, когда отмечался 80-летний юбилей мастера, Владимир Михайлович в ответ на поздравления земляка воскликнул: «Помню, люблю! Непременно приеду в Мичуринск с творческим отчетом!».

Выполнение обещания растянулось на годы. Всему виной плотный творческий график артиста. В октябре 2008 г. Владимир Михайлович впервые после 88 лет отсутствия побывал в родном городе, прошёлся по улицам, в том числе по улице детства Лебедянской (Герасимова), молился в Боголюбском соборе, куда в детстве ходил с мамой, посетил музей

народного художника СССР А.М. Герасимова, которого хорошо помнил, выступил перед труппой театра и общественностью города.

В феврале 2005 г., феврале 2010 г. на сцене Театра Армии В.М. Зельдину вручались поздравительные адреса от города и театра, и я рад, что в этих церемониях мне, моей дочери Вале, вице-мэру Т.А. Киреевой выпало счастье участвовать. И Владимир Михайлович неизменно напоминал о своём обещании – выступить перед земляками с творческим отчётом.

В июле 2011 г. Мичуринский горсовет присвоил Владимиру Михайловичу звание Почётного гражданина. И в связи с этим в марте 2012 г. великий артист провёл в Тамбове творческий вечер, а в Мичуринске участвовал в церемонии вручения ему документов Почётного гражданина. Несмотря на то, что это был не творческий вечер, а по сути официальная церемония, Владимир Михайлович исполнил «Песню о Москве», прочитал несколько монологов и любимые стихотворения.

И вот – новая встреча. Артист исполнил давнее обещание, и все, кто хотел, мог попасть на творческий вечер народного артиста СССР в зале Мичуринского театра. В этот раз в Мичуринск он приехал с женой Иветтой Евгеньевной Каптраловой, со своими друзьями Сергеем и Светланой Шебеко, а зале находилась пом. режиссёра Театра Армии Лия Ашкерматова, которая много лет помогает Владимиру Михайловичу во время спектаклей и концертов. При входе в театр под руку с Ольгой Богдановой великий артист в который раз не смог скрыть своего восхищения прекрасным театральным зданием, построенным 100 лет назад. А партнёрша Зельдина, увидевшая наш театр впервые, воскликнула: «Хочу поработать в этом театре!» Зельдин ответил: «Я и так в двух театрах работаю, я не железный!»

Иветта Евгеньевна умело управляла процессом подготовки творческого вечера, отлаживая взаимодействие сцены со звуком и светом, а мэтр в течение часа репетировал ключевые моменты вечера на незнакомой для него сцене.

Несмотря на пору отпусков, дачный сезон, мичуринский зритель воспринял приезд

мэтра как Божий подарок. И когда говорят, что в зале курочке негде было клюнуть, это как раз о зрителях, заполнивших два яруса Мичуринского театра. Даже из Тамбова приехали «газели» и легковушки с поклонниками артиста.

Почётный гражданин Мичуринска-наукограда народный артист СССР Владимир Зельдин в этот вечер был ярок, трогателен, искрометен, сердечен, искренен. Уже первые слова мэтра были посвящены роли культуры в жизни человека. Мы знаем, что на встречах с руководством страны В.М. Зельдин без стеснения говорит начистоту о положении дел в культуре и искусстве. И на вечере в Мичуринске мы увидели, что перед нами не только великий артист, но и гражданин России, когда он заявил, что только культура спасёт Россию от коррупции.

Композиция вечера была выстроена как путешествие по творческой биографии Мастера, начиная от фильма «Свинарка и пастух», «Сказание о земле сибирской» и «Учитель танцев» до фильмов «Дядя Ваня» и «Классик». Мэтр вспоминал своё святое поко-

ление фронтовиков, мастеров сцены и экрана, которых знал лично, с кем дружил, своё участие во фронтовых бригадах, в интересных театральных спектаклях.

ПОЧЁТНЫЙ ГРАЖДАНИН МИЧУРИНСКА-НАУКОГРАДА НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР ВЛАДИМИР ЗЕЛЬДИН В ЭТОТ ВЕЧЕР БЫЛ ЯРОК, ТРОГАТЕЛЕН, ИСКРОМЕТЕН, СЕРДЕЧЕН, ИСКРЕНЕН. <...> МЫ УВИДЕЛИ, ЧТО ПЕРЕД НАМИ НЕ ТОЛЬКО ВЕЛИКИЙ АРТИСТ, НО И ГРАЖДАНИН РОССИИ, КОГДА ОН ЗАЯВИЛ, ЧТО ТОЛЬКО КУЛЬТУРА СПАСЁТ РОССИЮ ОТ КОРРУПЦИИ.

Народная артистка России Ольга Богданова весело рассказывала о том, что жизнь Театра Армии проходит от одного юбилея Зельдина до другого: от 80-летия к 85-летию, далее к 90-летию и 95-летию. И каждый раз

его юбилей обозначен новой яркой ролью, новым спектаклем, на который валом валит зритель. Так было в 2000 г. с «Ханумой», так было в 2005 г. с «Человеком из Ламанчи», так стало в 2010 г. со спектаклем «Танцы с учителем» – спектаклем, отразившим разные моменты из творческой жизни великого артиста, созданным в театре режиссёром Ю. Гусманом и великим артистом балета В. Васильевым. В бурной сцене выяснения отношений из этого спектакля В.М. Зельдин играл почти самого себя – старого артиста Владимира Михайловича Неделина, а его жену Ивушку – народная артистка Ольга Богданова.

Владимир Зельдин вспоминал многих, с кем работал: режиссёра Ивана Пырьева, актрису Марину Ладынину, драматурга Григория Горина, написавшего для него пьесу о Мюнхаузене, актрису Марию Миронову. Ольга Богданова читала эпиграммы Валентины Гафта, посвященные Артисту.

*Был пройден путь большой и яркий,
«Учитель танца» что? Бог с ним.
Он так любил свою «Свинарку»,
Как дай ей Бог любимой быть другим.*

Или другую, написанную к 80-летию Артиста.

*Рождаться каждый день умеет он на свет,
То шут, то ангел на волшебной тризне.
В нём всё есть, только возраста в нём нет,
Как не бывает возраста у жизни.*

В справедливости слов В. Гафта убедились все, кто был на вечере. Возраст актёра не ощущался зрителями. Да и сам он подчёркивал, что возраст – понятие относительное. Хотя близкие к актёру люди в этот вечер слышали его слова о недомогании. Но на сцене Владимир Зельдин преображался, пел, танцевал. Прозвучали монологи, «Песня о Москве», «Песня строго клоуна» из фильма «Карнавальная ночь-2», «Песня о старости».

Вечер состоял из двух отделений с маленьким антрактом. Продолжался он два с половиной часа. Мэтр отработал их с полной отдачей, честно, доставив своим землякам нескрываемое удовольствие. А городское руководство вручило Владимиру Михайловичу медаль «75 лет Тамбовской области», подарки и цветы.

По завершении вечера к Артисту устремились поклонники с букетами цветов, подарками. Среди них – профессор Мичуринского госагроуниверситета А.Н. Квочкин, председатель районного Совета ветеранов Г.М. Куденко, художник-мозаичист Л.И. Гурджиев, поэт Н.В. Тюрин, многие другие наши горожане. Поклонники из Тамбова сумели подписать у мэтра его книгу «Профессия – Дон Кихот» для Тамбовской областной библиотеки им. А.С. Пушкина.

Несколько лет назад я также написал посвящение нашему земляку:

*Да где ж художника найти ещё такого?
Сверкает дар, как музыка Россини.
Дитя провинциального Козлова,
Вы гордость и величие России.*

Расставаясь с мичуринским зрителем, великий артист выразил своё желание ещё приехать в родной город. До новых встреч, дорогой Владимир Михайлович! **А**

Владимир Андреев

г. Козловъ. Троицкiй мужской монастырь близъ Козлова.

КОЗЛОВСКИЙ ТРОИЦКИЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

Одним из важнейших направлений государственной политики Московского княжества было расширение его границ. Роль опорных пунктов мирной православной колонизации – миссионерских культурно-просветительных центров выполняли монастыри. Колонизация верховьев рек Дона и Хопра началась при князе Димитрии Донском, которому крещеный мордовский князь Александр Укович передал свои владения. При великом князе Василии I эти территории по ханскому ярлыку перешли к Москве под названием Рязанской Украины. Царь Иоанн Грозный ввел здесь управление через своих князей-наместников и мордовских приказчиков. На месте мордовских и татарских селищ и городищ строились русские села и города, в конце XVI века русское население стало преобладать над местным. К концу XVII века в Тамбовском крае существовало уже более 220 монастырей.

В 1627 году на высоком берегу реки Лесной Воронеж по именному указанию царя Михаила Феодоровича Романова старцем Иосифом был основан мужской Троицкий монастырь¹. Обитель старца находилась посреди дубовой рощи на берегу реки, ее противоположный берег называли «ногайской стороной». Сподвижниками старца Иосифа были старцы Пафнутий, Агафоник и Нифонт. Монастырю были отведены лесные и сенные угодья, в 1635 году ему принадлежало семь крестьянских дворов². В 1636 году монахи получили благословение архиепископа Антония Рязанского на сооружение храма во имя Святой Троицы с приделом во имя Успения Пресвятой Богородицы. Первая церковь была деревянной и небольшой. 5 сентября того же года царь и великий князь всея Руси Михаил Феодорович повелел своим ясельничим и воеводам Ивану Биркину и Михайлу Спешневу ехать в Дикое поле и строить новый город Коз-

лов как одно из звеньев в цепи городов Белгородской засечной черты. Тульская засечная черта уже не сдерживала натиска крымских и ногайских татар. «Ведомо нам учинилось, что степью меж Воронежских и Ценских верхов, мимо Урлапова городища³, приходят в Русь войною крымские и ногайские люди... и православных крестьян побивают и в полон емлют...»⁴.

Эхом Смутного времени появлялись здесь и отряды поляков, литовцев, «черкас» (жителей Малороссии), которые ставили здесь свои слободы и остроги, присваивали местные села и деревни, «избивали всяких людей»⁵. В местных вековых лесах находили себе убежище беглые верхнедонские казаки, калмыки, «воровские люди», «утеклецы», «атаманы».

Царь Михаил Феодорович наказал устроить в новом городе «зелейную казну, погреб дубовый и колодец, и тайники, и храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы с приделом», для чего направил туда воевод, а с ними 50 пищалей, 400 рублей «да запасу всякого на шесть недель». Город строили 1200 человек из окрестных городов – Рязани, Лебедяни, Ельца, Воронежа. «И были на той работе всякие люди: и боярские, и жилецкие, и патриаршие, и монастырские»⁶.

Под личной опекой царя находилась

обитель в 1641 году. По грамоте Михаила Феодоровича монастырь получил «рыбные ловли и бобровые гоны» на Лесном Воронеже и место для постройки мельницы, позже – участок земли вдоль берега для просушивания неводов и для причала.

К середине XVII века Белгородская засечная черта была построена. Монастырь, расположенный с южной стороны Козлова, был вынужден принимать на себя тяжесть татарских и калмыцких набегов. В 1643 году козловский воевода князь Иван Ростовский сообщал царю Михаилу Феодоровичу: «Приходили татарове и полковые казаки на городскую сторону татар не перепустили... и в другие и в третьи приходили к нам татарове, в августе и в ноябре и был бой». За героическую оборону города царь повелел всем защитникам дать по золотому и «на дворовую селитьбу, да на заводь по шти (шести) рублей»⁷. На постоянное поселение сюда вызвали донских и яицких казаков, со всей России приходили «копейщики, драгуны, солдаты, вожи, воротники, жильцы»⁸. Всю весну и лето 1644 года 30 татарских мурз осаждали город. В грамоте хану Мехмет Гирею, отправленной со стольником Приклонским в Крым, Михаил Феодорович подчеркивал: «В лето сие мало не весь Крым, переменяючись, перебыл в наших местах». Через Козлов пролежала большая Посольская дорога из Москвы в Бахчисарай, тем же путем возвращали многочисленных пленных, для освобождения которых был введен особый налог – «полоняничные деньги»⁹.

В первые годы своего существования, до прихода в монастырь игумена Кирилла, обитель не была общежительной. «Братии было немного число, и кормился всяк собою», – сообщал позже в Пушкарский приказ в своей челобитной архимандрит Дорофей. С 1660 года игумен Кирилл «учинил общую трапезу», при нем же началось и большое каменное строительство. «Своею работою и добрым подвигом, – по словам архимандрита Дорофея, – построил Кирилл в монастыре каменного строения церковь Успения Пресвятой Богородицы, а под нею – другую церковь же великих чудотворцев Зосимы и Савватия Соловецких, и поварни и кельи, и около монастыря ограду каменную».

Игумен Кирилл начал и строительство соборной церкви Живоначальной Троицы «на погребях и сделал до прагов», то есть заложил фундамент. «Всех чинов люди» города Козлова, видя «большую добродетель и радения» игумена Кирилла, принимали участие в строительстве монастыря, многие – для того, чтобы им в старости «в этом монастыре постригаться»¹⁰. В середине XVII века там было двадцать монахов, вокруг монастыря селились монастырские служители, которые работали на пашне, сенокосах, в лесу и на мельнице, принадлежавших монастырю.

В 1658 году по просьбе игумена Дионисия монастырь получил право ловли рыбы в реках Иловой, Лесной и Польный Воронеж, а при игумене Кирилле – на Кривецком плесе. В 1662 году монастырю было отведено подворье в Козлове. Переписная книга Троицкого монастыря содержит сведения о наличии во второй половине XVII века у него бобровых гонов (уручищ в реках, где водились бобры и производилась их ловля). Они были обычным явлением в центральной, западной и южной полосе России, доходы от этого промысла облагались оброком в пользу казны¹¹. В Писцовой книге Разрядного приказа Белгородского стола записано, что в середине века монастырь владел землями на «ногайской стороне» реки, «около ржавца» (болота)¹².

В 1667 году царь Алексей Михайлович прислал в монастырь святыни – принесенный ему из Афона «перст от Гроба Господня», частицы мощей Апостолов Андрея, Тита, архидиакона Стефана, великомученика Феодора Тирона, великомученика и Победоносца Георгия, великомученика и целителя Пантелеимона, мучеников Иакова Персианина, Киприана, Меркурия, Акепсима, великомученика Феодора Стратилата, мученика Лукиана, равноапостольного царя Константина, преподобного Онуфрия Великого, патриарха Иоанна Милостивого, преподобного Михаила Малеина, святителей Феодора Сикеота, Иоанна Новгородского, преподобного Александра Свирского, мучениц Варвары и Феодосии¹³.

В 1672 году было закончено строительство двухэтажной каменной церкви в честь Успения Пресвятой Богородицы. По мнению краеведа В.А. Кученковой, Успенская церковь

является одной из первых каменных церквей в Тамбовской епархии¹⁴. В ее архитектурном стиле прослеживаются традиции монастырского строительства русского Севера, прежде всего – Соловецкого монастыря. На первом этаже располагалась церковь во имя основателей Соловецкого монастыря преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, покровителей моряков и рыбаков.

В 1670 году царь Алексей Михайлович подарил для монастырской библиотеки богослужебные книги, среди них на престольное Евангелие, Псалтирь, Шестоднев, Апостол, Толковое Евангелие. До наших дней сохранились некоторые из книги монастырской библиотеки: монастырский Устав, отпечатанный в 1633 году, Служебник (1668 года), Житие святого Ефрема Сирина, Трефолий (1638 года), Триодион, переданный, как свидетельствует надпись на книге, «по указу великого государя», Патерик, Осьмогласие (1633 года), Ирмологий (1673 года).

В 1682 году повелением царя Феодора Алексеевича была открыта Тамбовская епархия, а настоятели монастыря возведены в сан архимандрита. На следующий год в Троицком монастыре скончался игумен Кирилл, и архиепископ Тамбовский Леонтий поставил на его место игумена Дорофея. Тридцать человек братии было в тот год в монастыре: «...многие люди старые, и на ваших, Государи, – обращался архимандрит Дорофей к царям Иоанну и Петру Алексеевичам в челобитной, – службах раненные». В этой челобитной в Пушкинский приказ архимандрит «с братиею» просил выделить монастырю железо, «пудов с четьреста», на завершение строительства соборной церкви, для чего «сарай и всякие заводы кирпичные готовы близко монастыря»¹⁵. Государи пожаловали монастырю железо: 50 пудов «железа тянутого, саженого»¹⁶ – было отмечено в приходно-расходной книге Троицкого монастыря, обнаруженной нами в Отделе рукописей РГБ, который приобрел ее у коллекционера в 1951 году в составе списка рукописей, принадлежавших генерал-поручику, действительному камергеру и кавалеру Р.Л. Воронцову. Это редкий вид источника по истории монастырей, так, приходно-расходных книг Соловецкого монастыря сохрани-

лось всего 10%.

Ежедневная регистрация доходов и поступлений и расходов монастыря за период с 1682 по 1685 год дает возможность восстановить многие стороны его жизни. Записи были сделаны «старцем Гаврилой и черным дьяконом Павлом». Преподобные Зосима и Савватий не оставляли Козловский монастырь без своего покровительства – наибольший доход монастырю приносили «речные деньги» – оброчные платежи за рыбную ловлю в монастырских «ухожах» на реках. Жители всех окрестных сел (Тарбеево, Стаево, Вешнеево, Изосимово, Никольское, Лежа, Ратчино, Каликино, Путятино, Доброе городище, Глазок), боярские дети и посадские люди Козлова и Воронежа обеспечили в 1684–1685 годах монастырю доход только с Бетецких и Серецких «ухожей» в 258 рублей 26 алтын (более 50% от общей суммы дохода обители за год). Осенью и зимой монастырь продавал по несколько возов рыбы собственного улова. А к праздникам монахи позволяли себе белужину и севрюжину, осетрину, стерлядь, икру. 6 января 1683 года «на Воронеже» кроме белуги за 40 алтын было куплено икры 2 пуда с четвертью, в следующем году на Рождество в Тамбове было приобретено 5 белуг, черная икра, «за рубль сто стерлядей».

С 1684 года монастырь стал выплачивать в государеву казну «откупные деньги» за пользование рыбными «ухожами». 31 августа 1685 года, накануне нового года, в казну было уплачено 104 рубля 4 алтына, «да подьячему было дано за работу» в приказной избе города Козлова. Откупной платеж составил чуть более 21 % общего дохода монастыря за тот год.

«Что у пчел в соту, то Зосима и Савватий дали», – известна была поговорка на Руси. Для козловских монахов монастырский «пчельник» (пасека) был второй статьей регулярного дохода. Пасекой заведовал старец Илия, она постоянно расширялась за счет дарений жителей и постригавшихся в монахи. Немаловажной статьей дохода была и плата окрестных жителей за пользование монастырской мельницей, где работали специально нанятые работники. На скотном дворе монастыря были лошади, коровы, куры.

Существенный процент дохода монастыря составляли пожертвования богомольцев и жителей Козлова и окрестных сел, среди них были козловский воевода Окиндий Иванович Данилов, козловский купец Семен Григорьев, сыны боярские и посадские люди Козлова. В июне 1684 года Иван Енков из села Изосимово сделал вклад – 22 копны ржи, 24 «четвертки» проса, «два круга конопей», 300 «четверток пшеницы», «кобылу саврасу» и «шерсти 21 гривенку». В июле того же года Архип Овлов из Хмелевой слободы в придачу к «мерину серому, светлая грива направо с пометой», подарил 10 копен ржи, двух коров, 4 улья и «круг конопей». Лошадей монахи продавали, за одного «буланого коня» было выручено 15 рублей.

При пострижении в монахи делались вклады в монастырское хозяйство. Так, старец Александр сделал вклад в 13 алтын и 12 копен ржи, а старец Конон – 12 ульев. На монастырской земле выращивали рожь и горох, а пшеницу покупали. В монастырском саду и на огороде росли лук и чеснок, капуста и репа. Урожаи были невелики, кое-что приходилось подкупать: «севошные семена», капусту, репу, чеснок. Покупали хмель, ягоды черемухи и «перепечу» (мяту) – в монастыре варили квас и пиво. Все сельскохозяйственные работы выполняли наемные работники: пахали, сеяли, жали, косили и убирали сено.

На строительстве каменной церкви Живоначальной Троицы, а также «избы на коровьем дворе» были заняты плотники, кровельщики, «что башни покрывали», рабочие «по каменному делу», которым платили «за кирпичное и каменное ломание». Шесть рублей задатку получил «гулящий человек» Козьма Еремеев, сын Скрылев, подрядившийся «на кирпичное дело». Согласно расходным записям в 1684–1685 годах монастырь покупал «тянутое железо», сосновый лес, бревна и доски, дубовый пол, железные двери, печные изразцы, ворота, немецкие замки, гвозди, железную пилу и клещи. В 1682 году монастырь приобрел тридцать пищалей и «три рога пороха», спустя год – еще «полтора рога», а в 1685 году – еще две пищали (одну – «завесную»), порох и медвежью рогатину. За три года обширное хозяйство монастыря пополнилось

телегами и санями, конной упряжью, бочками, сетями и бреднями, ситами, рукомойниками, тарелками и ложками, сковородами, ножами. Были приобретены также пивной корец, половник, овчина, пух, нитки, свечи, бумага, церковное вино, холст, «толстый и тонкий», шелковое немецкое сукно, «крашенина», кожа на сапоги, лапти, башмаки, камилавки, «порты», куницы у охотников села Хмелевого и прочее.

Монастырь был и культурным центром, покупал и продавал книги. В феврале 1682 года он приобрел книгу святителя Григория Назианзина, христианского писателя IV века, борца против арианской ереси, за два с лишним рубля (средняя цена лошади). За три года в монастыре были проданы Требник, Служебник, Минея общая, Шестоднев «старья печати», Часослов.

Расходно-приходная книга дает представление и о церковных связях монастыря в тот период, о событиях, происшедших в Тамбовской епархии. Монахи часто ездили в Москву, преимущественно осенью и зимой. А в апреле–мае 1684 года в Козловском монастыре пребывал архимандрит Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Феодосий, ко-

торый «служил всенощную о своем брате». В том же контексте упомянуты суздальские и московские подьячие. Из истории известно, что в Спасо-Евфимиев монастырь был сослан в том же году «за раскольнические мнения» первый Тамбовский и Козловский епископ Леонтий. На его место 1 сентября 1684 года Патриарх Иоаким рукоположил в Успенском соборе Московского Кремля бывшего архимандрита Вяземского Иоанно-Предтеченского монастыря Питирима.

По существовавшим обычаям новопоставленные архиереи задерживались в Москве, помогая Патриарху в делах церковного управления, участвуя в богослужениях¹⁷. В феврале 1685 года монахи отправили в столицу «подводу с лебедями», а в марте прибыли в Москву, где «в почести» епископу Питириму купили подарков на 5 рублей 28 алтын и Октоих за 3 рубля 20 алтын¹⁸. Ровно через год епископ Питирим прибыл в Козлов и несколько дней пребывал в Козловском монастыре. 3 апреля 1686 года он благословил строившуюся церковь, в 1692 году пожертвовал ей образ Святой Троицы в окладе с «венцами и гривнами». В течение всего своего служения в Тамбовской епархии епископ Питирим оказывал

посильную помощь Козловскому монастырю.

Епископ Питирим оставил по себе глубокую память размахом церковного строительства и религиозно-нравственным просвещением паствы. В марте 1913 года святитель Питирим Тамбовский был прославлен в лике святых*.

В последней четверти XVII века Козловский монастырь стал крупным хозяйственным центром: по государеву указу пахотные и сенокосные земельные владения увеличились вдвое, архимандрит Дорофей добился освобождения от оброка доходов с пчельников и кривополянской мельницы, в 1687 году было приобретено подворье в Тамбове, монастырская пасека насчитывала 200 ульев.

Император Петр I коренным образом изменил жизнь Церкви. В 1700 году было упразднено патриаршество. Через год был

образован Монастырский приказ, отстранивший черное духовенство от управления монастырями и пользования их доходами. Льготы на владение землей были упразднены, каменное строительство на период возведения Санкт-Петербурга запрещено. Старые монастыри стали сводить вместе, монахам назначили жалование, годных к военной службе призывали. В 1707 году была конфискована вся серебряная утварь, в 1723 году запрещено пострижение в монахи и переход из одного монастыря в другой. В 1721 году Монастырский приказ был переведен в ведение Святейшего Синода.

Тамбовский край перестал быть окраиной России, окраинные льготы были отменены. На реках Тамбовского, Добренского и Козловского уездов после Азовских походов 1695–1696 годов родился российский флот. Немецкие землевладельцы, присланные сюда Петром I, принялись обучать местных крестьян прогрессивным методам хозяйствования. Петр завершил обращение в Православие местного татарского дворянства: в указе 1714 года было предписано «басурманам крестьянами православной веры не владеть. Владеющие же должны креститься конечно в полгода»¹⁹.

При набожной императрице Елизавете Петровне религиозная жизнь России стала возрождаться. Это отразилось и в жизни обители. В 1733 года в Троицкой соборной церкви Козловского монастыря был устроен новый иконостас, в 1750 году вокруг монастыря была возведена монастырская стена с бойницами, крытыми переходами и террасами. Тогда же было обращено в христианство местное мордовское население.

Молодая императрица Екатерина II в феврале 1764 года распорядилась упорядочить монастырские дела: были изданы «Духовные штаты», согласно которым российские монастыри делились на три класса. Троице-Сергиева и Киево-Печерская Лавры, а также шесть крупных монастырей были выделены в особую группу. За монастырями были закреплены по 30 десятин пахотной земли, подворья, загородные дома, леса, луга, сады и рыбные ловли. В результате количество монастырей в России сократилось в 2,5 раза.

Козловский Троицкий монастырь был определен третьеклассным. В 1764 году в нем было 20 монахов, монастырю принадлежали 42 крестьянские души. В 1790 году при межевании земель монастырю прирезали дополнительное количество земли, пополам с Нижне-Ломовским монастырем было приобретено в Тамбове подворье за тысячу рублей. Возле монашеских келлий была построена монастырская трапезная, позже она стала Трапезной церковью. Оборонительную стену укрепили мощными угловыми башнями. В 1792 году приступили к перестройке монастырских церквей. В Успенской церкви, в нижнем храме, разобрали алтарь, а церковь заново освятили во имя Всех святых, с приделом во имя Иоанна Предтечи. В верхнем храме устроили придел во имя преподобного Варлаама Хутынского: действовавший в тот период епископ Тамбовский и Шацкий Феофил прежде был архимандритом Варлаамо-Хутынского монастыря в Новгороде. В 1793 году отреставрировали крышу и главу церкви.

В Троицком храме крышу также покрыли железом, вызолотили главу и крест. В 1794–1796 годах стены в алтаре и храме расписали, вызолотили иконостас, отреставрировали иконы. Храмовую икону Пресвятой Троицы одели в серебряную ризу весом в 26 фунтов, местночтимую икону Божией Матери «Тихвинская» – в серебряную ризу «чеканной работы с разными камнями», весом в 21 фунт²⁰. Каменную ограду монастыря перестроили, ее длина составила 292 сажени, высота – от 5,5 до 7 саженей. У главных святых ворот с северной стороны построили деревянную гостиницу для богомольцев.

Императоры Павел I и Александр I приняли ряд мер, позволивших укрепить положение монастырей: городское имущество освободили от платежей и повинностей, прочее недвижимое имущество – от уплаты оброчных денег в казну; предоставили право приобретать землю, монахов освободили от телесных наказаний. В начале XIX века Троицкий монастырь процветал как крупный хозяйственный и религиозный центр Тамбовского наместничества. В 1801 году был построен двухэтажный настоятельский кор-

пус, сохранившийся до сих пор, через 15 лет построили каменные одноэтажные келлии и ряд хозяйственных построек. В 1822 году завершили строительство каменной четырехъярусной колокольни с часами-курантами, бой которых был слышен по всей округе. Старожилы свидетельствуют, что часы находились в рабочем состоянии вплоть до разрушения верхних ярусов колокольни в 1926 году. В звоннице было одиннадцать колоколов, подаренных прихожанами, самый большой весил 442 пуда 20 фунтов²¹.

Тамбовское наместничество стало краем крупных помещичьих вотчин – тамбовским черноземом щедро одаривали своих приближенных и родственников и Петр I, и Елизавета Петровна, и Павел I, и Екатерина II. Во времена правления Николая I центрально-черноземные губернии стали одним из важнейших регионов производства товарного хлеба. Козлов стал богатым купеческим городом с лучшими предместьями во всем наместничестве. Богатые горожане не оставляли Козловский монастырь без поддержки. Среди частных благотворителей были князья Кугушевы, Хрущевы, Детковы, Каюковы, купцы Гладышевы, Каширские, Придорогины, Бельские, почетные граждане Козлова Кожевниковы. Купеческая жена Анна Михайловна Силантьева пожертвовала в Троицкий собор люстры стоимостью 7 тысяч рублей, на строительство колокольни – 4 тысячи рублей ассигнациями, а также крест, потир и Евангелие. Святой митрополит Иона положил на вечное поминовение своих родственников 2 тысячи рублей.

В 1844 году Успенская церковь была расширена, каменный купол на крыше заменили небольшим железным. В «Полном собрании исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях» (1852 год) упомянут Троицкий монастырь «близ уездного города Козлова», который находится «под управлением архимандрита, который есть и ректор Тамбовской семинарии... При сей обители бывают ежегодные ярмарки: в день Пятидесятницы (Святой Троицы) и Успения Пресвятой Богородицы»²².

В 1868 году в Тамбовской епархии была учреждена кафедра викарного епископа, в

управление которому вверялся Козловский монастырь. Викарию было предписано «именоваться епископом Козловским и местопребывание иметь в городе Козлове в подворьях и зданиях, принадлежащих монастырю Козловскому Троицкому и Саратовской пустыни». Викарий пользовался от этого монастыря «настоятельным жалованием и частью братских доходов, а также прислугою и экипажем»²³.

На следующий год усилиями и на средства горожан над святым колодцем была возведена каменная часовня с иконостасом – в память об избавлении от опасности во время покушения Д. Каракозова на жизнь императора Александра II 4 апреля 1866 года. До настоящего времени святой источник на берегу Лесного Воронежа пользуется большой популярностью у местных жителей.

С историей Козлова и Троицкого монастыря связано имя российского новомученика святого Владимира, митрополита Киевского и Галицкого, принявшего мученическую кончину от рук большевиков у стен Киевской лавры 7 февраля 1918 года. Митрополит Владимир занимал крупнейшие российские кафедры: Тифлисскую, Московскую, Санкт-Петербургскую, Киевскую, поэтому получил именование «всероссийского митрополита». Крестный путь Василия Богоявленского (так звали митрополита в миру) начался в Козловском Троицком монастыре, куда Святейший Синод назначил его настоятелем 10 января 1866 года. Через месяц священник Василий Богоявленский с именем Владимир был пострижен в монашество и возведен в сан архимандрита. Семь месяцев он управлял Козловским Троицким монастырем, после чего был перемещен в Новгородский Антониев монастырь²⁴.

В конце XIX – начале XX века, в период экономического расцвета Российской Империи, Троицкому монастырю принадлежало 77,5 десятин земли, Хоботецкий хутор в 20 верстах от крепостной стены, соседний лес в 152 десятины, участки пахотной и сенокосной земли (64 десятины) у села Дубровника и в местности Криуша. В Лебедянском уезде с незапамятных времен монастырю принадлежали два озера. В прилегающей к стенам монастыря дубровой роще было построено 8 дач, которые сдавали в аренду на лето. В

1911 году сумма дохода монастыря только по арендным платежам составила 4804 рубля 50 копеек. Свободный капитал монастырь вкладывал в процентные бумаги, на 1 января 1911 года он составил 72 тысячи рублей. Ремонт Успенской церкви в тот год был произведен на средства, вырученные от продажи части процентных бумаг. В 1910 году в монастыре было 28 человек братии.

Сразу после октябрьского переворота началось разграбление храмов и монастырей. 19 января 1918 года Святейший Патриарх Тихон отразил эти факты в своем Послании, одобренном Поместным Собором²⁵. А на следующий день советская власть приняла Декрет об отделении школы от Церкви и Церкви от государства. 2 февраля того же года был издан Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах. Не избежал общей печальной участи и Козловский монастырь: имущество его было реквизировано, ценные бумаги, деньги и ценности подлежали сдаче в казначейство. Монашествующие до 55-летнего возраста были выселены как тунеядцы, а старики и больные переданы в ведение отдела социального обеспечения.

В письме XI съезду ВКПБ В. Ленин требовал провести секретное решение о том, что изъятие ценностей, в особенности у самых богатых лавр, монастырей и церквей, нужно провести с «беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок». «Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь, – подчеркивал глава советского государства, – проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать»²⁶.

Несмотря на то, что в 1921 года заповедная дубовая роща была переведена в разряд памятников природы, а монастырь в 1924 году введен в списки памятников церковной старины, что должно было бы обеспечить ему охрану со стороны государства, в 1926 году вся территория монастыря была передана в распоряжение питомника плодовых сортов И.В. Мичурина. В 1928 году монастырский некрополь был разрушен, Капитонова часовня над источником

и два яруса колокольни с часами и звонницей, значительная часть монастырской стены были разобраны на кирпич. По воспоминаниям местных жителей, мало кто из участников этого варварства умер своей смертью.

В 1952 году областное руководство приняло решение разобрать остатки колокольни, а в 1953 году Тамбовский областной совет сделал вывод, что Троицкая церковь «не является памятником архитектуры». На основании акта осмотра церкви за подписью «уполномоченного Пузанкова» Мичуринский исполком, закрыв глаза на наличие мемориальной доски с характеристикой церковного здания, 31 июля 1957 года вынес решение: «Означенное здание никакой архитектурной, исторической или художественной ценности не имеет». Церковное здание разобрали, кирпич, изготовленный при Феодоре, Иоанне и Петре Алексеевичах и Екатерине II, направили на жилищное строительство.

Успенская церковь избежала такой участи, поскольку в ее здании был размещен музей Центральной генетической лаборатории имени Мичурина, в 1960-е годы в верхнем этаже (в церкви Успения Пресвятой Богородицы с приделом во имя преподобного Варлаама Хутынского) разместился местный клуб, где проходили собрания, «огоньки», смотры художественной самодеятельности и прочее.

С начала 1999 года в храме возобновилась богослужебная жизнь – настоятелем был назначен протоиерей Георгий Политаев.

5 апреля 1999 года Российская сельхозакадемия наук дала согласие на передачу здания церкви со своего баланса на баланс Тамбовского Епархиального управления. От писанной на древней доске Казанской иконы Божией Матери в уже действующей приходской Успенской церкви накануне праздника Святой Троицы стало исходить благоухание. После того как была смыта побелка со сводов, перед прихожанами предстали лики святых. По правой стороне – святого Тихона Задонского, святителя Митрофана Воронежского, святого праотца Иакова, пророков Иеремии, Даниила, Соломона. По левой – святых пророков Давида, Моисея, Гедеона, и, предположительно, Исаии, святого праведного Иосифа Обручника, святого мученика Феодора Черниговского, святителя Иоасафа Белгородского. Над левым клиросом изображены преподобные Сергей и Герман Валаамские, над правым – преподобные Зосима и Савватий Соловецкие. Перед алтарем – большая икона Божией Матери «Киево-Печерская» с предстоящими преподобными Антонием и Феодосием Печерскими, основателями русского монашества. Роспись стен церкви утрачена навсегда под несколькими слоями масляной краски.

Из построек монастыря сохранились угловая башня с прилегающими фрагментами монастырской стены, корпус настоятеля, трапезная, гостиница. Монастырский некрополь частично находится под асфальтом.

Летом 2001 года дары прихожан Казанской иконе Божией Матери были украдены одним из местных наркоторговцев.

Однако Успенская церковь усилиями настоятеля протоиерея Георгия Политаева и прихожан, при активном содействии местной администрации восстанавливается и сегодня является одной из самых посещаемых городских приходских церквей. **А**

Татьяна СИМОНОВА,
ведущий научный сотрудник Института
военной истории Министерства обороны
РФ, доцент

**Расчетный счет
прихода Успенской церкви:**

АК СБ РФ /ОАО/ ОСБ 141
г. Мичуринска,
ул. Украинская, д.56-а.
Р/с 40703810761260000248
ИНН 6827011419 / 682701001

ПРИМЕЧАНИЯ

- * С 1955 года по благословению архиепископа Тамбовского и Мичуринского Евгения в Мичуринске (Козлове) проходят Питиримовские чтения и конференции.
- 1 Русские монастыри. М., 1995. С. 390.
 - 2 Митрополит Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. М., 1996. Т. 6. С. 381.
 - 3 Место стоянки татарского хана Урлапа, вокруг которого были разбросаны татарские юрты. На местах Урлаповых городищ построены Тамбов и Козлов.
 - 4 Дубасов И. И. Очерки по истории Тамбовского края. Тамбов, 1897. Вып. 6. С. 57.
 - 5 Баглай Д. И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887. С. 251.
 - 6 Дубасов И. И. Указ. соч. Вып. 6. С. 61–62.
 - 7 Там же. С. 62.
 - 8 Там же. Вып. 5. Тамбов, 1889. С. 161.
 - 9 Ключевский В. О. Исторические портреты. М., 1992. С. 90.
 - 10 РГБ. ОР. Ф. 256. 102. Л. 50.
 - 11 Там же. С. 223.
 - 12 Оглоблин Н. Н. Обзорение историко-географических материалов XVII и начала XVIII веков, заключающихся в книгах Разрядного приказа. М., 1884. С. 98.
 - 13 Казанский П. С. Историческое описание Троицкого Козловского мужского монастыря. М., 1849. С. 9.
 - 14 Кученкова В. А. Святыни Тамбовской епархии. М., 1993. С. 76.
 - 15 РГБ. ОР. Ф. 256. 102. Л. 51.
 - 16 РГБ. ОР. Ф. 225. Л. 32 об.
 - 17 Питиримовские духовно-образовательные чтения. Тамбов, 1999. С. 13.
 - 18 РГБ. ОР. Ф. 225. Л. 108.
 - 19 Дубасов И. И. Указ. соч. Вып. 3. М., 1884. С. 38.
 - 20 Кученкова Н. В. Тамбовские православные храмы. Тамбов, 1992. С. 75.
 - 21 Белых М. Сказания о Козловских храмах. Липецк, 1998. С. 104.
 - 22 Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. М., 1885. С. 503.
 - 23 Белых М. Указ. соч. С. 107.
 - 24 Питиримовские духовно-образовательные чтения. Тамбов, 1999. С. 31.
 - 25 Храм Христа Спасителя. М., 1996. С. 226.
 - 26 Наше наследие. М., 1991. № 3. С. 45.

ПРЕПОДОБНЫЙ ИОСИФ

В СОБОРЕ СВЯТЫХ ЗЕМЛИ ТАМБОВСКОЙ — ИМЯ МЕСТНОЧТИМОГО ПРЕПОДОБНОГО ИОСИФА, ИГУМЕНА И ОСНОВАТЕЛЯ СВЯТО-ТРОИЦКОГО КОЗЛОВСКОГО МОНАСТЫРЯ.

В 1627 году некий старец Иосиф нашёл близ реки Лесной Воронеж пустынное, открытое в то время густым лесом, удобное для собеседования в молитве своей с Богом место. Старец жил здесь сначала уединённо, но когда его богоугодная и благочестивая подвижническая жизнь сделалась известною, то к нему собралось несколько человек для подвигов духовных. Старцы, исполненные Духа Святого и ставшие для других наставниками, водителями на пути к духовному совершенству, взяли на себя огромный труд по созданию монастыря. Духовный навык старца Иосифа, его ревностное стремление к Божию делу, молитвенный образ жизни и самоотречение впоследствии позволили ему стать игуменом. Преподобный Иосиф притягивал к себе всякую душу, ищущую Бога, так как и в нём самом ощущалось присутствие Божие. Старцы вновь созданного монастыря старались научить смирению, прощению и управлению своей волей. Исполненные милости Божией, старец Иосиф и его братия умели выслушивать покаянные признания, призывали к христианскому совершенству и направляли на путь Божий, хотя ещё весь край Тамбовский утопал в язычестве, заселён был различными племенами и иноверцами.

Место, выбранное преподобным Иосифом для построения монастыря, было удобным и живописным. Оно находилось в трёх километрах от заложенной позже – в 1635 году – крепости Козлов.

В историческом описании Козловского Свято-Троицкого монастыря говорилось: «Монастырь стоит на возвышении, образуемом берегом реки; с южной стороны его протекает Лесной Воронеж, с восточной и западной – монастырь окружён дубовыми рощами, северная сторона, обращённая к Козлову, открыта, и низменная долина отделяет монастырь от города, половина которого, расположенная на полугоре, обращённой к монастырю, как

будто любит прекрасным местоположением этой обители».

Место, на котором поселился старец Иосиф, находилось во владении оброчников князя Димитрия Михайловича Пожарского. С их согласия на этой земле обосновались и первые сподвижники Иосифа – старцы Пафнутий, Агафоник и Нифонт. Когда воеводы Иван Биркин и Михаил Спешнев строили Козлов, для Троицкой пустыни по обоим берегам Воронежа были отведены лесные и сенные угодья, однако рекою владели оброчные крестьяне. Выделенных угодий для содержания монастыря не хватало. Монастырская братия просила помощи.

В 1641 году от Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича воеводе А.К. Беклемишеву было предписано исполнить просьбу монастыря на владение «рыбными ловлями» и строительство мельницы на реке Воронеж: «...И ныне по нашему указу те угодья, рыбные ловли и бобровые гоны даны в Троицкий монастырь на свечи и на ладан и на всякое монастырское строение чёрному попу Иосифу с братью, и мельницу ему на той реке велено устроить и оброчные деньги с тою рыбной ловли и с доимки и из окладу велено выложить, потому что те угодья отошли к новому городу Козлову. Старец Иосиф устраивает трудами своими для жительства келии, а для молитвы небольшую деревянную церковь во имя Живоначальной Троицы с приделом Успения Божией Матери. По устройении церкви и келий преподобный Иосиф послал из среды своей братии одного старца, по имени Нифонт, в Рязань, к бывшему тогда Преосвященному Антонию, архиепископу Рязанскому и Муромскому, для принятия благословения на освящение церкви. По получении от Преосвященного Антония грамоты церковь была освящена в 1638 году 10 и 22 мая самим старцем Иосифом, поставленным уже тогда в сан игумена. Церковь же эта впоследствии

Окрестн. Козловъ. Рѣка Воронежъ.

сгорела и на её месте в 1653 году была выстроена новая. Здесь находился пожертвованный епископом Тамбовским Преосвященным Питиримом образ Живоначальной Троицы в окладе с позлащёнными венцами.

Деяния первых русских монахов всегда находили поддержку правительства. Тамбовские монастыри, в том числе и Козловский Свято-Троицкий монастырь, получали угоды в форме «государевых пожалований» или вкладов «на помин души». В 1641 году грамотой царя было положено жалование – деньгами и натурой. Козловскому воеводе Р.Ф. Боборыкину было приказано отпускать игумену по рублю, монашествующим – по полтиннику, просвирне – 8 алтын и деньгу, ржи и овса: игумену – по одной четверти, каждому монаху – по полчетверти. Кроме того, на свечи, на ладан и на церковное вино – один рубль, а на просфоры – четверть ржи, заменённой впоследствии пшеницей. Монастырь потихоньку разрастался. В нём в 1651 году проживало 19 старцев, а около монастыря в восьми дворах слободы шестнадцать бобылей.

Однако выделенных средств для содержания монастыря не доставало. Деревянная церковь по-прежнему не имела колоколов – приглашением на службу служил удар битой в доску. Деревянная колокольня была построена только в 1652 году. Однако пожар уничтожил все деревянные постройки, но в 1653 году на месте сгоревшей построили новую деревянную церковь. Выпись из писцовых книг свидетельствует: «...Монастырь Троицкий на реке Лесном Воронеже, а в нём Государево богомолье, церковь во имя Живоначальной Троицы да придел Успения Пречистой Богородицы, а в ней образы, и книги, и ризы, и сосуды церковные и на колокольне колокола и на святых воротах деисус стоящий, строенье монастырское и вкладчиково, да Государева книг жалования – два Пролога, да ризы, да стихарь. А в монастыре кельи – келья чёрного попа Нифонта, келья старца Филарета, да старца Тихона, келья старца Ионы, да старца Евфимия, келья старца Иова, да старца Пафнутия, келья старца Варлаама, да старца Феодосия, келья старца Кирилла, да старца Анто-

ния, келья старца Павла, да старца Иосифа... да келья больничная».

Первые старцы монастыря во главе со своим игуменом преподобным старцем Иосифом были поистине учителями народа, а кельи их были своего рода кафедрами, где прихожане получали своё духовное образование. Их кельи всегда были открыты для всех страждущих и ищущих помощи. Отслужив обедню, старец Иосиф возвращался в свою келью, где жил сосредоточенной монашеской жизнью, отдавая себя безраздельно Богу. В любой час дня и ночи игумен Иосиф мог войти в любую келию. Он был для всех наставником и учителем. В монастыре рядом с кельей Иосифа находились и кельи мирян, которые черпали живую воду благодати.

Обладая особым организаторским даром, он создал в своём монастыре просветительский центр. Многие язычники из мордвы стали присматриваться к православной обрядности и прислушиваться к стройному монастырскому хору, затем и сами делались православными. Но в то же время монастырь постоянно испытывает притеснения со стороны местных жителей. Это обстоятельство неоднократно вызывало у иноков желание оставить свою обитель, но любовь к Богу была сильнее мирской суеты.

Во второй половине семнадцатого века положение монастыря несколько укрепилось. К нему отходят всё новые и новые земли. Всё это позволило впоследствии начать строительство каменного соборного храма по пожалованной грамоте Питирима, епископа Тамбовского. К тому времени старца Иосифа уже не было в живых. Он почил, видимо, где-то в 1660–1661 году. Однако заложенное старцем Иосифом сохранялось: отсутствие всякой личной собственности, общая для всех одежда и пища, строгое выполнение обрядовых правил – и ежедневная исповедь. Внешнее соблюдение монастырского устава было средством внутреннего освящения, телесное должно было сказаться и на душевном. А жизнь в монастыре оставалась тяжёлой: днём работали, строили монастырь, до поздней ночи молились у себя по келиям или в церк-

ви, где зимой был холод. Одежда была бедной и носилась иногда на нагом теле. Однако любовь к Богу и любовь к ближнему была превыше всего. Вознося молитвы ко Христу и Божией Матери, первые иноки чтением богослужебных книг, постом и послушанием очищали душу свою, отсекая ветви страстей, стяжая нравственные основы – кротость, смирение, целомудрие, терпение. Все эти качества преподобный Иосиф нёс своим послушникам и мирянам.

По молитве первого инок монастырь рос и возрождался. Со временем обитель становится одной из самых крупных на Тамбовщине. Она является хранительницей уникальных документов, относящихся не только к истории Тамбовского края, но и ко всей России. И хотя сильные пожары несколько раз уничтожали строения, монастырь возрождался вновь: строились новые церкви, новые корпуса, келии и хозяйственные постройки.

Свято-Троицкий монастырь явился некрополем многих благодетелей монастыря: князей Кугушевых, Рахмановых, купцов Кожевниковых, Каншиных и других. На территории монастыря похоронен и Христа ради юродивый Иоанн.

После октябрьского переворота 1917 года судьба Троицкого монастыря, как и многих других, была печальной. Были разрушены Троицкая и Успенская церкви. В двадцатые годы он прекратил своё существование. До 1997 года на территории монастыря располагалась Центральная генетическая лаборатория имени И.В. Мичурина. 31 мая 1997 года церковь во имя Живоначальной Троицы была передана Тамбовской епархии.

Деяния преподобного Иосифа, старца и основателя Козловского Свято-Троицкого монастыря, его богоугодная жизнь, украшенная великими христианскими добродетелями, его твёрдая вера в Бога, его непрестанная молитва за нас пред Престолом Всемогущего и Человеколюбивого Бога явили в Русской Православной Церкви неиссякаемый источник веры христианской, откуда народ Божий черпал и будет черпать силы Добра и Истины. **А**

61

Выставка «И снова в Пензе...» открылась 7 октября в просторном светлом зале художественного училища. На ней представлены более 120 работ 25 тамбовских выпускников училища. Идея Владимира Соловьева нашла горячий отклик и поддержку у директора училища Галины Васиной. На открытии выставки начальник Управления культуры и архива Пензенской области Татьяна Курдова высказала пожелание увидеть в стенах училища работы и других его выпускников проживающих не только в России, но и за рубежом. Представитель управления культуры и архивного дела Тамбовской области Елена Морозова в свою очередь поддержала идею сотрудничества между городами. Следующей осенью тамбовскому зрителю будут представлены работы пензенских художников – преподавателей художественного училища.

Секрет успеха выставки в том, что в проекте представлены работы людей которых смело можно назвать успешными художниками, обладающими яркой творческой индивидуальной манерой и собственным мировоззренческим взглядом на искусство. Для училища такой факт важен, давайте откровенно признаем, что далеко не все выпускники продолжают идти дальше «дорогой художника». Проект дал возможность преподавателям училища увидеть, что их трудовые вложения не пропали даром, а нынешним студентам училища принес понимание, что в любое время, каким бы сложным оно не казалось, надо идти своей творческой дорогой и тогда есть шанс преодолеть все препятствия.

Несомненно, важно и то обстоятельство, что коллеги с уважением отнеслись к памяти ушедших из жизни художников, их картины так же представлены на выставке. Недаром говорят, пока человека помнят, он жив.

На открытие выставки было много трогательных моментов. Не только тамбовские художники встретились здесь со своими бывшими педагогами и сокурсниками. Среди студентов училища есть выпускники Детских художественных школ Тамбова. Теперь они с гордостью могут показать однокурсникам работы своих преподавате-

лей, которые готовили их к поступлению в Пензенское художественное училище им. К.А.Савицкого. И может быть годы спустя вдохновленные выставкой «И снова в Пензе...» они также вернутся сюда, как сложившиеся зрелые мастера представят зрителю свои работы.

Выставка организована Тамбовским региональным отделением ВТОО «Союз художников России» при поддержке управления культуры и архивного дела Тамбовской области, управления культуры и архива Пензенской области, ГБПОУ «Пензенское художественное училище им. К.А. Савицкого».

Ольга Михайлова,
искусствовед
Фото Денис Санталов

Список участников выставки тамбовских художников – выпускников Пензенского художественного училища им. К.А. Савицкого.

1. Батуров Юрий Петрович (1941–2005). Год выпуска 1961.
2. Бубенцов Андрей Леонидович. Год выпуска 1983.
3. Гусева Марина Владимировна. Год выпуска 1978.
4. Колесников Владимир Иванович. Год выпуска 1982.
5. Краскова Ольга Вадимовна. Год выпуска 1984.
6. Кудрявцева Людмила Николаевна. Год выпуска 1981.
7. Кудрявцев Владимир Иванович. Год выпуска 1981.
8. Кудрявцев Иван Владимирович. Год выпуска 2001.
9. Кулаев Виктор Васильевич. Год выпуска 1989.
10. Миломаев Виктор Иванович. Год выпуска 1975.
11. Налётова Лариса Алексеевна. Год выпуска 1975.
12. Насонов Николай Алексеевич (1952–2016). Год выпуска 1975.
13. Ольшанский Борис Михайлович. Год выпуска 1980.
14. Ольшанская Татьяна Александровна. Год выпуска 1980.
15. Петрова Татьяна Николаевна. Год выпуска 1979.
16. Пискунова Тамара Алексеевна. Год выпуска 1983.
17. Пугачёв Владимир Вячеславович. Год выпуска 1982.
18. Салычев Дмитрий Михайлович. Год выпуска 2002.
19. Салычев Михаил Иванович. Год выпуска 1978.
20. Соловьёв Владимир Евгеньевич. Год выпуска 1990.
21. Тихомиров Василий Алексеевич. Год выпуска 1980.
22. Ткачёв Борис Викторович. Год выпуска 1979.
23. Цыцина Наталия Сергеевна. Год выпуска 1978.
24. Шмелёв Сергей Владимирович. Год выпуска 1982.
25. Яковлева Людмила Анатольевна. Год выпуска 1975.

ЖЕНЩИНЫ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

ПОЧТОВЫЕ
МИНИАТЮРЫ

ЖЕНЩИНЫ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ – ЭТО ОСОБАЯ СТРАНИЦА В ИСТОРИИ ФИЛАТЕЛИИ СССР. ПЕРВЫЕ ДВЕ ПОЧТОВЫЕ МАРКИ «КРЕСТЬЯНКА» ВОШЛИ В СТАНДАРТНЫЙ ВЫПУСК 1929-1932 ГОДОВ. МАРКИ ВЫПУЩЕНЫ С ПЕРФОРАЦИЕЙ И ВОДЯНЫМИ ЗНАКАМИ. МАРКА ЛИЛОВОГО ЦВЕТА ИМЕЕТ НОМИНАЛ 4 КОП., А ВТОРАЯ ПОЧТОВАЯ МАРКА – КОРИЧНЕВОГО И СВЕТЛО-КОРИЧНЕВОГО ЦВЕТОВ, С НОМИНАЛОМ В 50 КОПЕЕК. НА ЭТИХ МИНИАТЮРАХ ЖЕНЩИНА-КРЕСТЬЯНКА ИЗОБРАЖЕНА КРУПНЫМ ПЛАНOM. ОНА ОДЕТА В САРАФАН, ГОЛОВА ПОВЯЗАНА ПЛАТКОМ, НА ПРАВОМ ПЛЕЧЕ СЕРП.

Небезынтересно отметить, что на лиловой марке (1) номиналом 4 коп., из стандартного выпуска почтовых марок СССР, крестьянка изображена с серпом на фоне вспаханного поля и снопов колосьев. Аналогичная марка выходила и в варианте без перфорации (1931.7 июня -1932. сентябрь).

В 1933 году в почтовое обращение поступила солидная серия (из 21 марки) – «Народы СССР». На отдельных марках (3–4) женщи-

ны-труженицы изображены в национальных костюмах, а точнее – с их элементами. Практически на всех почтовых миниатюрах женская одежда имеет свой национальный узор (украинский, белорусский, чувашский, туркменский...). И что примечательно, хотя мы уже это ранее отмечали, на каждой почтовой марке поверху и понизу миниатюры также изображен национальный узор, который придает марке особую оригинальность.

1. **Крестьянка** из серии Стандартный выпуск СССР (1929. Октябрь–1932. Сентябрь). Печать типографская, с водяным знаком. Перфорация гребенчатая. Зубцовка: 12:12 ¼. Художник: Д. Голядкин
2. **Крестьянка**. На марке – крестьянка с серпом на плече. Разновидность по печати: серп залит краской. Печать типографская, с водяным знаком. Перфорация гребенчатая. Зубцовка: 12:12 ¼. Художник: Д. Голядкин
- 3, 4. Марки из серии «**Народы СССР**». 1933. июль–сентябрь. Русские. Украинцы.
5. **Крестьянка**. Стандартный выпуск СССР. Печать: типографская. Бумага: обыкновенная. Водяной знак: Без в.з.. Тип перфорации: гребенчатая. Зубцовка: 12:12 ¼. Художник: Д. Голядкин.
6. 1939 г., июль. Вспомогательный выпуск «**Крестьянка**», с надпечаткой нового номинала «30 коп.»
7. Почтовая марка из серии «**Всесоюзная сельскохозяйственная выставка в Москве**». Животноводство. 1939 г. 1 августа. 591 – по каталогу В. Загорского. Печать глубокая. Перф. лин. 12 ¼. Перф. греб. 12 ¼ : 11 ¾.
8. **Напутствие матери уходящему на фронт сыну**. Почтовая марка (726 по каталогу В. Загорского) «**Будь героем!**» вышла в почтовое обращение 12 августа 1941 года. Марка карминно-красного цвета, номинал 30 коп. Печать офсетная, перфорация гребенчатая 12 ½ : 12. Оформление: коллектив художников Гознака.
9. **Серия из 4-х миниатюр. Великая Отечественная война 1941–1945гг. Сельское хозяйство фронту!** Марка вышла в почтовое обращение в 1943 г. (17 января–27 февраля). Печать типографская. Перфорация линейная 12 ½.
10. Стандартный выпуск (1948 г. 22 мая). **Колхозница со снопом**. Печать глубокая (применена в стандарте впервые). Перфорация линейная 12 ½. Известна на толстой бумаге, встречается с различными оттенками цвета.
11. Стандартный выпуск (1949 г. 28 апреля – 1957 г. 26 января). **Колхозница со снопом**. Офсетная печать. Перфорация гребенчатая 12:12 ½. Марки встречаются с различными оттенками цвета. Повторные издания (1954–1957) с уменьшенным размером рисунка.
12. «**Женщина в сельском хозяйстве**». Печать глубокая. Перфорация линейная 12 ½. Номинал 50 копеек.
13. Стандартный выпуск (1959. 26 мая – 1960. 30 июня). **Колхозница со снопом на фоне главных ворот ВДНХ**. Марка оливково-зеленого цвета. Офсетная печать. Перфорация гребенчатая 12:12 ½. Марки встречаются с различными оттенками цвета. Тираж массовый.

На этих марках можно уже видеть не только «крестьянку с серпом», но и сельскохозяйственную технику – тракторы и прицепные орудия к ним. В 1929–1933 гг. сельскохозяйственное машиностроение СССР берет курс на производство более сложной сельскохозяйственной техники, отвечающей потребностям коллективных хозяйств.

Уместно вспомнить ряд высказываний И. Сталина о роли женщины в развитии колхозного движения (См.: Александров Г.Ф., Галактионов М.Р., Кружков В.С. и др. – Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. – М.: Государственное Издательство Политической Литературы, 1947. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.biografia.ru/arhiv/material75c.html>).

Авторы этого конъюнктурного произведения приводят в своей книге выдержки из выступления Сталина на первом съезде колхозников-ударников, который состоялся в Москве 15–19 февраля 1934 года. «Женский вопрос в колхозах, – говорил Сталин, – большой вопрос, товарищи. Я знаю, что многие из вас недооценивают женщин и даже посмеиваются над ними. Но это ошибка, товарищи, серьезная ошибка. Дело тут не только в том, что женщины составляют половину населения. Дело, прежде всего в том, что колхозное движение выдвинуло на руководящие должности целый ряд замечательных и способных женщин. Посмотрите на съезд, на его состав, – и вы увидите, что женщины давно уже продвинулись из отсталых в передовые. Женщины в колхозах – большая сила. Держать эту силу под спудом, значит допустить преступление. Наша обязанность состоит в том, чтобы выдвигать вперед женщин в колхозах и пустить эту силу в дело». «Что касается самих колхозниц, – продолжает Сталин, – то они должны помнить о силе и значении колхозов для женщин, должны помнить, что только в колхозе имеют они возможность стать на равную ногу с мужчиной. Без колхозов – неравенство, в колхозах – равенство прав. Пусть помнят об этом товарищи колхозницы и пусть они берегут колхозный строй, как зеницу ока».

Сталинский лозунг «Женщины в колхозах – большая сила» многие художники-со-

цреалисты быстро взяли на вооружение. Появились не только плакаты, но и открытые письма со счастливыми лицами колхозниц.

В 1936–1937 гг. советская филателия вновь не обходит вниманием уже известную нам «Крестьянку». Она входит в стандартный выпуск. Марка зеленого цвета (5), номиналом в 20 копеек, с линейной и гребенчатой перфорацией.

На марке – крестьянка с серпом на плече на фоне вспаханного поля.

Стандарт 1937 (июнь) – 1941 (январь) вновь вбирает в себя две почтовых марки с изображением «крестьянки». При этом лиловая марка номиналом 4 коп. печатается с перфорацией и без нее, а коричневая с номиналом в 50 копеек только с гребенчатой перфорацией (12:12 1/4).

В июле 1939 года выходит в обращение вспомогательный стандартный выпуск все с той же «Крестьянкой», но уже с надпечаткой нового номинала «30 коп.» (6). Марка лилового цвета выходила с водяными знаками и без них.

В том же 1939 году (1 августа) в почтовое обращение поступает серия из десяти марок – «Всесоюзная сельскохозяйственная выставка в Москве». Марки практически одноцветные (розово-кармин., красно-коричн., сине-черн., фиолет., синяя и др.). И что примечательно на 5 почтовых миниатюрах изображены женщины-труженицы, олицетворяющие успехи отечественного сельского хозяйства.

Особый интерес вызывает почтовая марка розово-карминового цвета, на которой изображена доярка со своей буренкой-рекордисткой, дающей в год по 16 000 литров молока (7).

Следует напомнить читателям, что благодаря Второму Всесоюзному съезду колхозников-ударников (11–17 февр. 1935 г.) впоследствии в Москве была организована Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Съезд постановил просить ЦК ВКП (б) и СНК СССР организовать в 1937 г. в Москве Всесоюзную сельскохозяйственную выставку.

Известно, что сельчанки издревле работали не покладая рук, и это их качество особенно проявилось в годы Великой Отечественной войны. Война резко изменила за-

дачи, стоящие перед сельским хозяйством страны. Оккупация важных сельскохозяйственных территорий в первые месяцы военных действий тяжело отразилась на работе отрасли сельского хозяйства СССР. Из западных районов страны удалось переместить в более безопасные места крупный рогатый скот и свиней (2,4 млн. и 0,2 млн. голов, соответственно). Свыше 5 млн. овец и коз, около одного миллиона лошадей. Там где это удавалось, вывозилось продовольствие и техника для сельскохозяйственных работ. Более 12 млн. мирного населения было эвакуировано с опасных территорий страны.

Система бронирования от призыва в Красную Армию, как известно, на работников отрасли сельского хозяйства почти не распространялась, поэтому село в короткий срок практически осталось без мужчин.

Вместе с тем многие женщины и девушки – труженицы колхозов, совхозов и МТС тоже были мобилизованы в армию. Часть сельских жителей мобилизовалось на работу в другие отрасли народного хозяйства (промышленность, транспорт, энергетика). После таких крупных мобилизаций тяжелый крестьянский труд, конечно же, лег на женские плечи. К работе в колхозах вынуждены были привлекать стариков, подростков, детей и инвалидов, оставшихся в сельской местности. В этот сложный для советского государства период женщины составляли 75% от всех работников сельского хозяйства. Уход на фронт мужчин и, прежде всего, механизаторов, бесспорно, нанес серьезный ущерб сельскому хозяйству.

И как здесь не вспомнить женщин-механизаторов, ковавших победу в тылу. Так, Дарья Гармаш в 1942 году выступила инициатором соревнования женских тракторных бригад СССР. Девушки из ее бригады на протяжении всего периода тяжелой войны с фашистами работали по 12 часов в две смены и ежегодно занимали первое место во Всесоюзном соревновании женских тракторных бригад. Этой прославленной бригаде Дарьи Матвеевны Гармаш установлен памятник у деревни Баграмова в Рыбновском районе Рязанской области.

Во время войны, известная женщина-механизатор, организатор и бригадир первой в

стране женской тракторной бригады Паша Ангелина трудится на полях Казахстана. Сюда она прибыла вместе со всей бригадой и двумя составами техники. Девушки-трактористки работали не щадя своих сил. За особый вклад в битвах за урожай прославленную трактористку П. Ангелину одна из гвардейских танковых бригад, сформированная из бывших трактористов, решила зачислить в свои списки с присвоением почетного звания гвардейца.

Многие женщины сели за рычаги тракторов. На призыв Ангелиной еще в 1938 году «Сто тысяч подруг – на трактор!», откликнулось 200 тыс. женщин.

Гораздо хуже приходилось в тех хозяйствах, где вообще не было техники. Женщины использовали коров на пахоте, при бороновании и перевозке различных грузов. Во время посевной кампании рабочий день начинался в четыре утра и заканчивался с появлением сумерек. На собственных огородах, да и зачастую на колхозных полях, приходилось из-за отсутствия техники пахать, запрягая в плуг женщин.

Катастрофически не хватало хлеба – основного продукта питания. Сократился объем продовольственных оплат на трудодни. Если в 1940 г. средняя выдача зерна по трудодням составляла 1,6 кг, то в 1943 г. лишь 0,7 кг или уменьшилась в 2,3 раза. Из-за нехватки муки хлеб пекли с примесями (добавляли желуди, картошку и картофельные очистки). Каша в ту пору варилась из семян лебеды, а лепешки готовили из конского щавеля. На сладенькое, чтобы компенсировать нехватку сахара, кушали самодельный мармелад из тыквы и свёклы. Листья черной смородины, сушеная морковь и прочие целебные травы заменяли селянам чай.

Советские женщины, не смотря на все тяготы военного времени, обеспечивали государство необходимым количеством продовольствия, с материнским вниманием заботились о фронтовиках и их семьях, помогали эвакуированным, значительно перекрывая нормы по трудодням. Трудно переоценить роль сельских женщин в победе над коварным врагом (8–9).

С повсеместной победой колхозного строя изменился и облик женщин-тружениц

села. Их стали величать колхозницами, а не крестьянками, как это было ранее. И вот в стандартном выпуске почтовых марок 1948 года появляется почтовая миниатюра – «Колхозница» (10–11).

В это период в стране реализуются задачи четвертого пятилетнего плана развития народного хозяйства (1946–1950 гг.). Среди важнейших хозяйственно-политических задач – восстановление разрушенных войной районов страны, достижение довоенного уровня развития промышленности и сельского хозяйства, а затем и превышение этого уровня в значительных размерах. Намечен неуклонный рост благосостояния советского народа.

Эти задачи успешно были решены. Четвертый пятилетний план был выполнен трудящимися отраслей промышленности досрочно – за 4 года и 3 месяца, а колхозникам и рабочим совхозов удалось в 1950 г. в целом по всему объему продукции сельского хозяйства достичь довоенного уровня.

В Международный женский день 8 марта 1949 г. сельские труженицы не остались без внимания. В этот день в почтовое обращение вышла марка «Женщина в сельском хозяйстве» (12).

В отличие от ранее представленных почтовых марок («Крестьянка» и «Колхозница»), марка стандарта 1959–1960 гг. отличается большей выразительностью образа советской колхозницы (13). Она уже не та забитая и безграмотная крестьянка первого десятилетия советской власти, а уверенная в себе труженица сельского хозяйства Союза ССР. Неслучайно она изображена на фоне ворот ВДНХ с монументом «Рабочий и колхозница» работы скульптора В. Мухомовой и архитектора Б. Иофана. Автор почтовой миниатюры хотел еще раз подчеркнуть достижения социалистического сельского хозяйства. Женщина уверенно смотрит вдаль, в «свое светлое будущее», левая рука как бы приобнимает мощные колосья зерновых. От всей композиции исходит какая-то мощь и сила. ■■

А.Н. Сёмин,
член Союза писателей России,
член-корреспондент РАН

ПУТЕВОДИТЕЛЬ КАЗАКА

Игорь Мартынов,
войсковой старшина, заместитель
атамана Тамбовского отдельского
казацкого общества

ПРАВОСЛАВИЕ ЯВЛЯЕТСЯ ПУТЕВОДИТЕЛЕМ КАЗАКА С САМОГО НАЧАЛА ЕГО ЖИЗНИ. ПРАВОСЛАВНАЯ ВЕРА ОПРЕДЕЛЯЛА ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ КАЗАКА С ПЕРВОГО ДНЯ ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ, ОТ КРЕЩЕНИЯ И ДО ОТПЕВАНИЯ ПРИ ОТХОДЕ ЕГО В МИР ИНОЙ, ФОРМИРОВАЛО МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ВЕСЬ ЕЖЕГОДНЫЙ КРУГ ОБРЯДОВ.

САМИ КАЗАКИ БЫЛИ ГЛУБОКО ВЕРУЮЩИМИ ЛЮДЬМИ. ИНАЧЕ И БЫТЬ НЕ МОГЛО: ПРОВОДЯ БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ ЖИЗНИ В БОЯХ И ПОХОДАХ, НА КРАЮ ЖИЗНИ И СМЕРТИ, КАЗАКИ ОСТРЕЕ ОЩУЩАЛИ ВРЕМЕННОСТЬ БЫТИЯ И ПОНИМАЛИ, ЧТО ТОЛЬКО С БОГОМ – ВЕЧНОСТЬ, И ПРОСИЛИ У НЕГО ЗАЩИТЫ И ПОБЕДЫ НАД СУПОСТАТОМ. ЗНАЧЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ ДЛЯ КАЗАЧЕСТВА ТРУДНО ПЕРЕОЦЕНИТЬ, ДАТЬ КАКУЮ-ТО ОЦЕНКУ ИЛИ СДЕЛАТЬ ВЫВОД. ХРИСТИАНСТВО БЫЛО И БУДЕТ ОДНИМ ИЗ ВАЖНЫХ ФАКТОРОВ СТАНОВЛЕНИЯ КАЗАЧЕСТВА В РОССИИ.

Рассматривая историю становления казачества и формирования казачьих обычаев и традиций на первый план самоидентификации казачества вышло понятие «служение». Для некоторых казачья служба заключается только в несении охраны правопорядка, воинской службы, охранной деятельности или участия в мероприятиях, забывая о том, что есть «служение государево» и «Бого-служение». О государевом служении идут многочисленные споры, рассуждения и «спецпредложения» от представителей казачества.

А как же Бого-служение казака? Не надо забывать, что без Богослужения казака нет, т.к. самопознание своего духовного мира в единстве с верой в Господа нашего Иисуса Христа является важным составляющим в жизни казака. Молитва перед походом и благодарственный молебен после возвращения, молитва перед боем и после боя, обращение ко Господу и Пресвятой Богородице, святым и небесным покровителям являлись неотъемлемой частью воинской жизни казака. Право-

самим казакам. Каждому казаку надо помнить, что он представляет казачество в целом и по его поведению, образу жизни, молитве и отношению к вере отцов и прадедов судят окружающие его люди, в том числе и подрастающее поколение. Не зря в последнее время появилась у прихожан православных приходов пословица «Вокруг ходят, да внутрь не заходят». Надо помнить, что казачество служит Отечеству, а Отечество – это народ, будущее которого зависит и от нас, казаков.

Представляя Тамбовское Отдельское казачье общество хочется написать и о нас, тамбовских казаках. Принимая присягу казак говорит о готовности служить Православной вере, Отечеству и казачеству. Исполнения слов присяги является важной составляющей, а точнее формулой жизни казака. Вид и метод служения казачеству и Отечеству каждый выбирает сам, в зависимости от его способностей и возможностей. Служение казака Вере Православной не выбирается и не может ограничиваться формой или методикой, как

«ПРАВОСЛАВНЫЙ» И «КАЗАК» ЯВЛЯЮТСЯ ТОЖДЕСТВЕННЫМИ ПОНЯТИЯМИ УЖЕ НЕ ОДНО СТОЛЕТИЕ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ. КАЗАЧЕСТВО ВСЕГДА БЫЛО, ЕСТЬ И БУДЕТ ОПЛОТОМ ПРАВОСЛАВИЯ

славие стало важной частью семейной жизни, традиций и обрядов, праздничных торжеств и внутренней духовной основой для личного саморазвития. Православное христианство стало фундаментом казачьей жизни. С верой в Христа строилась вся жизнь казака, начиная от рождения и заканчивая погребением. «Православный» и «казак» являются тождественными понятиями уже не одно столетие в истории российского казачества и Православной Церкви. Казачество всегда было, есть и будет оплотом Православия.

На современном этапе многие казаки считают свое «Богослужение» как дежурство у храма и присутствие на службе для удовлетворения требований окормляющего священника или отписки для атамана. Такое положение дел приводит не только к профанации Православия со стороны казаков, но и к отрицательному отношению прихожан к

хотите называйте. Присутствие на Богослужении и присутствие на дежурстве у храмов не говорит о служении – это в большей части долг и обязанность. Служение или правильной «Богу-служение» является повседневным и ежеминутным памятованием сопричастности к христианскому миру, сохраняя в себе самом Божий мир. Начиная с утренней молитвы и заканчивая молитвой перед сном, казак просыпается с Богом и с Богом засыпает. Работа над своими страстями, привычками и характером должны стать повседневной задачей в самосовершенствовании и познании самого себя.

Окружающие люди воспринимают казака не только по форме одежды, наличия медалей и звездочек на погонах. В первую очередь казака воспринимают по его поведению и словам, его манере общения и отношения к окружающим. В казаке люди видят

не только представителя воинского сословия, этнической группы или народа, а в первую очередь носителя особой культуры, которая может стать примером для всех, независимо от возраста и статуса. Вот почему духовное начало в казачьей душе имеет важное значение. Именно внутренний духовный мир формирует у казака его мировоззрение, мироощущение и конечно же взаимоотношение с окружающими людьми.

На территории всей России и так же на Тамбовщине казаки не только охраняют храмы или участвуют в крестных ходах, а также принимают участие в Богослужениях. Стать соучастником Богослужения не даётся каждому, так как это требует особой самоотдачи и стремления. Многие казаки, в том числе и тамбовский отдельский атаман, являются пономарями и чтецами в храмах, находясь в алтаре и совершая молитвы о благополучии казачества. Участие в таинствах Церкви, таких как исповедь и причастие, должны стать систематическими и важной частью личной и семейной жизни казака. Отрадно видеть, как тамбовские казаки стоят на исповеди и принимают таинство причастия во многих храмах Тамбовской области.

Особое место в жизни казака является паломничество по святым местам. Сама Тамбовская область имеет много святых мест, связанных с историей Православия и России, с жизнью святых подвижников благочестия. Посещение таких мест является для казака и членов его семьи своеобразным прикосновением к духовной истории Отечества. Святые источники и монастыри, мощи святых и старинные храмы являются безголосым свидетельством благодарности казакам в их служении по защите и сохранению того богатства, которое передано нашими предками своим потомкам. Переданы не только объекты исторического значения или история родного края или семьи, а в первую очередь «духовный закон» служения казачества.

Во время Азовского сидения казаки говорили: «Вот храм Божий, защитим его или умрём близ алтаря Господня, – смертью за веру покупают небо». Слова казаков прошлого должны стать для нас примером служения Церкви и казачеству, т.к. без духовного развития и воцерковления казаков не будет полного возрождения казачества на основе традиций и обычаев предков. Казаками, и

в первую очередь атаманами, должно быть осознана важность воцерковления казаков на основе личного опыта церковного служения и жизнью по заповедям Божиим. Борьбой со страстями сердца своего и личным самосовершенствованием, развивая в себе «православного воина».

Возрождая казачество, мы должны понять, что только через возрождение казачьего духа возможно достичь поставленных целей и результата, а казачий дух – есть Православие. Выступая на Первом съезде казачьих духовников в Москве 5 декабря 2013 года Святейший Патриарх Кирилл сказал: «У казаков должно быть ясное чувство принадлежности к Церкви, потому что нет Православия без Церкви. Принадлежность к Церкви – это вопрос быть или не быть казачеству...».

Служение казачества заключается в том, чтобы исполнять слова присяги, данные на Евангелии и перед крестом, перед атаманом и братьями казаками. Для многих быть казачком – это значит одеть форму и ждать, когда тобой будут восхищаться окружающие. Нет, господа казаки, быть казачком – это значит иметь в своём сердце казачий дух, имеющий в себе силу и веру наших предков, память о своём Роде, любовь к традициям и обычаям казачьего рода. Казаки несут казачью службу не только согласно государственным и муниципальным документам и договорам. Служба казака заключается в следовании путями предков, в единении «службы государевой» и «Бого-служении» во благо казачества и во Славу великих подвигов наших предков-казаков.

Святейший Патриарх в одной из проповедей сказал о казачьей службе следующее: «Самое главное, что должны помнить и казаки, и все мы: если хотим, чтобы совершалось над нами чудо Божие, чтобы Бог приклонял к нам Свою милость, мы должны хранить веру в сердце, жить по совести, по Божиему закону, любя друг друга и любя Отечество наше. И тогда никакие соблазны, человеческие страсти, никакая борьба за власть, в том числе и в казачьем сообществе, не будут страшны, потому что будет являться Божия правда. И казачье сообщество будет сильным и неколебимым, будет мощной опорой государства Российского, поддержкой Церкви, примером для народа».

НИКОЛАЙ НАСЕДКИН

Прозаик, литературовед, член Союза писателей России.

Родился в 1953 г. в Сибири. Окончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова (1982) и Высшие литературные курсы при Литинституте им. А.М. Горького (1991).

Публиковался в журналах «Наш современник», «Москва», «Нева», «Урал», «Подъём», «Российский колокол», «Южная звезда» и др.

Автор 15 книг, изданных в Тамбове, Москве, Польше, Черногории.

СКУЧНАЯ ИСТОРИЯ

СТО ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

I

Чеховская «Скучная история», когда прочёл впервые 45 лет назад, конечно, не произвела на меня и сотой доли того впечатления, каковое производит сейчас, когда я сравнялся возрастом с главным героем.

А тогда, в 17 лет, меня лишь поразило, что он, главный герой, – мой полный тёзка, тоже Николай Степанович. Фамилия его в повести не упоминается, вернее, зашифровывается словцом-определением «такой-то», так что и я в этих вот своих записках тоже буду так себя именовать.

Не знаю, может, я подсознательно к этому стремился, хотя вряд ли, но судьба моя сложилась-сформировалась так, что текст чеховской повести по прошествии бездны лет начал перекликаться с моей жизненной повестью, так сказать, цитировать её. Или, наоборот, моя цитирует чеховскую. Так что ничего удивительного, что я теперь то и дело перечитываю её как собственный дневник.

«Есть в России заслуженный профессор Николай Степанович такой-то, тайный советник и кавалер; у него так много русских и иностранных орденов, что когда ему приходится надевать их, то студенты велича-

ют его иконостасом. Знакомство у него самое аристократическое; по крайней мере за последние 25-30 лет в России нет и не было такого знаменитого учёного, с которым он не был бы коротко знаком. Теперь дружить ему не с кем, но если говорить о прошлом, то длинный список его славных друзей заканчивается такими именами, как Пирогов, Кавелин и поэт Некрасов, дарившие его самой искренней и тёплой дружбой. Он состоит членом всех русских и трёх зарубежных университетов. И прочее, и прочее. Всё это и многое, что ещё можно было бы сказать, составляет то, что называется моим именем.

Это моё имя популярно. В России оно известно каждому грамотному человеку...»

Практически это и обо мне! Разве что официальный устаревший чин *тайный советник* надо поменять на нынешний неофициальный титул «литературный генерал», учёного на писателя, а Пирогова, Кавелина и Некрасова на Леонова, Астафьева и Рождественского...

Правда, в отличие от того Николая Степановича, я не профессор-медик, а профессор-литератор – преподаю в Литературном институте, автор нескольких романов (два-три из которых неизменно входят в списки «классических» произведений XX века, переведены на многие языки), главный редактор «толстого» журнала, секретарь правления Союза писателей России...

И ещё я разнюсь с замшелым моим тёзкой из XIX века, который сам себя называет стариком, портретами. У меня, слава Богу, в мои 62 года нет ни лысины (так, еле заметная проплешина и даже седины чуть-чуть), ни хронического *tic'a*, ни хронической трясушки рук и головы (разве что с большого похмелья), ни *старчески мертвенных морщин*, зубы мои почти все целы, грудь совсем не впалая и спина не узкая. И, думаю, ни у кого при взгляде на меня пока ещё не возникает *внушительная мысль*, что-де я собираюсь вскоре умереть.

А впрочем, может быть, я уже излишне хорохорюсь и бодрюсь? Надо признать, в последние года два я очень сильно сдал, – с тех пор, как формально стал пенсионером. Я почувствовал вдруг безмерную внутреннюю

усталость (тому были другие причины – но о них потом), стал безобразно много пить, перестал поддерживать форму, утратил наслаждение движением. А ведь ещё года два-три тому я на даче то и дело наматывал по 15-20 километров в день на своём скоростном велосипеде «Stels», зимой регулярно катался на лыжах, по утрам делал зарядку и принимал контрастный душ...

Куда всё делось?!

Но всё равно и сейчас ещё в свои лучшие трезвые дни я держу себя молодцом, быть стариком не соглашаюсь. Я хорошо знаком с вечно молодым «пастухом» Зельдиным и когда при встречах пожимаю его крепкую руку или, тем более, когда вижу, как он поёт и танцует в ж и в у ю, всегда думаю: «Господи, а я ведь моложе его на тридцать с лишним лет!»

Действительно, ну разве можно в шестьдесят два записываться в старики?! Меня вот это сейчас более всего и поражает в «Скучной истории»: Чехову было в момент её создания менее 30, основному прототипу героя, профессору Бабухину, – немногим за 50... Чего уж было так специально старить Николая Степановича, вернее, подчёркивать его именно старческую дряхлость?! Конечно, профессор чем-то сильно болен и предполагает через полгода вовсе уйти в мир иной, но смертельная болезнь и старческая возрастная дряхлость – вещи-понятия всё же разные. И ведь как достоверно и убедительно молодой Чехов передал мысли, ощущения, состояние старого, уставшего от жизни человека! Это подтверждали и читатели-ровесники главного героя вроде Плещеева и Льва Толстого...

Но если поразмыслить и сопоставить кой-какие обстоятельства и факты, то удивляться здесь особо нечему. Первое: Чехов, как и положено Писателю (без претенциозной большой буквы здесь не обойтись!), в момент создания произведения, тем более в форме исповедальных *з а п и с о к*, полностью перевоплотился в своего героя, начал жить его жизнью, чувствовать его чувствами, болеть его болями и болезнями. Иными словами, «Скучную историю» написал не Антон Павлович Чехов, а именно и непреложно сам Николай Степанович *такой-то*. Можно назвать этот приём перевоплощением, выступлени-

ем писателя под маской, но ещё вернее будет сказать, что в момент создания «Скучной истории» не было Чехова, а был профессор Николай Степанович – писатель-гомункул. В таком же ключе написаны-созданы, скажем, «Журнал Печорина», «Записки из подполья», «Театральный роман»...

Пытался вспомнить-привести пример из нынешней нашей словесности – на ум приходит разве что «Портрет и вокруг» Маканина да мой роман «Фармацевт». Жанр-приём чрезвычайно трудный и редкий!

(Замечу в скобках, что бывают случаи, когда писатель не создаёт в произведении другого автора, а как бы дублирует самого себя, как, например, Горький в автобиографической трилогии, Гарин-Михайловский в своей тетралогии или нынешний Лимонов почти во всех своих произведениях, и здесь, конечно, не вызывает сомнения тождественность почти полная между автором и автором-героем в главных чертах характера и поступках. Это совсем другой литературный приём, и он сразу понятен-виден любому искушённому читателю.)

Но, возвращаясь к «Скучной истории», перевоплощение автора в героя – только одна сторона дела. Вторая: Чехов явно принадлежал к тому типу людей, биологический возраст которых намного опережает их возраст календарный. На последних своих портретах (да и по свидетельствам современников) он выглядит намного старше своих сорока с небольшим лет, и, доживи он до 62-х, можно не сомневаться, выглядел бы и ощущал себя глубоким стариком, – в точности, как Николай Степанович. К слову, в самой ранней юности у Чехова в домашнем кругу среди прочих было прозвище Старец и один из многочисленных его псевдонимов в юмористике соответствующий – Юный старец.

И кто ж теперь, кроме Господа Бога, может знать, где здесь следствия, а где причины: то ли Антон Павлович сумел так проникнуться жизнью героя-старика потому, что сам взрослел-старился стремительно (год за два!); то ли он так рано состарился и умер потому, что постоянно внутренней жизнью, сознанием обгонял свой возраст и время? Чехов проживал, вот именно, год за два и в 44 года

оставил после себя наследие по значению, да и по объёму не меньше Достоевского (59 лет), Тургенева (64), не говоря уж о Куприне (68) и Бунине (83).

Я же, наоборот, всегда выглядел значительно моложе своих лет. И, к стыду своему, признаюсь, что чрезвычайно этим гордился. Точно в этом есть моя заслуга. Она, заслуга, разве в том, что я сам себя не считал (и не считаю!) стариком, бодрюсь и пыжусь изо всех сил, подтягиваю живот, делаю по утрам зарядку; да ещё и в том, вероятно, что с юности и до недавнего ещё времени был довольно умерен (не по-писательски!) в вине и табаком баловался только в подростковом возрасте.

Но всё же гордиться-чваниться молоджавостью мне, писателю, после рассуждений о наследии классиков довольно смешно. Последняя моя книга вышла семь лет назад, к моему 55-летию, и – как отрезало. С тех пор я практически ничего не создал. Мои студенты, самые язвительные, злорадно констатируют: мол, исписался старик! Они меня, несмотря на мою молоджавость, конечно же, держат за старика...

А вот бессонница – да-а-а... В этом я того Николая Степановича очень даже понимаю. Всё, что написано мною – написано по ночам. Но если раньше, когда всё это писалось-создавалось, я с наслаждением отрывал время от сна, мог, позабыв о времени, прокорпеть за столом до рассвета, то теперь бессонница, хоть и не каждую ночь, но когда я трезвый или с похмелья тоже привязывается ко мне. Как и прежде, по привычке, ровно в полночь я раздеваюсь и ложусь в постель. С женой мы теперь, с тех пор, как сын с глаз долой съехал-перебрался окончательно на дачу, обитаем в разных комнатах. (Впрочем здесь дело не только в сыне, но об этом после...) Я долго ворочаюсь в постели, но, в отличие от тёзки, в такие бессонные ночи вовсе не могу заснуть. Поворочавшись, встаю, завариваю на кухне в большой кружке пакетиковый зелёный чай, вскрываю плитку тёмного шоколада (моё любимое лакомство), иду в свою комнату, включаю опять компьютер, запускаю Word, открываю файл с текстом, который сам именую «новым романом», тупо смотрю с полчаса на экран, поправляю одно-два слова...

Голова начинает от напряжения болеть, я чертыхаюсь и, закрыв-спрятав текст, с облегчением выхожу погулять по свалкам Всемирной Сети или запускаю «Паука» – раскладываю виртуальный пасьянс. Порой я выключаю компьютер и что-нибудь читаю без всякого интереса. Так, недавно в одну ночь я прочёл машинально целую книгу под странным названием «Как я съел собаку».

Но часа в четыре утра я всё же отрываюсь с красными глазами от монитора или книги, принуждаю себя лечь в постель и худо-бедно засыпаю.

Это – в лучшие ночи. В худшие, я, помаявшись в ночном бессонном одиночестве, достаю из заначки бутылку своего любимого белого мартини, решаю выпить лишь один бокал, но, как правило, увлекаюсь, допиваю бутылку до конца, конечно же, после этого погружаюсь в мучительные сновидения и с тоскливым осознанием, что наутро мне будет скверно...

Кстати уж выскажу здесь крамольную мысль: людям стоило бы спать по 12 часов в сутки. Когда я слышу или читаю, как какой-нибудь недоумок утверждает-пропагандирует, что-де спать надо как можно меньше, мол, на сон уходит часть жизни, и сам он спит по пять-шесть часов, не больше, – я раздражаюсь. Подумаешь, Чехов какой выискался или Менделеев! Да подавляющее большинство людей всё время, свободное от сна, занимаются тем, что губят собственное здоровье и, вот именно, как раз сокращают свою жизнь, а попутно портят-уничтожают окружающую среду-природу. Нет, я твёрдо убеждён: когда человек спит, он, по крайней мере, не мучается сам и не мучает других людей. Сам я, когда изредка, в болезни или от большой усталости, умудряюсь спать подряд часов девять, а то и десять – я счастлив. Какие ясные, какие светлые грёзы снятся в таких долгих дремах!..

Часов в шесть закрытую дверь моей комнаты начинает терзать когтями и утробно мявкать наш кот Фарисей. Я лишь перевоорачиваюсь с боку на бок, осаду выдерживаю. Но вскоре на кухне, которая от меня через стенку, начинают звякать посудой и бубнить жена с дочерью. Я всё же, зарывшись с головой в одеяло, ещё раз умудряюсь задремать и

обыкновенно не слышу, как Лера убегает, по привычке опаздывая, на работу.

Около девяти дверь моя тихонько приоткрывается, жена вполголоса спрашивает:

– Ты ещё спишь?

Если я не откликаюсь, она дверь затворяет, при этом ворча:

– Сам же говорил, чтобы в девять будить...

Я на всякий случай ещё раз мысленно пролистываю план дня: в институт сегодня к одиннадцати, в редакцию можно к трём... Спешить некуда. Я позволяю себе ещё полчасика покемарить.

Потом мы сидим с моей Лидией Петровной на кухне, с неохотой пьём чай. Она – потому что уже пила его с Лерой; я – понятно почему. Жена говорит без остановки, хотя я бы с удовольствием посидел в тишине, подумал свои куцые думы.

– Нет, ну ты представляешь, Фарисей опять изодрал диван в гостиной! Нет, надо всё же обрезать ему когти...

Нашему рыжему коту-патриарху уже почти 17 лет. (В книгу Гиннеса пора!) Для нас он давно уже не то что третий ребёнок, он самое родное и близкое существо, так что все эти разговоры про отрезание когтей – пустое сотрясение воздуха.

– Надо его вообще усыпить, – говорю я.

– Ты опять не в духе? – тревожится жена. – Что-нибудь болит?

– Душа болит, – кривлюсь я и решительно отталкиваю чай. – Знаешь, я всё же выпью лучше пива?

Звучит это как вопрос, но мы оба знаем, что это утверждение. Лида морщится, но я достаю из холодильника литровый баллончик «Очаковского», наливаю в кружку, жадно пью. Жена смотрит. Вся её грузная фигура, расплывшееся лицо выражают осуждение. Плевать! Это раньше, когда Лида была той самой тоненькой Лидой, которую я страстно полюбил за хороший, ясный ум, за чистую душу, красоту и, как Отелло Дездемону, за «состраданье» к моему творчеству, – вот тогда я боялся лишний раз расстроить её.

Желая всё же сдуть мой поднимающийся тонус, она сообщает:

– Представляешь, Лера себе ещё и верхнюю губу проткнула, вставила туда кольцо...

– Как же она теперь со своими сусликами целоваться станет? – усмехаюсь я.

Усмешка моя горька. Дочь вроде не дура, пошла по стопам матери в журналистки, устроилась с недавнего времени в «Московский комсомолец», но никак не повзрослеет. Ей уже 28, но по виду она тоже очень даже отстаёт от своего возраста, ссылаясь теперь на то, что в газете ведёт тему тинейджеров. Именно поэтому-де она вся в пирсинге, тату, красит волосы в ярко красный цвет, пьёт пиво прямо из бутылки, курит и исповедует свободную любовь. Как-то в Интернете я наткнулся случайно на её фотографии в стиле «ню»: смотрит спокойно в объектив, позирует... Зачем? А недавно я слышал, как она разговаривала с кем-то по мобильнику: «Ну ты, блин, ваще!.. Твою мать!.. Зашибись!.. Пошёл на хер!..» Я поплотнее прикрыл дверь своей комнаты и включил приёмник погромче. Говорить с ней, особенно в последнее время, невозможно – на любое замечание один ответ: мол, ты, папочка, своих молодых подружек учи...

Слава Богу, Валерия подписывает свои материалы фамилией матери и вообще не афиширует, что она моя дочь. Хотя на это у неё ума хватает.

– Ты в выходные не поедешь со мной на дачу? – спрашивает безнадежным тоном жена. – Поговорил бы с Димой... Ему нельзя там одному жить – неужели ты не понимаешь?..

Понимать-то я понимаю, да что толку. Дмитрий, сын, ему 25, погибает окончательно. Я это знаю. И от бессилия порой, закрывшись в комнате, тихонько плачу. Он бросил университет на втором курсе (тоже пытался стать журналистом), буквально добровольцем отправился служить, попал на Кавказ...

Прошло уже три года, Дима сейчас почти не хромает, но вот именно часто болен тис'ом – порою правое веко у него начинает странно дергаться, словно он подмигивает. В такие минуты лучше с ним не разговаривать и вообще лучше отойти подальше... Впрочем, я и так его в эти три года видел редко, а теперь и вовсе почти не пересекаемся. На что он живёт, я не знаю. Знаю только по рассказам-стонам жены, что он шляется по ночным клубам да ресторанам. Я всё надеялся,

что Дмитрий перебесится, упьётся вдоволь и остановится, а он начал нюхать всякую дрянь, курить, а потом и колотиться. Жена пробовала уговорить его лечь в клинику – бесполезно...

– Нет, радость моя, – говорю я устало, – никуда я с тобой не поеду. Гене я скажу – он тебя отвезёт. А мне поработать в выходные надо – ты же знаешь, роман к Новому году хочу дописать...

Лида скептически поджигает губы: знаешь, мол, как ты роман пишешь.

– Кстати, деньги в доме совсем кончились. Вам, что же, зарплату вчера не дали?

– В институте сегодня дадут, а в журнале – к концу недели...

Я быстро допиваю пиво, встаю из-за стола и спешу в свою комнату-берлогу. Как же мне всё это надоело! Меня, кстати, более всего бесит вот это постоянное и непрерывное повторение одних и тех же слов, предложений, фраз, мыслей, мнений, суждений. Все вокруг говорят и повторяют одно и то же изо дня в день.

Вот ведь на что жизнь уходит-сжигается – на повторение и на выслушивание одного и того же...

Не-вы-но-си-мо!

II

В половине одиннадцатого я выхожу из дома и пешком отправляюсь в институт. Живу я на Малой Дмитровке, так что ходу неспешным шагом всего с четверть часа.

Середина декабря, а первый снежок только-только выпал. И от этого дышится даже и в самом центре Москвы как-то легко. Прохожу мимо памятника Пушкину в белой шапочке, смотрю на него, киваю головой: «Привет, Александр Сергеевич!» На лавочке рядом с ним мы когда-то, бездну лет назад, любили сидеть с Лидой. Целоваться прилюдно тогда не было принято, но мы не меньшее счастье-потрясение испытывали от соприкосновения наших рук... И ведь были мы не так уж и молоды – ей 30, мне 32, а вели себя как подростки. Господи, ну неужели и это всё было?!

Раньше я, выбравшись из толчеи подземного перехода, продолжал путь по Боль-

шой Бронной, но с тех пор, как в правом углу площади вместо привычного кафе открыли «Макдональдс», предпочитаю идти к институту по Тверскому. Когда я был добродушнее, эта американская забегаловка с её дебильными гамбургерами, чизбургерами и картошкой фри, переполненная снобствующей публикой (приобщились к западной цивилизации!), напоминала мне муравейник, теперь же эта картина вызывает у меня совсем отвратные ассоциации – громадный труп койота в месиве червей-посетителей. Бр-р-р!

Настроение у меня ни к чёрту, так что я вполне, кажется, готов вслед за чеховским профессором начать брюзжать по поводу мрачного неухоженного вида институтских ворот, построек, сада...

Да, и здание Литинститута, и старое здание университета на Моховой, где преподавал мой тёзка и где мне доводилось бывать не раз, – за минувшие сто с лишним лет новее и, может быть, ухоженнее не стали, но теперь аура истории всё скрашивает-смягчает. *На свежего мальчика, приехавшего из провинции и воображающего, что храм литературы и в самом деле храм*, ворота и здание Литературного института («Дома Герцена») производят очень даже *здоровое впечатление*. К слову, второе здание университета на Моховой, где располагается факультет журналистики и где училась, а потом работала моя жена, где учились и мои дети, внутри действительно производит впечатление неприглядное, оно ещё в студенческие годы Лиды обветшало без капремонтов изрядно, но она до сих пор вспоминает-подчёркивает с гордостью, что училась и работала именно в этом старом здании университета, а не в современных высотках и стекляшках на Ленинских сиречь Воробьёвых горах. У меня же, слава Богу, и альтернативы не было: здание у Литинститута одно, так что и в студенческие, и в аспирантские годы я учился-обитал в благодатной атмосфере, где витают тени Герцена, Гоголя, Белинского, Платонова, Пастернака...

Скоро в углу институтского двора на месте хозпостроек выстроят двухэтажную современную коробку учебного корпуса, и новым поколениям студентов не дано будет ощущать вдохновляющую ауру исторических стен.

Но вот насчёт сада или скорее скверика институтского я с Николаем Степановичем в принципе согласен: лучше бы вместо *чахоточных* деревьев и кустов *росли тут высокие сосны и хорошие дубы*. Под сенью могучего дуба студенты, быть может, сочиняли бы не *ч а х о т о ч н ы е* стихи и рассказы, а совсем даже наоборот.

Первый, с кем сталкивает меня судьба при входе в институт, поэт Рейдер. Вот уж не задался день, так не задался! В нашей творческой альма-матер среди моих коллег вообще на удивление много неприятных особей, но вот именно с Рейдером общаться у меня совершенно нет охоты. Понятно, все мы, пишущие-творящие, мним себя гениями, но не до такой же степени! Во времена оны Рейдер сподобился пообщаться с Бродским и, судя по всему, даже подсказать тому парочку рифм. На этом основании ему придумали (или он сам себе придумал) титул учителя нобелевского лауреата. Сам Рейдер пишет-выдаёт километрами рифмованную чушь, не найдёшь в его «поэзии» ни единой запоминающейся строки, но его печатают, издают, включают во всяческие антологии, награждают премиями, пригласили вот в Литинститут новых Бродских пестовать. Он и держит себя соответственно – мэтр из мэтров.

Да и ладно бы, чёрт с ним, но меня уже окончательно достала его чисто еврейская бесцеремонность. Ну неужели не видно, что человек не хочет с ним общаться, разговор поддерживать – нет, руки расставил, лицо расморщил в улыбке, с объётыями лезет:

– Николай Степаныч, голуба, здрасте! Вы видели в «Литературке»? Что творят, а? Я им цикл из тридцати стихов дал, самое свежее, а они только десять опубликовали... Нет, пора Полякова гнать в шею!..

Минут десять я стою на лестнице, переминаюсь с ноги на ногу и выслушиваю эту галиматью, то и дело гмыкая или протягивая неопределённо: «Мда-а-а...»

Наконец у Рейдера звонит мобильник, он отвлекается, и я, воспользовавшись моментом, спасаюсь бегством. Между прочим, этот Рейдер публикует в той же «Литгазете» фрагменты своих «мемуаров» именно о том, как он уже в юности бесцеремонно доставал извест-

ных людей: например, однажды без приглашения и вообще предупреждения припёрся домой к Николаю Глазкову знакомиться, и тому только через полчаса чуть ли не силой удалось выставить непрошенного гостя за дверь; в другой раз юный Рейдер, столкнувшись случайно с Зощенко, тут же напросился к нему гости, хотя и сам сразу понял-разглядел, что больному уставшему писателю совсем не до гостей. И ведь припёрся таки к Зощенко домой, сидел и мучил автора «Аристократки» до упора...

Уже поднявшись по лестнице, я вдруг вспоминаю, что ведь сегодня у меня семинар на ВЛК (вот память стала буксовать!), чертыхаясь, возвращаюсь на улицу, перехожу двор к флигелю, где располагаются Высшие литкурсы и заочное отделение. Слушатели уже ждут меня. Правильнее было бы именовать их курсантами, но так сложилось, что официально они – слушатели Высших литературных курсов; в обиходе – взэлкашники. Десяток мужиков (многие уже с сединой, чуть ли не мои ровесники) и две дамы неопределённого возраста и, как это бывает зачастую у литературных дам, с проблемной внешностью. Уже давно стало общим местом утверждение, что Литературный институт писать-творить не научит. Даже по окончании диплом выдаётся с неопределённо-размытым обозначением статуса-профессии: «литературный работник». А чего бы, казалось, не вписать – «прозаик», «поэт», «драматург»? Или, того чище, – «талантливый прозаик», «гениальный поэт», «профессиональный драматург»? Чего стесняться-то?!

Понятно, что из ста выпускников Литинститута благо если два-три через десяток лет будут что-то значить в текущей литературе, печататься и издаваться, что называется, активно участвовать в литпроцессе, формировать этот процесс. Для чего учились остальные? Где они и что делают? Вот я, выпускник середины 1970-х, порой в тоскливую минуту оглядываюсь на литературном пустынном поле текущего XXI века, прикладываю ладонь к глазам, до боли всматриваюсь: ау, соратники-сокурсники, где вы? Есть ли в поле жив человек? Вместе со мной диплом «литературного работника» получили 85 человек,

35 лет минуло (вся творческая жизнь Чехова уместилась в 25 лет, Лермонтова – в 15!) – ни единый, кроме меня, не поставил хотя бы одну заметную книгу на полку российской словесности.

И скучно и грустно, и некому руку подать...

С ВЛК, казалось бы, картина совсем другая. Сюда принимают людей, уже чего-то добившихся в литературе, имеющих корочки Союза писателей, можно сказать, профессионалов. У них лишь один пробел: нет высшего филологического образования – крестьяне и пролетарии. Им и выдаётся через два года учёбы свидетельство, что они прослушали курс наук, подтянулись по грамотности до выпускников гуманитарных вузов. Но и здесь, на ВЛК, общая картина-ситуация и прежде радовала мало, а ныне, когда курсы стали платными, дело вообще швах. Ну нет слушателей уровня Айтматова, Астафьева, Белова – прежних славных выпускников.

Итак, сидят мои подопечные, ждут. Лица у многих взэлкашников помятые. В комнате явно ощущается запах перегара. У меня опять начинает болеть голова, настроение ещё более понижается. Сегодня мы обсуждаем творчество (а если говорить обыденным слогом – литпотуги) Олегова – сорокалетнего сноба из Баранова. Впрочем, почти все взэлкашники и уж тем более студиозусы – они все снобы. Так что для разминки я пытаюсь хотя бы чуть сбить с них эту авансом выпестованную спесь.

– Друзья мои, коллеги, – говорю я деловито, – сейчас я зачитаю-назову вам ряд имён прозаиков: определитесь сами для себя, кого из них вы считаете настоящими состоявшимися писателями. Итак: Юрий Доброскокин, Людмила Репина, Валерий Болтышев, Сергей Марков, Николай Дорошенко, Алексей Кирилин, Георгий Караваев, Юрий Вяземский, Николай Скромный... Ну и так далее.

По мере чтения я то и дело взглядывал на слушателей и видел-замечал, как недоумение всё явственнее проступает на их лицах. Они молчат, потом тот же Олегов неуверенно говорит:

– Марков – это который «Сибирь» написал, что ли?

Одна дама полупрошекает:

– Николай Дорошенко – редактор «Российского писателя»? А он разве прозаик? Я думала поэт...

– Нет, друзья мои, – с непонятным мне самому торжеством говорю я, – Марков, не который «Сибирь», и Дорошенко вовсе не поэт. Это всё имена из статьи «Первые шаги» с подзаголовком «О прозе дебютантов 80-х годов» критика Владимира Куницына, опубликованной в сборнике «Молодые о молодых» почти четверть века назад.

Я демонстрирую аудитории пухлую книжицу в розовой обложке.

– Первые книжки всех этих прозаиков вышли тогда в крупнейших столичных издательствах, и Куницын, на полном серьёзе разбирая их, делал вывод, что-де лет этак через 10-15 именно вот эти «писатели» и будут делать погоду в русской литературе... Почти двадцать пять прошло!

Помолчали.

– Ну-с, – нарочито бодро прерываю я философский момент, – приступаем к разбору новой повести Олегова...

Да-а-а, бедолаге не повезло. Вээлкашники и прежде бывали не особо доброжелательны при разборе-критике опусов друг друга (Иероним Ясинский отдыхает!), а уж сегодня и вовсе стараются размазать повестушку Олегова «Раздольные поля» и её автора...

Откровенно говоря, мне дела нет до чернозёмных полей и неинтересно, чего там о них, повторяя зады почившей в бозе деревенской прозы, в очередной раз наврал бездарный Олегов. Я почти не вмешиваюсь, сижу, думаю о своём. Сейчас приду в редакцию журнала, там Саша...

Но после семинара сразу уйти не удаётся: на выходе из аудитории я сталкиваюсь нос к носу с Иваном Владимировичем Павлиновым, завкафедрой теории литературы. Он бывает-находится в двух состояниях – трезвым или не очень. Если трезв, с ним общаться трудно, да он и сам в такие часы не охотник до разговоров, мизантроп. Ну а если Иван Владимирович подшофе, вот как в данный момент, – это очень даже милейший и остроумный, впрочем не без желчи, человек. И вообще он достоин если не восхищения, то удивления. В свои семьдесят с довеском Пав-

линов даст мне сто очков форы в, я бы сказал, жадности до жизни и бодрости. Вот уже более двух десятков лет он, помимо кафедры в Литинституте, председательствует-княжит в одном из писательских союзов, возглавляет журнал «Столичный вестник» и газету «Литератор», плюс к этому совмещает ещё пять-шесть должностей в различных секретариатах, редакциях, президиумах, продолжая при этом печатать статьи и выдавать книгу за книгой. Признаться, лично я эти его печатные труды одолеть не в силах, как ни пытался, но уже одна неиссякаемая жажда трудолюбия Ивана Владимировича, повторяю, достойна удивления. Я уж не говорю о том, что в свои семьдесят с лишком Павлинов имеет бойкую любовницу на сорок лет его моложе, пишет-сочиняет ей страстные стихи, которые и публикует, несмотря на смешки, в своём журнале и в своей газете.

Впрочем, о молодой любовнице не мне бы заикаться...

Я охотно откликаюсь на приглашение Павлинова заглянуть к нему на кафедру «по делу». Дело выглядит так: початая бутылка «Гжелки», бутерброды с колбасой, сыром и солёные огурцы. Между прочим, может быть, вот именно в этом и начал проявляться возраст Ивана Владимировича: раньше он неуклонно придерживался железного правила: до 18:00 не пить и не опохмеляться. Теперь вот начал позволять себе и среди дня. Может, виной этому, если верить слухам, капитальная размолвка-развод с юной подружкой-музой. Ну а вообще Павлинов принадлежит к тому типу людей, в крови которых алкоголь является необходимым ингредиентом, выполняет функцию горючего, и если такой человек вдруг резко и совсем бросит-прекратит пить, организм, да и вся жизнь его сдуется, словно проколотый воздушный шарик.

Я с удовольствием опрокидываю в себя большую стопку холодной водки, захрустываю огурчиком. Павлинов, тоже глотнув, довольно потирает руки:

– Ну вот и славненько! А то я уже один начал, как алкаш, прости Господи...

– Слышал, – осторожно спрашиваю я, – что ты, Иван Владимирович, опять скоро бу-

дешь баллотироваться на председателя правления в своей писательской?

– А как же! Кому ж я место-то уступлю? Двадцать лет строил, строил, а теперь отдам кому-то? Хрен им! Только когда ногами вперёд вынесут! Ты видел, как меня в «ЛитРоссии» пытаются размазать?

Он ещё плескает в рюмки.

– Да ну их на хер всех! Давай-ка, Николай Степаныч, репетатур, да я тебе свежий анекдотец про нас с тобой расскажу...

Выпиваем, закусываем.

– Слушай. Значит, сидит мужик у психотерапевта и жалуется: «Боюсь, что я теряю свою жену». Тот спрашивает: «Она, что, избегает вас?» «Нет, – отвечает мужик, – совсем нет. Она встречает меня с работы у порога. Всегда готов вкусный ужин. Рубашки все наглажены, носки постираны. Она даже разрешает мне смотреть по телеку футбол и в постели выполняет самые мои извращённые секс-потребности...» Врач поражён: «Так в чём проблема-то?!» «Понимаете, – говорит мужик, – может быть, я слишком чувствителен, но вечером, когда я ложусь спать и жена уверена, что я заснул, она часто шепчет мне в ухо: «Боже, когда ты наконец сдохнешь!!!»»

Я искренне всхлываю, а потом, после третьей и последней рюмки, зачем-то спрашиваю-уточняю:

– А почему это про нас с тобой?

– Да ладно, Николай Степаныч, – машет рукой Павлинов, – наслышан я и про твои семейные дела...

Пока я спускаюсь по лестнице, выхожу, иду к редакционному «Вольво», здороваюсь с водителем Генкой, и мы едем на Арбат в журнал, я всё думаю-размышляю о реплике Ивана Владимировича. Мне неприятно осознание, что и мои внутрисемейные дела вот так же обсуждают-обсасывают, как и бурливую личную жизнь Павлинова.

III

Члены редколлегии уже собрались, ждут меня.

Вернее, это даже не заседание редколлегии, а обычная редакционная летучка. Из ма-

ститых свадебных литгенералов теперь редко кто достаивает своим посещением. Даже я в последнее время ощущаю себя здесь свадебным генералом. Давно бы уже ушёл, да на моё место особо никто и не рвётся: тираж неуклонно тает, финансовые проблемы-болячки, напротив, упорно растут. Фактически всеми делами заправляет мой зам Иванов. Он, может быть, и мечтает занять моё кресло, но понимает, что журнал тогда рухнет-умрёт окончательно: моё имя ещё помогает хоть как-то решать наваливающиеся проблемы и поддерживать имидж «толстяка». Хотя, с другой стороны, в нынешней «толстой» журналистике только и остались два мастодонта с именами, я да Стас Куняев в «Нашем современнике» – «Октябрь», «Знамя», «Новый мир» и прочие столичные «толстяки» как-то без этого барахтаются-выживают...

Когда-то тираж нашего журнала достигал почти миллиона. Благословенные, казалось бы, времена. Но я лично вспоминаю о них с содроганием. Именно тогда, в конце 80-х, началась вот эта вакханалия с печатанием-изданием возвращённой литературы, именно тогда мы, словно недоумки, взялись обжираться до икоты всеми этими откопанными в анналах истории или в эмигрантской литературе «шедеврами». Наелись, как говаривал Шукшин, что дальше?

А дальше выяснилось, что современная словесность загнана на задворки и захирела, молодые да начинающие и вовсе засохли, не успев расцвести, потерялись в необъятных болотах Инета. И самое обидное, что из всей выплеснутой на страницы журналов и книг массы старых имён и текстов, испытание даже небольшим, в десятилетие, сроком-временем выдержали единицы, один процент – несколько вещей Солженицына, Булгакова, может быть, Платонова. А остальное...

Ну кто сейчас из нас, а уж тем более из новых поколений будет читать-перечитывать «Белые одежды», «Детей Арбата», романы Максимова или повести Пильняка? А уж сколько шуму было вокруг их якобы возвращения. Да даже такие вполне серьёзные литераторы, как Замятин и Шмелёв, увы, всё равно остались в своём далёком времени, несмотря на все попытки реанимировать их

наследие. Нет, всё же не от конкретного желания конкретных людей зависит пресловутый литературный процесс и формирование-создание иерархии писательских имён. Уж как ни пытались, к примеру, Есенина с Достоевским задвинуть-забыть при Советской власти, они не задвинулись, не канули в небытие – их и возвращать не пришлось. Как ни возвеличивали, ни обвешивали премиями при жизни Шагинян, Панфёрова или того же Георгия Маркова – классиками они не стали...

Итак, надо лепить из чего-то очередной номер. Лица у моих сотоварищей-подчинённых кислые, огонька – ни в едином глазу. Предстоит скучное обсуждение скучных произведений в очередную скучную книжку журнала. Иванов бубнит-докладывает, что уже есть-скопилось в редакционном портфеле. А там есть: стихов вагон и маленькая тележка, рассказцев и повестушек целый воз, ворох нудной псевдопублицистики. Зато нет: добротного читабельного романа, крепкой профессиональной критики, удивляющих творений молодых...

Общую тональность заседания, как я и предполагал, начинает нарушать Саша, не выдерживает. Вообще-то она не должна присутствовать на редколлегии, но заведомо поэзии лежит в больнице (отравился каким-то пойлом), так что она не преминула заявиться на это сборище. Я старался не смотреть в её сторону, но приходится: речь заходит о поэзии, и Саша деловито предлагает:

– А чего тут думать! Давайте поставим в номер первую пятёрку лучших поэтов современности... – держит театральную паузу. – Вы что, не в курсе? Журнал «Поэзия» опубликовал список из пятидесяти имён под заглавием «Рейтинг современных поэтов».

– И кто же у них в первой пятёрке? – недоверчиво спрашивает Иванов.

– Пожалуйста, – достаёт из сумки журнал. – Станислав Куняев, Юрий Воротнин, Владимир Исайчев, Максим Замшев, Сергей Соколовский.

– Да Куняев давно уже стихов не пишет!..

– А остальные – это кто?..

– Они что, всё это серьёзно?..

– Маразм крепчает!..

– Просто анекдот!..

– Дебилизм!...

Возгласы-реплики сливаются в общий шум, однако журнал переходит из рук в руки, Иванов и другие пииты жадно шарят по списку, отыскивая себя.

Судя по всему, не находят.

– Кто же этот рейтинг составил? – встречаю я. – И отчего это в первых рядах нет самого Котюкова?

– Ранжир составлен по заказу редакции Институтом независимых экспертиз при участии Центра Интернет-мониторинга, – глядя мне прямо в глаза, зачем-то зло чеканит эту абракадабру Саша. – А главный редактор «Поэзии» Лев Котюков попросил не включать его в данный список...

– Что ж, – бормочу я, – хоть на это ума хватило...

Агрессивность Саши мне не совсем понятна, и она, эта агрессивность, неприятна мне, давит, вгоняет в ещё большую хандру. Мы с ней до сегодняшнего дня долго, недели три, вообще не общались...

Оказывается, это ещё не всё. Когда дело доходит до прозы, Саша встречается опять:

– Я хочу вниманию уважаемых членов редколлегии предложить суперсовременную вещь молодого автора. Называется «Животная любовь», по жанру – «email-роман»...

– Какой, какой роман? – останавливает Иванов.

– Емэйл... – поясняет Саша. – Эпистолярный, по старинке говоря. Большая часть текста – переписка по электронной почте двух любовников. Он – известный писатель; она – начинающая поэтесска. Разница в возрасте тридцать пять лет. Фонтан чувств, раскованный стиль. Читатель как бы сам переживает все перипетии романа старпера и нимфетки. Разделы-главы названы соответственно: «Прелюдия», «Коитус», «Оргазм», «Релаксация»...

Иванов не врубается, хотя по углам уже раздаются явственные смешки:

– Да кто автор-то?

– Я.

Минута молчания.

Продолжать заседание нет ни смысла, ни желания. Я прошу Иванова в рабочем порядке завершить работу над составлением номе-

ра и остаюсь один. Достая из сейфа мартини, наливаю почти полный стакан, залпом выпиваю. Руки дрожат, вермут пресен и слишком тёпл. Можно держать бутылку и в холодильнике в приёмной, но мне не хочется, чтобы Людмила Ивановна, моя секретарша и верная помощница, фиксировала каждый выпитый мною глоток – ворчунья почище Лидии Петровны. В организме ещё не до конца перебродила павлиновская водка, так что тёплый мартини душа встретила с удивлением. Я уж не говорю о животе. Назло и душе и животу налил ещё полстакана и впихнул в себя. Ничего, сейчас полегчает...

Саша – это моя Катя. Только ей не 25, а уже 28, и воспитанницей моей в прямом смысле слова она никогда не была. Хотя... Да, три года назад, когда у нас всё началось, она была как раз ровесницей чеховской героини и в какой-то мере моей воспитанницей. Точнее сказать – студенткой-дипломницей. Училась она все годы на отделении поэзии, была на курсе не последней. Её стихи публиковались во многих центральных изданиях, вышло два сборника. На мой взгляд, когда я начал постигать её поэзию, Саша чересчур увлекалась формой, внешними эффектами, словесной эквилибристикой. Впрочем, эта болезнь многих молодых и небесталанных. Материала жизненного, опыта, накопленных радостей и страданий не хватает, вот и приходится уравнивать это блеском оформления, загадочностью слов. Основное содержание двух поэтических книжек Саши исчерпывалось её первой взрослой любовью, каковую пережила она в промежутке между школой и институтом. Судя по стихам, всё, как и мириады раз до этого, началось с внезапно вспыхнувшей страсти на школьном выпускном вечере между Сашей и её одноклассником, с которым до этого они просто приятельствовались, потом – попытки жить вместе, быт, нехватка денег, вырождение страсти в утомительный секс, разрастание мелких ссор до диких скандалов и взаимных измен...

Я лично стихи Саши воспринимал с трудом, хотя и видел-замечал в них мерцание огонька. Я обычно просил её растолковать мне ту или иную строку, тот или иной образ, она обижалась, начинала сердиться, подозре-

вать меня в попытке иронии и даже издёвки. Но я и правда не мог, например, сразу осознать-представить, что такое «окна кляпами впились» или «стебли острее звёзд».

Но она сама в конце концов поняла-решила, что рамки поэзии ей тесны, что уже началось хождение по кругу. Как-то подошла ко мне в коридоре института, представилась, попросила: мол, я из семинара Рейдера, но очень хочу послушать, как обсуждают друг друга прозаики – нельзя ли поприсутствовать? Да отчего же, пожалуйста! Хоть девушка и не отвечала моим параметрам женской красоты, но вполне симпатичная худенькая брюнетка с мальчишеской причёской, тёмными блестящими глазами, и, самое главное, какие-то волнительные биотоки-флюиды, исходящие от её юного тела, видимо, проникли в мой организм, в мою уставшую от одиночества душу...

(Вот сейчас поймал себя на том, что задним числом подвожу какую-то платформу под начало наших отношений. Боже мой, да, конечно же, я при первой встрече и не думал смотреть на неё «мужским» взглядом – студенточка, девчушка, ровесница моей дочери!)

Александра начала посещать мои семинары, а затем и решила защищать у меня диплом. С прозой её тоже не всё было гладко. И здесь Саша увлекалась внешними эффектами, ей хотелось поразить потенциального читателя изысканностью фразы, непонятным словом, вычурностью сюжета. Я, конечно, пытался её урезонивать, но всякую критику Саша встречала в штыки, реагировала на замечания болезненно, редко соглашалась что-либо править-улучшать. На её взгляд, правка только ухудшала бы её творения.

– У вас, Николай Степанович, уж простите, устаревшие взгляды и подходы, – выговаривала она мне ещё в начальный период наших отношений, когда мы были ещё в связке преподаватель-студентка. – Вы заикнулись на Чехове. И затормозились на нём же. Чехов по стилю несовременен. Сейчас вот так просто, как он, писать нельзя – лажа получится...

– Это «Скучная история» написана просто?! Или «Дама с собачкой»?!! «Студент»?!!!

Смешно, но я начинал спорить как мальчишка, в запальчивости говорил порой глупо-

пости, на полном серьёзе дулся-обижался, но, вероятно, вот эти мои провалы-падения в мальчишеское состояние как бы уравнивали нас в возрасте, сблизили...

Мой организм действительно чувствует себя бойчее. Я выпиваю-добавляю ещё добрый глоток, зажёвываю «Орбитом» и отправляю Саше эсмэску: «Можешь зайти?». Через несколько минут заходит. Садится в кресло у окна, демонстративно закидывает ногу на ногу. Я удерживаюсь, чтобы по привычке не сделать замечание (ну ведь вредно это, особенно для женских ног!), переставляю-перекладываю на столе бумаги, ручки, мобильник. Прокашливаюсь. Кислым голосом спрашиваю:

– Саша, ты что, и в самом деле написала-составила роман из мэйлов?

– В самом деле. Причём *написала* – *составила* его, Николай Степанович, из *наших* мэйлов. Вы это слово почему-то пропустили.

Ясно, если она подчёркнуто на «вы» и по имени-отчеству – разговор вряд ли получится.

– Зачем?

– Облом! Я думала, моему наставнику и учителю интересно будет в первую очередь *как* я это сделала.

– Мне интересно и как, и зачем, и почему! И вообще, ты можешь мне объяснить, что происходит?

– Где? С кем?

– Саша, – я стараюсь говорить спокойно, – ведь это ты меня оставила... Ты! И теперь почему-то на меня же и злишься... Я-то в чём виноват? Ты бы знала, что я пережил в эти два последних года...

В голосе моём проступает-слышится постыдная слёзная дрожь. Я закрываю глаза, до боли сжимаю голову руками.

– Знаю, всё я знаю... – слышится сквозь шум в висках её усталый голос.

Проходит в молчании минута, другая. Слышен лёгкий стук двери. Я остаюсь один.

На следующий день я проснулся больным.

Сначала я решил-подумал, что это всего лишь пошлое похмелье, но вскоре понял, что это не так. Опять, уже не в первый раз за последние два года скрутила меня какая-то

неведомая хворь: странная блуждающая боль то ли в правом боку, то ли в пояснице, то ли в паху, лёгкая температура, слабость... Ни рентген, ни УЗИ, ни анализы внятно врачам ничего не подсказывали – вроде бы камни в почках и желчном пузыре. Жена, коллеги и даже дочь Валерия советовали лечь в платную клинику, пройти полное обследование, томографию. Я отшучивался, я отнекивался, я оттягивал с этим как мог. И на этот раз я решил-понадеялся отсидеться дома, отлежаться недельки две.

Тем более, что пора было действительно продвигаться с новым романом, который я мусолил уже третий год.

IV

Через неделю, в ясное морозное утро, почувствовав себя значительно бодрее, я после завтрака сажусь за компьютер. Но *работаю с перерывами, так как приходится принимать посетителей.*

Слышится звонок. Бубнёж жены и чей-то мужской голос, потом дверь приоткрывается – голова Лидии Петровны:

– Прости, но к тебе профессор Павлинов.

В моих коллегих-соратниках по институту, журналу, секретариату СП жена моя почему-то ценит не их писательский статус, а должностные звания: для неё они в первую очередь профессора, замредакторы, секретари или председатели.

Я вздыхаю, выкликаю на монитор заставку-аквариум, леплю улыбку на лицо, встаю навстречу гостю. Иван Владимирович пытливо всматривается в меня сквозь затемнённые очки, ставит пухлый портфель на стул, раскрывает объятя, но, вспомнив, что я болен и мять меня нельзя, просто протягивает руку, сочно цокает румяными губами:

– Да ты, Николай Степаныч, вполне! Огурчик! А говорили – чуть не при смерти...

Он оглядывается на закрывшуюся за Лидией Петровной дверь, заговорщицки кивает на портфель:

– А?

Я пробую сопротивляться, заранее зная, что это бесполезно. Напору Павлинова про-

тивостоять невозможно. Тем более, такой повод – Ивана Владимировича накануне переизбрали председателем правления городской писательской организации на новый, уже пятый, срок. Несмотря на то, что вечер накануне, а то и всю ночь Павлинов провёл за праздничными столами, выглядит он как всегда на все сто даже в наших гостевых тапках – чисто выбрит, в белой рубашке, галстук: я в своих домашних джинсах и растянutom джемпере чувствую себя рядом с ним неловко. Чего уж скрывать: я завидую неиссякаемой энергии-бодрости своего коллеги – уж я-то в его годы таким, как выражается моя дочь, «перцем» точно не буду.

Если вообще ещё буду жив...

Выпиваем мы всего по стопочке «Гжелки». Мне и правда нелзя, да и не хочется, а Иван Владимирович и без того опьянён своей победой. Он в подробностях живописует, как ему удалось нейтрализовать главных врагов-оппонентов ещё до начала собрания, не пустить их в зал, как умело он выстроил отчётный доклад... Я слушаю, киваю головой, но чувствую себя не совсем ловко. Я отлично помню статьи в «Литературной России», в «Деловом вторнике», в других газетах, где оппоненты Павлинова очень доказательно с цифрами, фактами и документами рассказывали о махинациях Ивана Владимировича с писательской недвижимостью, о приёме в этот союз людей не за книги и талант, а буквально с улицы за вступительный взнос в несколько тысяч рублей...

Впрочем, и в большом писсоюзе, где я секретарствую, дела творятся ещё те, так что слишком уж морщиться, слушая рассказ Павлинова, мне не пристало. У меня одно оправдание: я не рабочий секретарь, а так, опять же – свадебный. Но бывает, уж признаюсь, до того муторно на душе, когда сижу я в президиуме очередного съезда или пленума нашего писсоюза, слушаю словоблудие с трибуны нашего председателя и рабочих секретарей. Господи, думаю я, да что же я здесь делаю, зачем позорю себя на старости лет? А что здесь делает (он сидит рядом со мной) тот же Валентин Григорьевич Распутин? Он разве не понимает, что и он, и я, и ещё два-три писателя с именем – только лишь авторитетная

дымовая завеса для наших пронырливых писовождей?..

Иван Владимирович наконец иссякает, прячет «Гжелку» в портфель и встаёт. *Провожая гостя до прихожей; тут даже пытаюсь помочь ему надеть дублёнку, но он всячески уклоняется от этой высокой чести. Я делаю вид, что готов идти за ним даже на улицу, но товарищ уверяет меня, что я простужусь. И когда, наконец, я возвращаюсь к себе в кабинет, лицо моё всё ещё продолжает улыбаться, должно быть, по инерции.*

Немного погодя, другой звонок. Слышно, как жена открывает дверь и пытается кого-то не пускать. Визитёр, судя по всему, настойчив. Я выхожу в прихожую и вижу молодого человека приятной наружности. Это мой студент Ерофеев. Я делаю в сторону Лидии Петровны успокаивающий жест, предлагаю визитёру раздеться и пройти. Он снимает дублёнку (шикарнее, чем у меня и даже у Павлинова), колеблясь, смотрит на свои лакированные мокасины. Я, сложив руки на груди, жду. Вздохнув, наклоняется, вжикает молниями, разувается, с сомнением смотрит на тапки под вешалкой, выбирает самые новые. Идёт вслед за мной в кабинет.

– Садитесь, – говорю я гостю. – Что скажете?

– Вы меня простите, Николай Степанович, что решился побеспокоить вас дома и без звонка, – вальяжно говорит Ерофеев, устраиваясь в кресле, – но ведь ситуация безвыходная: если вы не поставите мне зачёт до конца сессии, мне кирдык...

Пауза. Мне приходит охота немножко помучить студента за то, что пиво и ночные клубы он любит больше, чем учёбу, и я говорю со вздохом:

– Смотрите, как интересно: вот вы только что нашли какую-никакую синонимическую замену матерному слову. Почему бы вам в этом направлении ещё не поработать и над текстом? Поработайте, доведите до «печатного» уровня, и я тут же поставлю вам зачёт...

Дело в том, что этот Валерий Ерофеев в качестве курсовой работы сдал текст под названием «Вагинальная рапсодия» в виде дневника 16-летней героини, подробно описывающей свой первый сексуальный опыт.

Само собой, язык раскован до предела, мат на мате и матом погоняет. На семинаре, когда обсуждали это творение, я спросил автора:

– Скажите, Валерий, а вы читали, к примеру, «Здравствуй, грусть» Франсуазы Саган?

Ни сном, ни духом. Нынешние студенты-литераторы, надо сказать, вообще мало начитаны. И это поразительно: испокон веку писатели рождались-вырастали, как правило, из запойных читателей.

– Хорошо, – сказал я, – хотя ничего хорошего в этом нет. Тогда скажите, для чего вы взяли такой сюжет и, главное, зачем, с какой целью так обильно используете в тексте обсценную лексику?

– Какую-какую?

– Обсценную, сиречь – похабную, непристойную, скабрёзную, матерную, ненормативную, непечатную.

– Какая же она непечатная? Её сейчас совершенно свободно печатают. И не только печатают, вон и на ТиВи, и в театре, и в кино...

Что правда, то правда, мат становится обыденной частью сегодняшней речи. Казалось бы, к этому можно уже привыкнуть, но лично у меня, увы, никак не получается. Как испытал я уже лет двадцать тому первый шок на спектакле «Вальпургиева ночь» по Веничке Ерофееву, так до сих пор невольно вздрагиваю и морщусь от каждого услышанного со сцены-экрана или увиденного в книге мата. Публичное демонстративное хамство тогда, в 1990-м, особенно поразило ещё и потому, что творилось-свершалось на сцене театра МГУ, который располагался в здании факультета журналистики в стенах университетской церкви Святой мученицы Татьяны – Лида-дурёха потащила меня с целью похвалиться: вот, мол, какие мы, эмгэушники, лидеры-новаторы...

Меня особенно, помню, потрясло как подчеркнуто лихо и смачно матюгались на сцене девушки-актёрки – это было так отвратно, словно они прилюдно совершали акт дефекации. Мы ушли, не дождавшись перерыва.

Я не ханжа, вполне могу вернуть непечатное слово в смешном анекдоте в мужской компании, но слушать маты из женских или детских уст, со сцены и экрана, видеть-встречать в книгах – увольте. Хотя я вполне по-

нимаю, что выросло уже целое поколение читателей, которым мы, писатели, пишущие н о р м а л ь н ы м русским языком, кажемся пресными, устаревшими, отжившими. И ещё мне порой в голову приходит совсем уж странная мысль: а заговори я со своей родной дочерью матерками, глядишь, мы бы с ней лучше и легче друг друга поняли?..

На семинаре обсуждение «Вагинальной рапсодии» нашего Валерия Ерофеева закончилось, в общем-то, его конфузом. Я в конце концов предложил ему прочесть свой текст вслух. Он в пылу полемики согласился, начал с выражением читать, но на первом же мате споткнулся, как-то скомкал его, проглотил, второй и вовсе застрял у него в горле. Ерофеев отложил распечатку, поёрзал на стуле, попытался сбалансироваться:

– Ну это провокация! Во-первых, такие тексты, конечно, лучше читать про себя, наедине – они на это и рассчитаны. А во-вторых, это же написано от имени девчонки, как-то неловко мне, мужику, читать – не ложится на голос...

– Что провокация – это точно: подобные скатологические тексты (прошу не путать со скотологическими!) всегда провокация. Что касается «во-первых», то на прозе вы ведь не остановитесь, сочините потом и какую-нибудь свою «Вальпургиеву ночь», а её придётся на сцене исполнять-ставить, вслух, публично. Ну а насчёт «во-вторых», попросите вон Машу вместо вас прочесть.

Машенька, белокурая студенточка, уже и без того сидела красная как вишенка, а уж от одного только предложения-предположения читать гнусный ерофеевский текст зарделась до пунцовости и чуть не брызнула слезами. Встречаются ещё реликтовые девушки!

И вот теперь Ерофеев пришёл-заявился мучить меня ко мне домой.

– Извините, мой друг, – говорю я гостю, – поставить вам зачёт я не могу. Подите ещё поработайте над текстом. Тогда увидим.

Я знаю, что зачёт Ерофееву я всё равно поставлю. Помучаю и поставлю. И он это знает. Но ему непонятно, зачем я его мучаю. Он продолжает сидеть и уныло-просительно смотреть мне в глаза.

– Скажите, – зачем-то длю-продолжаю я никчёмный разговор, – вы что же, хотите в

литературе быть всего лишь третьим Ерофеевым? Будете поначалу, как вы и делаете, подписываться «В. Ерофеев», чтобы вас путали хотя бы с Виктором? Для этого и маты подпускаете? Ну а потом что? Нет, я понимаю, есть в истории нашей словесности пример: третий Толстой не потерялся на фоне первых двух, занял своё достойное место, но это всё же исключение из правил. Вам, я думаю, лучше наоборот с самого начала выступать под псевдонимом и пойти своим путём. Что вам эти Ерофеевы и их скандальная слава?..

Я говорю, но по взгляду студента понимаю, что ему глубоко всё это, как они выражаются, фиолетово: мол, да пошёл ты, старый козёл, со своими нотациями!

Мне становится даже обидно и хочется хоть чуть сбить с нахала эту вальяжную спесь:

– И вообще, друг мой, если уж начистоту: по части таланта вам далековато до Венедикта, а по части энергии и пробивной силы – до Виктора. Вам лучше совсем оставить литературу.

Он таки вспыхивает, от смущения или возмущения, вскакивает. Я тоже встаю, развожу руками:

– Что ж, не смею задерживать.

Он нерешительно идёт в переднюю, медленно одевается там и, выйдя на улицу, вероятно, опять долго думает; ничего не придумав, кроме «старого чёрта» по моему адресу, он идёт в плохой ресторан пить пиво и обедать, а потом к себе домой спать. Мир праху твоему, честный труженик!

Третий звонок. На этот раз пришёл отнимать моё время и меня мучить аспирант. Он вздумал лепить диссертацию по Чехову, до Нового года надо подать заявку, поэтому ему хотелось бы поработать у меня, под моим руководством, и я бы премного обязал его, если бы дал ему тему для диссертации.

Миллион лет назад я защитил сначала кандидатскую, потом докторскую по творчеству Чехова, но преотлично помню, что не ходил и не выпрашивал ни у кого тему – она сама в голове родилась и настоятельно требовала изучения, воплощения, развития.

– Очень рад быть полезным, коллега, – говорю я, – но давайте сначала spoёмся относительно того, что такое диссертация.

Под этим словом принято разуметь сочинение, составляющее продукт самостоятельного творчества. Не так ли? Сочинение же, написанное на чужую тему и под чужим руководством, называется иначе...

Визитёр молчит. Я уже намереваюсь, как мой предшественник в XIX веке, закатить лёгкую истерику и даже потопать ногами от негодования, но вовремя понимаю-спохватываюсь, что может усилиться боль в боку, да и бесполезно. Всё равно я дам-подарю ему тему, *которой грош цена, он напишет под моим наблюдением никому не нужную диссертацию, с достоинством выдержит скучный диспут и получит очень даже нужную ему учёную степень, за которую станет получать солидную надбавку к зарплате.*

Ещё звонок. Новый гость, в отличие от предыдущих, хотя бы предупредил о визите по телефону. Да и вообще, можно сказать, я даже рад его визиту. Это один из рабочих секретарей правления СП Коромыслов, и мне приятно, что сотоварищи обо мне, болящем, вспомнили. В руках у Коромыслова помимо сумки-портфеля зачем-то букет красных гвоздик и пакет с апельсинами.

– Надеюсь, гвоздик не чётное число? – пытаюсь шутить я.

– Это от женщин, от наших женщин, – чаштит Коромыслов, – приказали купить и вручить. Говорят: больным положено цветы для настроения.

Мы с Коромысловым до этого как-то особо и не общались. Он из молодых да ранних, ему лет 35, в секретари попал совсем недавно, на последнем съезде и сразу развернул кипучую деятельность: уже опубликовал свою прозу, драматургию, стихи (он, что называется, многостаночник) в «Столичном вестнике», «Подъёме», «Севере», ещё двух-трёх центральных и губернских изданиях. Можно было бы по этому поводу поиронизировать, но, кто его знает, может, действительно, просто две волны – творческая и карьерная – совпали по амплитуде и времени. На меня, впрочем, то, что я видел-читал из творений Коромыслова, впечатления не произвело...

Итак, цветы поставлены в вазу, Лидия Петровна, которая вместе с апельсиновым пакетом получает просьбу приготовить нам

кофе, удаляется на кухню, начинается беседа. Коромыслов, оглаживая чёрную окладистую бородку, степенно рассказывает о секретарских делах-заботах. Дела-заботы эти, признаться, скучны: проблемы с арендой, делёж постов в Литфонде, происки оппозиции в Союзе. Но как-то вдруг разговор перескакивает на очень даже интересную для меня тему – на мой журнал. Оказывается, узнаю я, редактируемый мною журнал самый лучший в России, самый престижный, только в нём ещё сохранился и сохраняется островок настоящей русской литературы, не опоганенной низкопоклонством перед Западом и доморощенным авангардом...

Жена приносит кофе. Я укоризненно (мол, что ж ты, голубушка, сама-то не догадалась?!) прошу её добавить к кофе коньячок и чего-нибудь лёгонького на закуску. Лидия Петровна смотрит на меня с недоумением, вздыхает, но послушно приносит на подносе коньяк, порезанный лимончик, коромысловские апельсины и сыр. Мы чокаемся, опрокидываем по рюмашке. «Эх, – думаю-сожалею я, – день сегодня для работы потерян!» Ещё с полчаса мы сидим с милым Коромысловым за обсуждением насущных проблем больной российской словесности, удивительно как совпадая по взглядам-оценкам, при этом чокаясь и пригубливая. Наконец, когда я, окончательно разомлев, собираюсь проводить дорогого гостя в прихожую, он спохватывается и достаёт из сумки объёмистую папку:

– Николай Степанович, вот тут у меня роман исторический «Святополк Русский», очень бы хотелось...

Я меняюсь в лице, я скучнею, я начинаю мямлить, что-де у меня заводелом прозы рукописи первым смотрит, что времени нет совсем... Напрасные потуги. Коромыслов растворяется-исчезает, выцарапав из меня обещание прочесть его «Святополка Росского» лично. Представляю себе! В последнее время творится настоящий бум беллетристики, окучивающей поле российской истории. Романисты то ли не решаются осмысливать бурливую современность, то ли ищут аналогии в глубине веков. Миссию Достоевского в текущей русской литературе мало кто пытается нести-исполнять, большинство плетутся

по стопам Толстых: пишут-сочиняют в меру способностей свои вариации «Войны и мира» о Великой Отечественной, выдают на гора кто своего «Князя Серебряного», кто «Петра Первого»...

Слава Господу, я исторических романов не пишу, я, как определял это Достоевский, *одержим тоской по текущему*.

Итак, категорически прошу жену больше ко мне никого и ни под каким видом не пускать. Между тем день-то скатывается к обеду. Махнув окончательно на свои желания-поползновения работать, я заглушаю эту свою *тоску по текущему*, выключаю комп и справляюсь у Лидии Петровны, не пора ли нам подзакусить? Оказывается, пора. Садимся вдвоём за стол. Третьим в трапезе участвует Фарисей. У него на кухне рядом с плитусом есть своя столовая, свой сервиз – три чашки-плошки: в одной баночный «Вискас», в другой сухой, в третьей вода. Однако ж рыжий котяра считает своим долгом занимать свободный стул за нашим обеденным столом и выглядывать-вынюхивать с завистливым подозрением – чего это такого вкусенького втайне от него хотят-намереваются съесть хозяева?

Насчёт вкусенького вопрос, конечно, спорный. Раньше, когда жена работала и когда дети были маленькими, у нас кухней заведовала домработница, теперь Лидия Петровна стряпает сама. Обычно это овощной салат, суп-лапша или рисовый на курином бульоне, котлетки и биточки из полуфабрикатов. Впрочем, я, в отличие от Фарисея, непривередлив. Правда, примерно раз в месяц на меня накатывает волна кулинарного вдохновения, я сам делаю закупки на рынке, оккупирую на полдня кухню и выдаю праздничный обед или ужин с домашними пельменями или украинским борщом, с голубцами или даже каким-нибудь кроликом в белом соусе...

В часы, когда я возюкаюсь на кухне, сочиняя-стряпая свой очередной аппетитный шедевр, мне порой приходит мысль, что, может быть, мой талант как раз и есть талант кулинарный, а вовсе не писательский. Может быть, открой я свой ресторан, как это делают многие бездарные певцы и артисты, я бы давно уже процветал и был миллионером...

Итак, сидим с Лидией Петровной вдвоём за большим столом, дымятся две тарелки с супом. Фарисей сидит на третьем стуле, степенно ждёт свой кусочек тощей, но зато натуральной курицы. Я вдруг экспромтом вопрошаю в пространство:

– А почему бы нам не скрасить обед глоточком чего-нибудь возбоднительного?

Вопрос повисает в воздухе.

– Чего ж добру пропадать, – убедительно продолжаю я, – там ведь коньячок раскупоренный ещё, кажется, остался?

– Остался, остался, – вынуждена согласиться Лидия Петровна и ставит на стол заветную бутылочку, не преминув добавить: – Больно много ты пить стал, Николай Степаныч...

Что верно, то верно, спорить нечего. Да и смысла нет. Я медленно наливаю себе большую рюмку до краёв, с наслаждением выпиваю. Вот и славненько, теперь можно и жалобы-рассуждения супружницы слушать...

Но наш привычный тет-а-тет нарушается: слышится шум открываемой входной двери и появляется наша дочь Валерия. Она, ещё одетой, заглядывает на кухню:

– О, вы едите? Как раз! Я с вами перехвачу...

Радость-то какая. Лидия Петровна подхватывается, начинает хлопотать. Я выпиваю остатки коньяка, принимаюсь за суп. Лера, звеня цепями, бусами и браслетами, устраивается за столом.

– Хорошо бы, – говорю я, – поздороваться с отцом и помыть перед едой руки.

– Ну, папик, опять ты не в настроении! – кривится дочь, но всё же встаёт из-за стола, отправляется в ванную, и потом, вновь возникнув на пороге кухни, демонстративно кланяется: – Здравствуйте, Николай Степанович!

– Добрый день, Валерия Николаевна! – в тон отвечаю я и продолжаю есть.

Затем, когда суп заканчивается, я в ожидании, пока жена положит мне котлетку с гречкой, смотрю, как дочь моя ест. Ест она быстро, жадно, хлебает полными ложками – сразу видно, целый день горячего не ела. Кольцо в верхней губе стучит об ложку.

– Скажи, Валерия, – спрашиваю я. – Вот ты сейчас при морозе в минус пятнадцать ходишь без головного убора и с голой пояс-

ницей. Ты что, не слышала про менингит, радикулит? Ты не знаешь, что такое почки? Ну почему бы не надеть дублёнку с капюшоном или шубку с шапкой?

– Ну, па-а-а! – надувает губки Лера. – Опять ты со своими нотациями... Я вот сейчас иду брать интервью у Гай Германики: представляешь, я к ней в шубке с шапкой заявлюсь?

– Между прочим, я вчера читал интервью в «Семи днях» с твоей Германикой: она как раз обожает хороший парфюм, так что пахнет от неё, в отличие от тебя, не сигаретным дымом и пивом, а французскими духами. И на снимке она как раз в элегантной норковой шубке...

Честно говоря, я не помню, во что была одета девица-режиссёр, авторша скандального сериала «Школа», но дочь моя задумалась, наморщила лобик:

– Ты ещё скажи, что Лера без пирсинга была...

– Нет, почему же, с этим всё в порядке: уши в кольчугах, из носа железяка торчит...

Я решаю после обеда, несмотря на хвори, выглянуть на улицу. Для Лидии Петровны легенда – пойду подышу свежим воздухом, а то голова болит; на самом деле – надо прикупить на вечер мартини или фляжку коньяка: сегодня уж грех останавливаться.

Выходим мы вместе с Валерией. Она в дублёнке и пахнет от неё «Шанелью». Мне приходит на ум, что если б приложить чуть-чуть усилий и упорства, дочь мою ещё можно было бы, что называется, перевоспитать, вернее, довоспитать, спасти, может быть, её судьбу. Мне хочется сказать ей что-нибудь славное, но лифт уже останавливается, Лера спешит, выскакивает из подъезда, на ходу машет мне рукой, устремляется к джипу, громоздящемуся на тротуаре, вскакивает в него. Стёкла у этого танка на колёсах, разумеется, тонированные, так что я не могу разглядеть владельца-хозяйина «Ниссана», да мне это и не особо-то интересно. Судя по тому, что почти час терпеливо ждал Леру у подъезда, он у неё на привязи; а судя по тому, что она не удосужилась пригласить его в дом и даже сейчас не захотела со мной знакомить – женихом его, даже потенциальным, считать пока преждевременно.

Оно и слава Богу, а то вдруг опять окажется аферистом. Однажды дочь под видом жениха привела в дом одного такого хлыща. Впечатление поначалу он произвёл благоприятное: Лидии Петровне розы вручил, мне бутылку виски. После праздничного ужина, не откладывая, попросил у меня аудиенции для делового разговора. В моём кабинете, по-родственному развалившись в кресле, изложил суть дела-предложения: у него готовы рукописи трёх романов в жанре экшен, мы их выпускаем-печатаем под моим именем, а гонорары-дивиденды делим пополам. «Представляете, ваше имя плюс мои забойные тексты? – закатывал глаза в экстазе мальчик. – Мы весь мир порвём!..»

Я смотрю на японскую машину, проглотившую мою дочь, и вспоминаю старую поговорку, переделанную на современный лад: «Не в свои «ниссаны» не садись!». Стою жду у двери подъезда, пока джип съедет с тротуара. Вот это меня раздражает. Раньше я к машинам был равнодушен. Теперь я их порой ненавижу. Я убеждённый пешеход и велосипедист. Если бы не моё положение и врождённая робость перед условностями, я бы и по Москве раскатывал на велосипеде. В этом вопросе не только Европа, но и Китай с Вьетнамом намного демократичнее и цивилизованнее нас. Никогда я не стремился заиметь-купить личное авто, за что, к слову, Лидия Петровна в молодости мне проедала плешь. Потом, когда я возглавил журнал и у меня появилась служебная машина с водителем, жена чуть успокоилась, но со временем, когда хлынул на российские дороги бурный поток блестящих иномарок, принялась давить на меня и, соединив усилия с моим замом Ивановым, добавили они меня таки – «Волгу» пришлось сменить на «Вольво». Но пользуюсь я служебной машиной редко, в основном Геннадий возит мою жену и моего зама – с ними делит всю прелесть московских пробок. Лидия Петровна сама не решалась сесть за руль, хотя периодически мечтала о том, как приобретёт себе «жука» немецкого, обязательно красного цвета, и станет раскатывать на нём по столице и на дачу. Дочь, насколько я знаю, даже и не мечтала заделаться автовладелицей. Но если мне вождение мешало бы думать-размыш-

лять, то у Валерии причины отказа от водительских прав, вероятно, были более весомые: во-первых, зачем утруждаться, исполнять довольно утомительную и по сути плебейскую роль извозчика-водилы, когда для этого есть ухажёры с машинами; а во-вторых, это что же, не пить, когда захочешь, пиво и вино?!

В семье нашей автотелега имелась одно время только у сына. Когда у него завелись собственные большие деньги, он тут же приобрёл себе «Тойоту». Первая авария случилась уже на следующий день: Дмитрий въехал-впечатался в столб. Отделался лёгким испугом и ремонтом машины. Через месяц уже в него врезался «мерс», причём признали виновным Диму, к тому же у него обнаружили алкоголь в крови. Сотрясение мозга, сломанные рёбра, ремонт двух машин, крупный штраф. Но и это его не остановило. И только после того, как он сбил на переходе десятилетнюю девочку (слава Богу, та отделалась синяками!), мне удалось убедить сына продать машину. Я ему внятно объяснил-внушил: даже если при следующей аварии (а она обязательно, она непременно будет!) он сломает себе позвоночник и останется на всю жизнь инвалидом, прикованным к постели, это ещё терпимо – мы с матерью за ним будем ухаживать и кормить с ложечки; но вот если он, не дай Бог, сожёт следующую девочку насмерть (а он непременно, он стопроцентно сожёт!) – ему светят тюремные нары на несколько лет. В тюрьму Дмитрий не хотел.

Ну так вот. Теперь я не просто к машинам равнодушен, теперь они меня раздражают, а порою и выводят из себя. Они мешают мне, вторгаются в мою жизнь. Мало того, что они сжигают кислород, отравляя меня выхлопными газами, они ещё и загромодили тротуары, и я вынужден, протискиваясь мимо них, пачкать одежду или сходить на проезжую часть и подвергать свою жизнь опасности; они стоят нагло на пешеходных «зебрах», и мы, униженные пешеходы, вынуждены лавировать между ними, сталкиваться в узких проходах-лазейках, портить себе и другим настроение.

Меня больше раздражают в таких ситуациях даже не наглые хамы-водители, а наши доблестные гаишники-гибэдэдэшники. Казалось бы, не надо гнаться за нарушите-

лем ПДД, рисковать жизнью – вот он, стоит на тротуаре или «зебре», явно и в открытую нарушая все и всяческие правила: просто подойди и накажи-оштрафуй. Даже и водителя искать не надо. Помню, ещё в 70-х годах прошлого века на наших экранах широко демонстрировались французские фильмы, где бравый жандарм в исполнении Луи де Фюнеса подходил к неправильно припаркованному автомобилю, выписывал-заполнял на капоте штрафную квитанцию, прижимал её дворником к ветровому стеклу и – всё. Насколько я знаю, бывая в Европах, тем более так работает дорожная полиция в наши компьютерные времена. Почему у нас до сих пор подобная практика не приживается – ума не приложу.

Года два назад я совершил поступок, за который мне до сих пор стыдно. Какой-то недоумок из нашего подъезда взялся ставить

свой «Лексус» на тротуар прямо у двери, загораживая проход. И вот однажды, поздно вечером возвращаясь домой и будучи не в духе да ещё и подшофе, я впал в такую ярость при виде беспардонной машины, что не поленился: поднялся домой, набрал и распечатал крупным шрифтом плакатик «Проход не загораживать!!!», обильно смазал обратную сторону листа «Моментом», выскочил на улицу и намертво приклеил-прилепил бумагу к ветровому стеклу. Представляю, что бы было, застукай меня хозяин «Лексуса» на месте преступления. Однако ж, подействовало – машина эта дурацкая вплотную к подъезду больше не ставилась.

Зато тут же её место занял громадный «Форд»...

Продолжение в январском номере журнала.